

владимир
егоров

у истоков руси

меж варягом
и греком

Владимир
Егоров

у истоков
руси
меж варягом
и греком

Москва
алгоритм
ЭКМО
2010

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)
Е 30

Художественное оформление *Б. Протопопова*

Егоров В.
Е 30 У истоков Руси : меж варягом и греком / Владимир Егоров. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 304 с. — (Славная Русь).

ISBN 978-5-699-39871-3

Официальная трактовка возникновения Киевской Руси и зарождения русского народа, восходящая к так называемой Начальной летописи, неоднократно подвергалась и продолжает подвергаться критике. Данная книга — не просто очередная критика летописной традиции, «официальной» версии становления русской государственности, но попытка дать ответ на вопрос: откуда ты, Русь? Она будет интересна как массовому читателю, которому безразлична древняя история его страны и его народа, так и специалистам, преподавателям, учащимся.

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

ISBN 978-5-699-39871-3

© Егоров В. Б., 2010
© ООО «Алгоритм-Книга», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ОТ АВТОРА

В школе я не любил историю, хотя в целом учился неплохо. Именно по истории был честно заработан единственный за все одиннадцать лет полирования локтями школьной парты «кол». В те годы сей предмет представлялся мне бессмысленной скачкой по векам и тысячелетиям с тупой зубрежкой ничего не значащих имен и дат. Все это многократно усугублялось горластой «историчкой», не питавшей никаких добрых чувств ни к своему предмету, ни к ученикам. Школу я покинул, ничегошеньки не унеся с собой о прошлом человечества. Интерес к нему «прорезался» в весьма почтенном возрасте с неожиданным для самого себя осознанием, что история — это отнюдь не набор имен и дат, а клубок увлекательнейших загадок, смутно угадываемых между строчками учебника.

Много чего не любил я в школе, зато всегда любил головоломки. Не раз они вовлекали меня в разные истории и в конце концов затащили в Историю. Не знаю, почему именно в нее, ведь мир полон всевозможными загадками. Может быть, потому, что с годами история своего рода, прошлое своего народа у нормальных людей приобретают все большие интерес и значение. И я по достижении «критического» возраста не избежал этого жребия. Обратившись к родной истории, методично начал по порядку, с самого начала, со становления древней Руси и... всерьез застрял там. Сегодня, перевернув тысячи страниц и проглядев сотни

файлов, отчетливо понимаю, что появление древней Руси — необъяснимый феномен, полнейшая загадка не только для меня, но и для профессиональных историков. Историю и предысторию возникновения начальной Руси еще предстоит написать с чистого листа, а процесс становления Киевской Руси практически полностью переписать, поскольку он формально написан и есть в школьных учебниках, но как же далеко написанное от реальности!

15 мая 2009 года вышел Указ президента Российской Федерации «О Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Здесь не место обсуждать содержание Указа и реакцию на него в обществе. Пока хватит и названия: речь о том, можно ли фальсифицировать историю? Судя по названию президентского указа, можно, но нельзя. То есть в принципе можно, но в ущерб интересам России — ни-ни! А если не в ущерб? Ну хорошо, а если не фальсифицировать, а просто переписывать? Или это одно и то же? История, она ведь уже вся расписана: книжки, учебники, монографии. Чтобы чего-нибудь там сфальсифицировать, приходится ее, эту историю, никуда не денешься, переписывать. Так что ежели, к примеру, запретить каким-нибудь указом всякую перепись истории, то заодно всем фальсификациям сам собой придет конец.

Еще древние мудрецы заметили, что большинство споров возникает не потому, что спорящие по-разному понимают существо дела, а потому, что в споре называют одни и те же вещи разными именами или наоборот — разные вещи одним и тем же именем. В уважении к древней мудрости и нежелании попусту сотрясать воздух в спорах о фальсификациях и переписях полезно с самого начала определить основной предмет: что есть сама история?

Сразу оставим в стороне формальные определения типа «история — это наука...». Наукой можно заниматься в любой области человеческой деятельности, например, что, я думаю, не вызывает сомнений, в математике. Но разве первоклашка, перекладывающий палочки на уроке арифметики, зани-

мается наукой? Ох, далек от нее и студент, зазубривающий к экзамену интегралы. Зато куда ближе повар, обобщивший опыт, как свой, так и коллег, в опубликованной им кулинарной книге. И математика и кулинария могут быть науками, а могут быть всего лишь предметами, изучаемыми в школе или кулинарном техникуме. История тоже может быть наукой, школьным предметом или, для разнообразия, предметом горячего обсуждения на кухне за бутылкой.

Итак, что же такое эта многоликая история, история-ненаука, история вообще?

Самое простое «бытовое» определение истории как нашего прошлого почти верно, но с небольшой поправкой: история — это **наше представление о прошлом** или, чуть более по-научному, **наша трактовка прошлого**. Соответственно, у каждого человека своя история, но не в смысле биографии, а именно в смысле его личного представления о прошлом человечества. Одна история у школьника-двученика и совсем другая — у профессора истории, причем у всех профессионалов-историков она разная. Если ученых, трактующих прошлое, много, то и историй тоже оказывается много и разных. В частности, есть истории России Татищева, Карамзина, Соловьева, Ключевского. В тоталитарном государстве, где круг профессиональных историков, формирующих представление о прошлом, принципиально ограничен и идеологически подконтролен властям предержащим, есть одна-единственная «официальная» история, регулярно изложенная коллективом доверенных историков в энциклопедиях и учебниках.

Догадываюсь, что в учебники большинство читателей давно не заглядывали и отнюдь не горят желанием делать это теперь, но я все же рискну предложить им всего лишь один абзац из вузовского курса истории последних лет советского времени. В «Истории России с древнейших времен до второй половины XIX века. Курс лекций. Ч. 1» (под ред. академика Личмана Б.В., Уральский государственный технический университет, Екатеринбург, 1995) можно прочесть следующее.

«Сами по себе «голые факты» как «фрагменты действительности» могут ничего не говорить читателю. Только историк дает факту известный смысл, который зависит от его общенаучных и идейно-теоретических взглядов. Поэтому в разных системах взглядов один и тот же исторический факт получает разное толкование, разное значение. Таким образом, между историческим фактом (событием, явлением) и соответствующим ему научно-историческим фактом стоит интерпретация. Именно она превращает факты истории в факты науки».

Понимаю, обыкновенному читателю, за уши притянута мною к учебнику, трудно одолеть такую мудрость. Не понять простому смертному глубин профессорской логики, по которой почему-то совершенно разными вещами оказываются факты исторические и научно-исторические, факты истории и науки. Входя в положение читателя, придется перевести академические пассажи на человеческий язык. Так вот, смысл цитаты в том, что «голые факты» превращаются в «историю» интерпретацией этих фактов профессионалами-историками с учетом их идейных взглядов. Это как раз и означает, что история, как я уже говорил, есть интерпретация прошлого, некое представление о нем. Но право на такую интерпретацию, как убеждены авторы процитированного учебника, имеют не всякие там, а только историки. Надо ли напоминать, что в советской действительности историками считались только научные сотрудники Академии наук СССР, имевшие соответствующие ученые звания и занимавшие соответствующие посты в Академии? А самым главным «историком», имевшим неограниченное право на интерпретацию всех «голых фактов», была КПСС в лице ее Политбюро и Генерального секретаря?

С учетом сказанного, упомянутая выше «Комиссия... по противодействию попыткам фальсификации истории...» должна остаться без работы. Если история — это представление и трактовка, то фальсифицировать ее невозможно. Фальсифицировать можно факты, события, свидетельства, но не представление. Само словосочетание «фальсификация исто-

рии» — нонсенс. Но на самом деле Комиссии все же придется потрудиться: в тексте президентского Указа основные задачи Комиссии обозначены в пяти пунктах, и во всех говорится о фальсификации исторических фактов и событий, а не истории как таковой. Так что просто в названии Указа допущена небрежность. Остается только надеяться, что созданная Указом комиссия избежит небрежностей в своей работе.

Теперь осмелюсь еще раз, честное слово — последний, испытать терпение читателя и закончу цитату из вузовского учебника.

«Не означает ли такое наличие различных интерпретаций исторических фактов, что исторической истины нет или их несколько? Нет, не означает. Просто меняются наши представления об истине. Движение науки идет как бы от неполной, относительной истины к более полной. Но абсолютной истины, как известно, не существует, поэтому, пока живет общество, не будет написано и «последней главы» истории».

Опять, если перевести нарочито наукообразно запутанные профессорские сентенции на общечеловеческий язык, то получится, что неизбежность множества различных частных историй примиряется с единственной «официальной» введением конъюнктурного понятия «исторической истины», которое всегда можно подправить, а то и полностью перевернуть вверх тормашками «движением науки от неполной, относительной истины к более полной». Главное, успевать корректировать эту «историческую истину» в соответствии с последними указаниями Партии и правительства.

А вот с чем в последней цитате нельзя не согласиться, так это с тем, что «пока живет общество, не будет написано и «последней главы» истории». То есть история будет писаться и переписываться бесконечно. И это абсолютно нормально. Разные представления о прошлом, то есть разные истории могут складываться в разных головах, ученых и неученых, на основании одних и тех же известных фактов. Тем более каждый вновь открытый факт, каждое вновь добытое знание может потянуть за собой новую интерпретацию прошлого,

то есть переписывание истории. Так что на вопрос, можно ли переписывать историю, ответ однозначен: не только можно, но и нужно! Более того, чем больше людей будет втянуто в этот перманентный по своей сути процесс, тем полнее и масштабнее будет становиться панорама истории.

С таких исходных позиций взялся за перо (конечно фигурально, на самом деле сел за клавиатуру компьютера) ваш покорный слуга. Я не профессиональный историк, история древней Руси — всего лишь мое хобби, причем второе. Еще раньше, чем историей, увлекся я лингвистикой и теперь смотрю на лингвистику глазами историка, а на историю глазами лингвиста. Разумеется, историю я знаю хуже историков, а языки — хуже языковедов, но... смею надеяться, что ориентируюсь в языкознании получше большинства историков, а в древней истории — поувереннее большинства лингвистов. И еще. Неисторику и нелингвисту проще не затягивать читателя в профессиональные глубины, но «с легкостью мысли необычайной» плыть по поверхности, лишь привлекая взгляд читателя к интересному для непрофессионала и в истории, и в лингвистике. То, что читатель найдет на последующих страницах, не репортерский ширпотреб, но и не научное исследование. Мне как автору нравится слово *расследование*, и мой труд, пожалуй, напоминал работу скорее детектива-следователя, чем ученого-исследователя. Соответственно, эту книгу можно считать до некоторой степени историко-лингвистическим детективом. В этой же связи хочу заметить, что ссылки в тексте не имеют целью показать эрудицию автора или заручиться поддержкой авторитетов, они сугубо прагматичны и предназначены заинтересованному читателю, который по этим ссылкам может найти дополнительную полезную информацию.

Не будучи историком, я все же считаю возможным в своих расследованиях высказывать личное мнение по спорным вопросам и выдвигать собственные гипотезы, но ни в коем случае не настаиваю на них. Основная задача этой книги — привлечь вниманиес читателя к интересным моментам истории древней Руси, убедить его, что она полна загадок, ин-

тересных и до сих пор не разгаданных. А главное, побудить читателя задуматься над ними и поискать свое собственное решение, создать свое личное представление о прошлом. То есть... породить собственную историю! Внимательный читатель может заметить, что авторские гипотезы в разных собранных в книге расследованиях не всегда стыкуются между собой и временами противоречат одна другой. Так оно и есть. Еще раз подчеркиваю: цель этой книги — задать вопросы, а не дать исчерпывающие ответы, которых у меня просто нет. Как, впрочем, и у профессиональных историков.

Не будучи лингвистом, но привлекая языковедение к проблемам истории, я вынужден местами для пояснения звучания иноязычных слов вводить в текст их фонетические транскрипции. Так как большинство читателей, даже если они проходили что-то в школе, вряд ли свободно воспримут общепринятую систему транскрибирования на основе латиницы и международного фонетического алфавита, транскрипции в книге даны более привычной массовому читателю кириллицей, хотя и в традиционных квадратных скобках. Только в отдельных случаях, где принципиально требуется точность передачи звучания, использована общепринятая нотация, но всегда с соответствующими оговорками и разъяснениями.

Ну что ж, теперь можно глубоко вздохнуть и погрузиться в исследование незнакомой истории древней Руси. Со своей стороны обещаю постараться, чтобы погружение было интересным.

Глава 1

ЧИТАЯ «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ: ЗАМЫШЛЕНИЯ

(Еще не читаем, но уже замышляем)

В который раз перечитываю «Повесть временных лет», и вдруг у меня возникает желание делать это не в одиночку, а делясь с кем-нибудь наваливающимся по ходу чтения недоумением и сарказмом. Самый благодарный собеседник — это воображаемый читатель. Что мне до того, с какой ноги он встал и обедал ли он сегодня. Он не обдаст перегаром сомнительного происхождения, выражая неумеренные восторги, не чихнет в ухо, пытаясь заглянуть в текст через плечо, не будет равнодушно ковырять в носу во время изложения суждения, которое моему внутреннему взору представляется весьма глубокомысленным и достойным большего внимания. Он по моему желанию может быть внимательным или рассеянным, придирчивым или снисходительным, философски молчаливым или восторженно словоохотливым. Вообще молчаливый собеседник — редкая удача, но ведь, если честно, иногда хочется услышать восхищенное «вот это да!» или какой-нибудь дельный вопросец, не из сложных, но дающий возможность блеснуть эрудицией.

Воображение — штука весьма податливая. Стоило только подумать о приглашении к себе некоего гипотетического читателя, как оно уже рисует толпы жаждущих внять мудрому слову. Лестно, конечно, но и обременительно. Пожалуй, я все же ограничусь одним читателем, но на всякий случай, если ко мне неожиданно-негаданно вломятся толпы порожден-

ных моей фантазией поклонников, обзаведусь еще и хорошим воображаемым дворецким, преданным, исполнительным и... слегка глуховатым, чтобы не откликался на каждый стук в дверь. Поскольку я не намерен требовать от кандидатов в домоправители письменных рекомендаций, мне вполне подойдет Бэрримор. Я готов закрыть глаза на то, что шурин у него каторжник-убийца, во имя их общей родственницы, миссис Бэрримор, которая готовит овсянку — пальчики оближешь. (Придется облизывать — не ходить же с пальцами, измазанными в липкой массе, на которую не позарится даже голодная захудалая дворняга.)

Итак, дело решенное. Набираю в легкие побольше воздуха и ору:

— Бэрримор!

И... о чудо! В ответ явственно слышу чуть ворчливый, но, с одной стороны, полный уважительного внимания, а с другой, — требующий внимательного уважения голос, который доносится, кажется, с самого туманного Альбиона:

— Да, сэр!

— Я не сэр, Бэрримор.

— Конечно, сэр!

— Ну хорошо, хорошо... — В конце концов, почему бы не дать моему воображаемому читателю возможность пообщаться на «ты» с воображаемым сэром? — А что у нас на завтрак, Бэрримор?

— «Повесть временных лет», сэр!

— А на обед?

— «Повесть временных лет»... сэ-эр.

Кажется, про ужин лучше не спрашивать. Впрочем, что такое английский ужин?!

Мой любознательный читатель, мы с Бэрримором в полном твоём распоряжении. Догадываюсь, что тебе было недосуг прочесть «Повесть временных лет» самому, хотя допускаю, что когда-то ты брал ее в руки и даже начинал неуверенно листать. Присаживайся рядом со мной в мрачноватой гостиной, где тени от камина лениво бродят по закопченным стенам среди портретов давно почивших баронетов, и мы

прочтем вместе — не пугайся — всего лишь самое-самое ее начало. И не подряд, а выборочно, только то, что достойно стать объектом совместного чтения, и это чтение может оказаться интереснее, чем ты думаешь.

Устроился? Тогда я снимаю с печально скрипнувшей полки фолиант, сдуваю с него слой пыли, после чего на обложке проявляется виньетка-тиснение: «БСЭ» (именно так мы и дальше будем именовать Большую советскую энциклопедию). Осталось только найти нужную закладку, и вот мы с тобой, мой чихающий от пыли читатель, читаем:

«“Повесть временных лет” — общерусский летописный свод, составленный в Киеве во 2-м десятилетии 12 в. и положенный в основу большинства дошедших до настоящего времени летописных сводов. Как отдельный самостоятельный памятник “П. в. л.” не сохранилась... В списках некоторых летописных сводов составителем “П. в. л.” назван монах Киево-Печерского монастыря Нестор... После своего появления “П. в. л.” ещё дважды подвергалась переработкам. Источниками 1-й редакции “П. в. л.” послужили Киево-Печерский свод конца 11 в., русско-византийские договоры 10 в., “Хронограф по великому изложению” — древнерусское компилятивное сочинение по всемирной истории, византийская хроника Георгия Амартола, житие Василия Нового, соч. Епифания Кипрского, тексты Священного писания, “Сказание о грамоте Словенской”, предания о восточно-славянских племенах, о Кие, о мести Ольги древлянам, устные рассказы Яна Вышатича, монахов Киево-Печерского монастыря и др... После неоконченной статьи 1110 в “П. в. л.” содержится запись о написании летописи в 1116 игуменом Сильвестром, который создал новую, 2-ю редакцию “П. в. л.”. Сильвестр был игуменом Михайловского Выдубецкого монастыря, семейного монастыря Владимира Мономаха. Он частью опустил, а частью изменил последние статьи 1-й редакции “П. в. л.”. При переделках Сильвестр большое внимание уделил Владимиру Мономаху, преувеличив и приукрасив его роль в событиях конца 11 — начала 12 в., и ввёл ряд дополнений в “П. в. л.”. В 1118 “П. в. л.”

была подвергнута новой перделке. В центре внимания 3-й редакции “П. в. л.” остаются события, связанные с домом Мономаха, главным образом с сыном Владимира — Мстиславом. Последний редактор “П. в. л.” дополнил свой источник данными о семейных делах Владимира Мономаха и его отца Всеволода, уточнил данные о византийских императорах, в родстве с которыми состояли Мономахи. В целом же “П. в. л.” сохранила то значение, какое придал ей Нестор, — первого на Руси историографического труда, в котором история Древнерусского государства была показана на широком фоне событий всемирной истории. Летописцы призывали князей к единству и защите русской земли от внешних врагов. Летопись вобрала в себя родовые предания, повести, сказания и легенды исторического и сказочно-фольклорного характера, жития первых русских святых, произведений современной летописцам литературы. Язык летописи тесно связан с живым русским языком 11—12 вв., отличается лаконичностью и образностью... (Перевод и подготовка текста Д.С. Лихачева)».

Перед энциклопедиями я благоговею с детства, с тех еще времен, когда жили мы с матерью в тринадцатиметровой комнатухе тринадцатикомнатной коммуналки на Самотеке. Среди наших многочисленных и самых разных соседей вспоминаю старого профессора Ширинского и совсем уж древнего еврея Наума Шепселевича, за глаза прозванного мною Мафусаилом. Ширинский был, кажется, профессором музыки, но мне запомнился как редкий эрудит. Мафусаил, всегда навеселе и всегда в одном шлепанце, иногда левом, иногда правом, вообще почитал профессора едва ли не богом и, встретив того в коридоре, бросал свои неспешные дела (если, конечно, они были неспешными, ибо встреча происходила чаще всего в коридоре на пути в уборную, где вот-вот могла собраться немалая очередь), шаркал шлепанцем вслед за профессором и обязательно задавал очередной каверзный вопросик. Похоже, вопросики эти он готовил заранее. Ширинский подробно, хоть и чуточку брезгливо отве-

чал, и просветленный Мафусаил шаркал дальше, восхищенно приговаривая со своим местечковым выговором:

— Нэт, ви только подумайтэ, он вед прочёл всего энциклопедического словаря!

Наверно детское благоговение перед энциклопедической мудростью я с годами слегка подрастерял, поэтому без особого насилия над собой пощадил тебя, мой неподготовленный читатель, и процитировал статью БСЭ не полностью. Но и процитированного хватает, чтобы озадачить.

Что же такое «Повесть временных лет»? В начале приведенной статьи БСЭ предмет нашего интереса представлен как «общерусский летописный свод,... положенный в основу большинства дошедших до настоящего времени летописных сводов». То есть попросту летопись. Однако ниже читаем нечто иное: «В целом же «П. в. л.» сохранила то значение, какое придавал ей Нестор, — первого на Руси историографического труда». Уже не летописный свод, а историографический труд. Может быть, я чего-то недопонимаю, но в моем недопонимании (не сильно меня смущающем, поскольку точно так же «недопонимал» сам Брокгауз) летописи — это погодные отчеты о произошедших событиях. В Риме, и потом Западной Европе, они соответственно назывались анналами, а в Византии — хрониками, то есть «временниками»¹. Писали летописи и на Руси, и в Европе в основном монахи, скрупулезно фиксируя, что видели или слышали. И только. Историографический же труд — это нечто научное, исследовательское, творческое, наконец. Никак не летопись. Помоему, надо все-таки выбирать: либо то, либо другое. Не берусь судить, «тянет» ли «Повесть временных лет» на научное исследование, но без колебаний утверждаю, что это **не летопись**. Начало произведения вообще не имеет никакого отношения к летописанию. Одиночные летописные вкрапления начинаются лишь с 1000 года, но и после этого «Повесть

¹ *Летопись* — от древнерусского *лѣто* — «год»; *анналы* — *annales* [анналес] (*лат.*) — «годовые, погодные»; *хроника* — от *χρονος* [хронос] (*греч.*) — «время».

временных лет» летописью не становится. По-моему, жанр произведения точно определил сам автор, назвав его **повестью**. То есть он писал, а мы соответственно будем читать беллетристику, литературное произведение, в данном случае на историческую тему. Я не вижу причин не соглашаться с автором и буду в дальнейшем именовать «Повесть временных лет» просто, но подчеркнуто «Повестью».

Мы точно не знаем, кто был первым автором «Повести». Может быть Нестор. Мы вероятно никогда не узнаем, сколько у нее в долгой череде веков было соавторов кроме Сильвестра. Поэтому, сознательно обходя вопрос о персоналиях, я в дальнейшем в отношении всех скопом создателей «Повести» чаще всего буду пользоваться абстрактным собирательным словом «автор». Но иногда, когда компилятивность «Повести» будет иметь принципиальное значение, мне придется делать специальные оговорки, но опять же не на персональном уровне, а по вероятному времени написания того или иного пассажа.

Общепринято, что «Повесть» была написана в начале XII века, вероятно, по инициативе киевского князя Святополка II, и почти сразу после его смерти переделана согласно «указаниям» Владимира Мономаха. Сам текст не оставляет сомнений, что автор выполнял, выражаясь современным языком, «социальный заказ» — обосновать права сначала Святополка, а потом Мономаха и их наследников на киевский стол¹. О значимости вопроса о киевском княжении без обиняков говорит сама заставка «Повести»: *«Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить...»* (все подчеркивания мои. — В.Е.).

Итак, «Повесть» — это повесть, однако не просто литературное произведение, которое еще могло бы быть в той или иной степени историографическим, но еще и апология, что с историографией никак не совместимо.

¹ Слово «стол» в значении «престол» встречается в надписи на самых древних монетах киевской чеканки: «ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ». Весьма впечатляющее описание «стола» киевских каганов есть у ибн Фадлана (см. главу «Читая ибн Фадлана»).

На мой взгляд, «Повесть» вообще не следовало бы рассматривать в качестве исторического источника, но я отдаю себе отчет, что мой взгляд — не взгляд медузы Горгоны, а голос мой — отнюдь не труба иерихонская, и возопит он в пустыне. Во-первых, слишком сильна традиция веры в «Повесть», понимания ее как летописи. Эта традиция насчитывает века, она освящена милыми моему сердцу энциклопедиями, размножена в миллионах экземпляров ненавистными учебниками, прославлена велеречивыми панегириками академиков. Во-вторых, на безрыбье и рак — рыба. «Повесть» была, есть и, по-видимому, навсегда останется едва ли не единственным источником хоть каких-то сведений о начале Киевской Руси. В этом ее значимость. Но безоглядно верить этим сведениям, увы, нельзя. В этом ее коварство. Поэтому чтение «Повести» как исторического источника — это труд сродни расчистке авгиевых конюшен.

В свою студенческую стройотрядовскую бытность довелось и мне поработать Гераклом. Основным ударным объектом комсомольской стройки был совхозный клуб, возводимый на околице центральной усадьбы, вспомогательным — овощехранилище в соседней деревне. Кто-то додумался строить клуб на месте заброшенного кладбища. Местные трудящиеся, освобожденные от работы советской властью и даровой студенческой рабочей силой, толпились в легком подпитии над котлованом и при очередной находке бранных останков их пращуров сокрушенно вздыхали: «Не, не будет стоять. На костях — не будет». (Аборигены не угадали: клуб устоял, с весенним паводком «уплыло» овощехранилище.) И основной, и вспомогательный объекты хорошего заработка не обещали, поэтому отрядное начальство с радостью ухватилось за калымную работу в отдаленной деревеньке совхоза, где надо было сломать старый коровник. Сулившая приличный заработок работа казалась легкой: ломать, как известно, — не строить... Ха! Семь человек ударной бригады ломали этот чертов коровник две недели, да так и не доломали. Нам пришлось вскрыть пять настилов, слоенным пирогом покрывавших пол коровника! Что было в начинке этого пи-

рога, думаю, пояснять не надо. Мы весь день работали, облипанные с ног до головы этой начинкой, а вечером с трудом отмывали ее в соседнем прудике. Однако специфический запах не поддавался зеленоватой маслянистой воде. Совхозные псы шарахались от нас и зло облаивали наш след, а в столовой специально для нас ввели отдельную смену. Но не было на нас печати прокаженных, нас сопровождали всеобщие любовь и признательность — заработанные на коровнике деньги шли в «общий котел» — и мы действительно чувствовали себя совершающими подвиг гераклами.

Как давно это было! Сейчас под бременем лет и в глубинах скепсиса знаний мне все труднее представлять себя героем. Слава богу, расписание подвигов у меня не столь жесткое, как у Мюнхгаузена в исполнении Олега Янковского, и я не обязан заносить расчистку авгиевых конюшен «Повести» ни в еженедельник на рабочем столе, ни в реестр героических свершений. Поэтому предлагаю, мой пугливый читатель, относиться к нашему совместному чтению как приятному времяпрепровождению. Я буду стараться, чтобы желание бросать меня вместе с «Повестью» возникало у тебя нечасто, но ты можешь в любой момент покинуть нас и в любой момент вернуться обратно. Бэрримор откроет дверь, скрывая зевоту под напускным выражением почтительности, я с трудом разлеплю веки, подниму с пола выпавшую из рук «Повесть» и мы вновь неспешно поплывем по ее страницам, укачиваемые волнами временных лет.

Надеюсь, мой терпеливый читатель, с которым мы уже одолели первую вводную часть, «Замышления», что мы таким же образом успешно переплывем и вторую часть наших совместных бдений — «Размышления», где легкое досужее чтение «Повести» на первое и ни к чему не обязывающие размышления о прочитанном на второе будут сдобрены доброй порцией сарказма на десерт. Третья часть, «Измышления», где чтение как таковое отойдет на второй план, а на первый выдвинутся авторские измышления и всякое пустобрехство, припасена для больших энтузиастов разгадывания загадок старины глубокой, готовых копаться вместе со

мной под полами авгиевых конюшен истории, и я не оби-жусь, если ты, мой малодушный читатель, к этому моменту потихоньку дезертируешь. Вольному — воля. Надеюсь толь-ко, что расстанемся мы все же не врагами.

А теперь, мой измученный предисловием читатель, нач-нем «Повесть» сию...

ЗЛОСЛОВИЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ

(Потихоньку читаем и размышляем)

Собственно, мы уже начали, ведь первая фраза «Повес-ти» и есть: *«Так начнем повесть сию»*.

Еще раз привлекаю твое внимание, мой рассеянный чита-тель, автор настаивает на том, что написанное им произведе-ние — это **повесть**. Правда, повесть эта особая. Особенность проявляется уже в следующем предложении: *«По потопе трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет»*.

Библейские персонажи — полноправные действующие лица «Повести». С одной стороны, это естественно: для ав-тора каждое слово Библии богоданно, все в ней написан-ное — не просто реальная история человечества, а абсолют-ная не подлежащая сомнению истина. С другой стороны, эта особенность исподволь придает первой повествовательной фразе особое значение. Теперь она не просто формальное начало повествования *ab ovo*¹, такой зачин как бы задает об-щий тон «Повести» как **продолжению Библии**, заставляет читающего настроиться на восприятие всего написанного да-лее как не **подлежащего сомнению a priori**.

Невероятно просто и эффективно! Почти тысячу лет чи-тающие «Повесть» воспринимают ее текст как абсолютную истину, верят ей, если и не как Священному Писанию, то хотя бы как летописи. И зря. Ведь это всего лишь повесть...

«В Иафетовой же части сидят русь, чудь и всякие на-роды: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь,

¹ *Ab ovo* [аб ово] (лат.) — с самого начала, дословно «от яйца».

печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского».

Небольшой нюанс, почему-то не достаивавшийся внимания историков. В перечне народов Иафетовой части мира два выглядят явно привилегированно: русь и чудь. Прочие народы идут в куче как «всякие». Привилегированное положение руси глаз не режет, а вот чудь рядом с ней выглядит столь странно, что вновь хочется заглянуть в БСЭ. Заглядываем: «**Чудь** — название в древнерусских летописях эстов (см. также Эстонцы) и родственных им угро-финских племён (заволочская Ч.), живших во владениях Новгорода Великого к В. от Онежского озера — по рр. Онега и Северная Двина».

Нет, не проясняет энциклопедия, за что такая преференция чуди, почему автор ставит чудь наравне с русью. Может быть что-то разъяснит дальнейший текст? Ничего подобного, «Повесть» ничего не разъясняет, наоборот, продолжает все запутывать. В следующем предложении та же чудь неожиданно встречается еще раз (даже русь не удостоена такой чести!), причем в соседстве с... ляхами и пруссами! Если верить БСЭ и считать чудь эстонцами, то в рассматриваемой цитате «Повести» ее место, в соответствии с элементарной географией, должно было быть в ряду с зимиголой, летголой, ливами и ямью¹. Так нет же, нелегкая уносит чудь почти за полтысячи километров на юго-запад, к самой Пруссии.

Но постойте, помимо «основной» чуди в нашей цитате помянута еще какая-то чудь заволочская. Благо, ее тоже встречаем в процитированной статье БСЭ. И что же? Впо-ру хвататься за голову. Энциклопедическая заволочская чудь оказывается угро-финскими племенами к востоку от Онежского озера по рекам Онеге и Северной Двине, то есть более чем за полтысячи километров от Эстонии теперь уже на северо-восток. Вот тебе и неторопливые эстонцы — наш по-

¹ **Зимигола** (земгалы), **летгола** (латгалы) — балтийские племена, предки латышей; **ливь** (либь), **ямь** (емь) — финские племена. Перечисленные народы жили у Финского и Рижского заливов Балтийского моря в непосредственном соседстве с современной Эстонией.

стрел везде поспел! Летописная Эстония простерлась «с южных гор до северных морей» — от Польши до самого Ледовитого океана.

Ученые умы этой проблемой почему-то не озаботились, поэтому искать ответ на первую загадку «Повести» о «Великой Эстонии» нам с тобой, мой неудовлетворенный читатель, придется самим. Но не сразу. В соответствии с уговором все собственные изыскания и домыслы мы оставляем на третью часть наших совместных чтений, «Измышления», а здесь сразу переходим к другой загадке «Повести», которая нам встречается прямо в следующем предложении: *«По этому [Варяжскому] морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу — до земли Английской и Волошской».*

Само утверждение, что варяги сидят по Варяжскому морю, заглатывается легко, как добрый скотч из подвалов Баскервиль-холла, предусмотрительно принесенный нам Бэрримором. А где же еще им сидеть? К западу — это понятно. На всей Балтике хозяйничают варяги, то есть викинги норманны. Их длинные руки дотянулись до Англии еще в VIII веке, а к X веку их можно встретить и во Франции (в Нормандии), и в Италии (на Сицилии). Оставим пока волохов, у нас еще будет повод поговорить о них специально, и обратим наши взоры на восток. Оказывается, варяги уселись не только к западу, но и к востоку «отсюда». Ах!.. Осторожно, мой слабонервный читатель! Ну вот, брюки (юбку?) придется, вероятно, отдавать в химчистку. Зато о коврах нашего воображаемого Баскервиль-холла беспокоиться не стоит: вместе с веками утекло по усам, да в рот не попало столько всякого пойла, что ковры давно насквозь пропитаны всеми мыслимыми видами алкоголя.

Я понимаю тебя, мой ошарашенный читатель. Варяги, сидящие по Варяжскому морю «отсюда» **на восток «до пределов Симовых»** — это что-то новенькое. Конечно, этому «новенькому» почти тысяча лет, но что делать, если такое интригующее замечание проигнорировано исследователями «Повести». Может быть, для них кажется естественным, что

Варяжское, то есть Балтийское, море находится от нас на востоке и граничит с «пределами Симовыми» и что там сидят какие-то варяги, но у меня это настолько не укладывается в голове, что я вынужден позвать дворецкого:

— Бэрримор, еще два виски! И, будь добр, убери осколки.

Вторая загадка «Повести» о Варяжском море и варягах на востоке у «пределов Симовых» долго не будет давать покоя нам с тобой, мой сконфуженный читатель в мокрых штанах, заставляя периодически к ней возвращаться и в «Размышлениях», и в «Измышлениях».

«Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англй, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, — они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым».

Вопросы по географии сыплются, как из рога изобилия. Оказывается, у автора «Повести» Швеция примыкает к южным странам и соседит с Африкой! Н-да...

Признаюсь, лишь в весьма зрелом возрасте я осознал парадоксальность поговорки: «как швед под Полтавой» — и отдал должное военному гению Карла XII. А ты, мой беззаботный читатель, не задумывался над тем, в каких широтах обитают шведы и на какой широте стоит Полтава? Лично мне, когда я сподобился задуматься над этим, как будто послышался голос Л. Филатова:

А теперь смекай, солдат,
Где Москва, а где Багдад!

Если бы не полтавская битва, где сгнула победоносная шведская армия, географические новации автора «Повести» могли бы спустя шестьсот лет обрести реальные очертания. Но не случилось, шведы так и не присоединились к «племени Хамову». Единственное, что удалось разбитому Карлу XII, это добраться до «пределов Симовых» в Стамбуле, где он нашел политическое убежище в почетном плену у турецкого султана.

Но интересно в цитате вовсе не это. В африканских соседях шведов нет никакой загадки, просто автор «Повести» не силен в географии, далеко ему до профессора Ширинского. Интересна последняя цитата другим. По существу, перед нами второе перечисление народов колена Иафета, но как же оно разнится с первым, представшим нашему взору несколькими строками ранее! Кроме руси никаких пересечений с предыдущим списком, и автор как будто вовсе забыл про привилегированную чудь. Это и служит ключом к разгадке второго перечисления народов колена Иафета. Оно добавлено в «Повесть» много веков спустя, когда на Руси уже не было никакой чуды, веси, мери, или муромы, и первое перечисление потеряло для читателя всякий смысл. Зато вокруг Руси появились новые народы, имена которых переписчик считает необходимым добавить в текст «Повести». Сами эти имена позволяют примерно определить время вставки нового текста.

Давай, мой начитанный читатель, зададимся простым вопросом: когда на Руси появились этнонимы¹ «немцы», «фряги», «корлязи»? Когда Древняя Русь могла познакомиться с венецианцами? Наиболее вероятный ответ — не ранее XIV века, скорее в XV веке, когда в наших летописях появилась «Повесть о взятии Царьграда фрягами». Соответственно, мы с тобой, мой обманутый читатель, имеем дело со вставкой XIV–XV веков. Таких вставок в «Повести» — пруд пруди, мы на них будем наткаться регулярно. Увы, нельзя сказать, что они сделали повествование более верным или хотя бы более понятным.

И еще пара замечаний.

Первое. В XIV веке на Руси давно уже нет никаких варягов. Они для автора вставки — некое загадочное племя, вроде бы имеющее какое-то отношение к скандинавским народам, в числе которых он их и помещает. В результате варяги существуют сами по себе, независимо от шведов и норман-

¹ **Этноним** (от *ἔθνος* [этнос] — «племя» и *ὄνυμα* [онюма] — «имя», *греч.*) — название племени или народа.

нов (норвежцев). Но и шведы с норвежцами для переписчика «Повести», киевского монаха XIV–XV веков, — всего лишь некая абстракция, известная из летописей благодаря древним родственным связям Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого. С датчанами первые князья не роднились, и те вовсе выпадают из нового перечня потомков Иафета. Зато наряду с абстрактными шведами автор вставки помещает в список отдельной позицией реально известных ему готов, с которыми в XIV веке вели торговые дела и подписывали соответствующие договоры Новгород Великий и Смоленск. Так в одном списке оказываются рядышком и варяги, и шведы, и готы.

Второе. Независимо от времени написания этой вставки, римляне конечно же не совместимы во времени ни с одним другим народом из рассматриваемого реестра. Поэтому под «римлянами», вероятно, здесь следует понимать «ромеев», то есть византийцев.

Поскольку к этой короткой вставке-перечислению нам еще не раз придется возвращаться, мой скрупулезный читатель, оставим здесь закладку — *«Потомство Иафета»* — и двинемся дальше.

«Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части».

Любопытная апологетическая отсебятина. Ветхий Завет не опускается до таких мелочей, как дележ земли сыновьями Ноя. И жребий, и зарок «не вступать никому в долю брата» — выдумки автора «Повести»¹. Приписав их библейским прабратам, он тем самым как бы освящает решения Любечского съезда 1097 года, где расплодившиеся князья поделили уделы и договорились не посягать на чужое: *«каждо да держит отчину свою»*. Но и этого мало. Ссылка на сыно-

¹ Возможно, я зря возвожу поклеп на автора «Повести», поскольку тема дележа Ноева наследства впервые прозвучала в апокрифическом «Евангелии Иуды» и могла быть подхвачена византийскими хрониками, через которых стала известна на Руси.

вей Ноя предназначена придать решениям съездов значение, о котором большинство его участников по простоте душевной даже не подозревало.

Тут надо учесть, мой неискушенный читатель, что на Руси того времени в наследовании княжений действовало так называемое лествичное право, согласно которому власть переходила не к старшему сыну, а к старшему в роде, обычно следующему по старшинству брату или племяннику. Поскольку князья плодили потомство похлеще быков-производителей, архаичное право создавало среди прорвы братьев, дядей и племянников жуткую неразбериху в правах на наследство и усугубляло феодальную раздробленность Руси. Сыновья Ноя призваны решить эту проблему. В тексте «Повести» Сим, Хам и Иафет не просто поделили землю, но и, живя «каждый в своей части», навечно оставили свои уделы потомству. Тем самым «Повесть» интерпретирует решение съезда не только как конец междоусобицам, но и как переход к нормальной системе наследования, что, между прочим, автоматически закрепляло великокняжеский киевский стол за патроном автора «Повести» Святополком Изяславичем и его детьми.

Ты уже догадался, мой проницательный читатель, что столь вольная трактовка решений съезда осталась лишь благим пожеланием, и киевское княжение после смерти Святополка досталось не его отпрыскам, а Мономаху. Тем не менее, каждый новый узурпатор великокняжеского стола был больше других заинтересован в том, чтобы работала система нормального наследования, освященная и пропагандируемая «Повестью», поэтому приведенная фраза сохранилась во всех ее редакциях как универсальная максима.

«...произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые норики, которые и есть славяне. Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле...»

Концепция дунайской или, как вариант, карпатской прародины славян была и остается очень популярной в славя-

стике. Опору она находит не только в «Повести», но и во «Влесовой книге». Главное, также к среднему Дунаю относятся первые упоминания славян в греко-римских источниках (Прокопий Кесарийский, Иордан). Однако в среде профессионалов отношение к этой концепции скорее скептическое. Она не подтверждается археологически, а археология — единственный в истории объективный критерий любых концепций и умозрительных построений. Кроме того, остается огромная неопределенность в датировке появления славян на Дунае и в Карпатах. Из «Влесовой книги» различные интерпретации извлекают время пребывания в Карпатах действующих лиц (строго говоря, славянами во «Влесовой книге» они не называются) в весьма широком диапазоне, в целом укладывающемся во вторую половину I тысячелетия до н.э. Греко-римские источники впервые упоминают славян на Дунае только в VI веке н.э. Расхождение минимум шесть веков. А что же «Повесть»?

В «Повести» некие норики, они же славяне, оседают по Дунаю на территории Венгрии и Болгарии. Здесь нужно сделать важную оговорку. В дошедшем до нас древнерусском оригинале нет «славян», они появляются в переводе на месте **«словен»** оригинала. Отметим эту вольность Д. Лихачева и пойдем дальше. Исторической науке норики известны как иллирийское племя. В I веке до н.э. они создали свое царство Норик, которое вскоре было завоевано Римом и преобразовано в одноименную провинцию (Noricum). В начале V века та была захвачена готами и прекратила свое существование. Если норики «Повести» и жители Норика — одно и то же, то этим норикам не нужно было «садиться» по Дунаю, иллирийцы там сидели испокон веков. А словене (внимание, не славяне вообще, а конкретно **словене**) и поныне пребывают в южной части территории бывшего Норика, занимавшего современную центральную Австрию и горную **Словению**. Этот факт говорит в пользу идентичности исторических нориков-иллирийцев с нориками-словенами «Повести». Текст «Повести» ему подыгрывает и тем, что Венгрия действительно находится рядом с историческим Нориком. Воз-

никает только одно «но»: при чем тут Болгария? Интересный вопрос, мой во все вникающий читатель.

Возможно современная Болгария тут ни при чем. А вот в начале X века Первое Болгарское царство, далеко продвинутое усилиями Симеона по правому берегу Дуная на север до самой Дравы, вплотную сомкнулось с землей, только что захваченной венграми на противоположном дунайском берегу. То есть, слово «теперь» последней цитаты «Повести» может относиться только к первой трети X века. До этого времени в районе исторического Норика не было венгров, а после не было болгар. Соответственно, можно предполагать, что данный текст был написан в указанное время, а автор «Повести» лишь механически заимствовал его, причем его географические познания были недостаточны, чтобы скорректировать текст соответственно реалиям XII столетия. (Вспомним тропическую Швецию на закладке *«Потомство Иафета»*.)

Начало X века — период, на котором стоит чуть-чуть задержаться. В это время на территории бывшего Норика, Моравии и Паннонии заканчивает свое существование одно из первых в истории славянских государств. Из агонизирующей Великой Моравии, раздираемой внутренними княжескими междоусобицами, теснимой с северо-запада немцами и наводняемой с юго-востока венграми, во все остальные стороны бегут ее обитатели. Этот «великий исход» имел огромное значение для славянского мира. Он разнес практику государственности и традицию оригинальной письменности по окрестным землям, и вскоре вокруг бывшей Великой Моравии, как грибы после дождя, начинают вырастать славянские государства: Чехия, Польша, Русь, Сербия, Словения. И я сильно подозреваю, мой простодушный читатель, что «разошлись славяне по земле» вовсе не в незапамятные времена, а как раз в X веке, едва ли не на глазах у автора «Повести».

Вообще-то последняя цитата несмотря на краткость допускает много разных толкований. Пара из них достойна того, чтобы вернуться к ним в «Измышлениях».

«...разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане... славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами... Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами».

Цитата длинновата, но длина ее соответствует предполагаемой значимости. Автор «Повести» пытается объяснить возникновение племенных названий у расселившихся славян. Поначалу все логично: пришли одни на реку Морава и прозвались морава. Но коли так, почему другие назвались чехами? Столь же непонятно, отчего хорваты — хорваты (да еще и белые!), сербы — сербы, а хорутане — хорутане. Осевшие по речке Полоте назвались полочанами. Прекрасно. Тогда почему славяне на Висле прозвались ляхами, а не вислянами, например, а поселившиеся по Днепру — полянами, а не днепрянами? Древляне прозвались так, потому что сели в лесах. Куда ни шло, хотя и сомнительно, скорее назваться бы им лесянами. Северные славяне у Ильменя почему-то сохранили исконное племенное имя. Допустим. Но какого ляда назвались северянами живущие на юге, на левобережье Днепра: по Десне, Сейму и Суле? В общем, слов много, а смысла мало: в огороде бузина, а в Киеве... поляне! Трудно отделаться от впечатления, что автор сам толком ничего не знает и только «пудрит» нам с тобой мозги, мой доверчивый читатель. А вот кто не должен быть доверчивым, так это хороший дворецкий.

— Бэрримор!

— Да, сэр.

— Как называют себя жители Англии?

— Британцами, сэр.

— Спасибо, Бэрримор, ты нас утешил.

Теперь, мой утешенный читатель, разобравшись с англичанами и британцами, остановимся подробнее на полянах и древлянах. Для этого я воспользуюсь твоим временным благодушием и забегу немного вперед. В дальнейшем (под 898 годом) «Повесть» задним числом объясняет происхождение племенного имени полян: *«Полянами прозваны были потому, что сидели в поле...»*

А древляне, как мы видели, прозваны древлянами, *«потому что сели в лесах»*. Как все просто. Не знаю, было ли в древнерусском языке времен расселения славян слово «поле». Может быть, знают филологи¹. Я также не знаю, когда поляне поселились на Днепре. Подозреваю, что этого не знает никто. Зато известно, что во время написания «Повести» слово «поле» было хорошо знакомо жителям Киева, где «Гора», то есть княжеские хоромы на Старокиевской горе, противопоставлялась «Полю (вне града)», которое включало как остальной город внизу, причем изначально имеется в виду не Подол, а противоположный южный склон Горы, так и, в последствии, прочие киевские окрестности.

Противопоставление княжеских хором на «Горе» окрестному «Полю» характерно для ранних русских городов. В частности, одинаковую трехзонную структуру «Поле — Гора — Подол» имели Ладога и Киев. Даже порядок этих зон был одинаковым, если смотреть на город с реки, соответственно Волхова и Днепра. В этой структуре Поле первоначально было местом погребения властителей и знати. Но по мере расширения границ города оно быстро теряет свои сакрально-погребальные функции и активно заселяется. В Киеве на Поле (вне града) выдвинулся уже «город Владимира»,

¹ Пожалуй, я могу предвосхитить ответ филологов. Слово *поле* есть практически во всех современных славянских языках (в формах [поле]/[поло]), поэтому можно смело предположить, что было оно и у древних поднепровских славян.

а разросшийся «город Ярослава» практически ликвидирует Поле как самостоятельную зону.

Следовательно, для киевлянина XI–XII веков, в частности автора «Повести», **поляне** — это просто обитатели Киева и его окрестностей, и понятие это не этническое, а географическое. И слова «сидели в поле» (следовало бы перевести «сидели в Поле») синонимичны словам «сидели в Киеве (у Киева)».

Противопоставлению полян и древлян имеется весьма любопытная аналогия у готов, которые в какой-то момент поделились на восточных (остготов), называвших себя грейтунгами (у латинских авторов *greutungi*), и западных (вестготов), именовавшихся тервингами (*tervingi*). Согласно исторической традиции, остготы в III–IV веках н.э. обитали, в частности, на землях полян «Повести», а вестготы — на древлянских землях. В исторической литературе встречаются переводы этнонима «грейтунги» как «поляне», а «тервинги» — как «древляне». Если это так, то этимология полян и древлян вовсе не славянская, а германская, что, казалось бы, снимает и вопрос о существовании в древнерусском языке слова «поле» для полян, и натяжку с заменой целого леса одним единственным деревом для древлян.

Однако если на таком объяснении не успокоиться, а копнуть чуть глубже, то окажется, что германская этимология для древлян и полян ничем не лучше. Лингвисты и в древнегерманском для объяснения этнонима тервингов не нашли иного корня кроме **triū*, что означает все то же «дерево», за которым леса по-прежнему не видать. Готское *greutung* (древнескандинавское *gryting*) этимологизируется из древнегерманского **griut* со значением «гравий, щебень». Можно еще себе представить, что дерево как-то может заменить целый лес, но как гравий или щебенка заменит поле, а именно отнюдь не каменистые леса и лесостепь на правобережье Днепра, я лично не понимаю. А что нам скажет здравомыслящий англичанин?

— Бэрримор, что можно произвести из гравия?

— Гравия?

— Ну да, из этого, как его, *griut, а по-вашему, по-английски, grit.

— Вы хотели сказать grits, сэр. Вообще некоторые из нее варят овсяную кашу, но миссис Бэрримор никогда этого не делает. Она использует исключительно oatmeal¹.

Теперь понятно, почему каша миссис Бэрримор такая липкая!

Поскольку английский здравый смысл нам ничем не помог, да и археология в таком вопросе не помощница, обратимся, мой жаждущий истины читатель, за хоть сколько-нибудь объективными данными к независимым свидетелям.

Названия подчиненных Киевской Руси славянских племен встречаются в труде византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанного в середине X века. Среди них вполне узнаваемы другувиты (вероятно, дреговичи «Повести»), кривитеины (кривичи), северии (северяне), а вот ни полян, ни древлян почему-то нет! Правда, недостача полян и древлян компенсируется излишками в виде каких-то вервиан и лендзанинов.

Историкам приходится изворачиваться, и возникает версия, что из-за неточности информатора Багрянородного или описки переписчика в вервиан, например, могли превратиться дервиане. Но тогда возникает законный вопрос об этническом лице летописных древлян. Во-первых, *дервиане* звучит даже ближе к тервингам, чем к древлянам (в древнегерманском [т] и [д] почти не различались, и слово *тервинг* звучало близко к [дервинг]²). Во-вторых, у византийского хрониста Иоанна Скилицы, современника автора «Повести», князя Игоря казнят, причем точно так же, как в «Повести», разрывая распрямляющимися деревьями, вовсе не древляне, а какие-то немцы.

¹ По-английски grit [грит] — «песок, гравий»; grits [гритс] — «овсяная крупа (грубого помола)»; oatmeal [оўтмил] — «овсяная крупа (мелкого помола), толокно».

² Более точно, на конце слова звучит «носовое г» (в общепринятой транскрипции [ŋ]). В русском языке такого звука нет, и он традиционно передается сочетанием [нг].

Если мы пристраиваем вервиан в качестве древлян «Повести», то для полян у Багрянородного остаются только лендзанины. Не знаю, можно ли объяснить этих лендзанинов из древнерусского языка, но звучит словечко как-то по-польски. Впрочем, в современном польском языке поле и есть *pole* [поле]. Зато, опять же, корень *лендз-* созвучен с германским *land* [лянд] — «земля, страна». Но если германская этимология для грейтунгов и тервингов IV века в среднем Поднепровье вполне приемлема, имея в виду некое готское государство (условно «державу Германариха») и соответствующую ему черняховскую археологическую культуру, то германские толкования лендзанинов для Киевской Руси середины X века — нонсенс. В общем, дело темное.

Справедливости ради надо признать, что существует одно на первый взгляд удовлетворительное объяснение отсутствию полян у Константина Багрянородного. Мы до него еще доберемся в свое время.

«Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами...»

Мы с тобой, мой незабывчивый читатель, снова встретились с волохами, и на сей раз попытаемся разобраться, кто же они такие.

Брокгауз и Ефрон уверяют нас, что волохами древние славяне называли итальянцев. БСЭ вообще обходит волохов своим вниманием и упоминает их лишь мельком в этногенезе¹ современных румын. Наконец, лингвисты докопались, что древнерусское *волохъ* происходит от германского *Walch / Welch* [вальх / вельх]², как германцы называли кель-

¹ *Этногенез* (от *ἔθνος* [этнос] — «племя, народ» и *γενεσις* [генесис] — «происхождение», *греч.*) — «происхождение народа».

² Не отсюда ли пришли на страницы книжного сериала о Волкодаве *вельхи*? Что ж, М. Семенова считается специалистом по кельтам. Не обошлось без кельтов и в ее «Валькирии», где кельты-галаты были безжалостно переброшены писательницей в Новгород за три тысячи километров и тысячу с лишним лет от исторически известной Галатии III века до н.э. в Малой Азии.

тов. Впрочем, у тех же древних германцев Walhōland — еще и Италия, что не удивительно, ведь весь север Апеннинского полуострова с IV по I века до н.э. был оккупирован кельтами и звался у римлян Цизальпинской Галлией.

Итак, на роль летописных волохов претендуют сразу:

а) итальянцы, в «древнем» варианте — римляне;

б) румыны или, для указанного времени, их предшественники гето-даки;

в) какие-то кельты.

Так кто же все-таки напал на дунайских славян? Кто внедрился в их ряды и потом так притеснил, что несчастные норрики (как тут не перефразировать шекспировского Гамлета: «Бедный Норик!»?) улепетнули с Дуная на Вислу, а чтобы проклятые волохи не догнали и не добавили, на всякий случай еще и переименовались в ляхов? Интрига вопроса в том, что в разные периоды истории иллирийское среднее Подунавье в районе Норика захватывали или могли захватить и кельты, и гето-даки, и римляне.

Рейнские кельты были первыми достоверно известными в истории Европы захватчиками территории современной Австрии. Именно они на рубеже V–IV веков до н.э., еще в самом начале «великой кельтской экспансии», основали на Дунае город Виндобону, которая со временем превратилась в столицу Австрии Вену.

Предполагаемые предки румын имели некую возможность напасть на среднее Подунавье в I веке до н.э. при гето-дакском вожде Буребисте. Примерно в это же время существовало иллирийское царство Норик. В принципе возможно допустить, что Буребиста, славившийся смелыми рейдами в Македонию и Иллирию, устраивал набеги и на Норик. Но в любом случае у гето-даков не было времени поселиться среди нориков и притеснять их; для этого правление Буребисты было слишком коротким, а его военная активность в конечном счете только спровоцировала начало покорения римлянами Дакии и всего Подунавья, включая Норик.

Римляне завоевали Норик где-то на рубеже эр, вполне возможно, вследствие войны против Буребисты. Не сохрани-

лось никаких исторических свидетельств притеснений римлянами завоеванных нориков, равно как и археологических следов бегства жителей Норика того времени на Вислу. Наоборот. На рубеже эр уже четко обозначаются археологические векторы массового расселения древних германских племен с севера центральной Европы, в частности с Вислы, на юг и юго-восток, куда вслед за бастарнами и скирами устремляются сначала лугии и вандалы, а затем готы и гепиды.

Но самое главное, все три перечисленных случая не должны иметь никакого отношения к истории славян согласно господствующей среди ученых, историков и археологов, точки зрения, что говорить о славянах до V века н.э. вообще не имеет смысла. Поэтому давайте посмотрим, кто нападал на Норик в районе V века и после.

Именно с V века в Европе начинается долгая круговерть «переселения народов». В 408 году н.э. Норик захватывают вестготы, через год — остготы. Думаю, без притеснений и немалых тут не обошлось. Вслед за готами по Норик ушли лангобарды. Заметной германизации подверглись не только Трансальпийская Галлия, но почти вся Италия. Но немцев наши летописи отличают с самых древних времен (можно вернуться на закладку *«Потомство Иафета»*), и не видно причин, с чего бы им обзывать немцев волохами.

В VI–VII веках до Норика добираются авары. Но нехороших аваров, злостно притеснявших дулебов, «Повесть» знает, именует обрами и вряд ли путает с волохами.

А затем набирает силу «славянский реванш». Считается, что в VII–IX веках славяне заселяют основные территории современного обитания. Так что если в это время кто-то и притеснял в Норике, то славяне могли быть только притеснителями, а не притесняемыми. В VII веке возникает государство Само — первое в истории славянское государственное образование (если, конечно, не считать славянским государством царство Норик I века до н.э.). В IX веке преемницей Само становится Великая Моравия, где появляется первая оригинальная славянская письменность.

Правда, славянская экспансия охватила лишь три стороны света. На западе она уперлась в непреодолимую преграду — мощь государства франков. И сила одолела силу. С VIII века как раз захватом Норика начинается медленная, но неуклонная подвижка на восток границы между германским и славянским мирами. В результате на рубеже IX–X веков Великая Моравия подвергается иноземным вторжениям сразу с двух сторон. «Ползучую интервенцию» Восточно-франкского королевства, будущей Германии, останавливают наводняющие Среднедунайскую равнину венгры. Но немцев на роль волохов мы уже успели отместить, а обзывать волохами хорошо ему известных венгров у автора «Повести» тоже оснований не видно.

И что же в итоге? А ничего! Ни один известный нам исторический факт не может быть поставлен в соответствие этой маленькой цитате. Тупик.

Некоторую надежду нам дарит академик О. Трубачев предлагающий в недавно вышедшей книге «Этногенез и культура древних славян» свое решение этой проблемы. Читать сразу две книги, мой любящий порядок читатель, мы не будем. Если же вкратце, Трубачев склоняется к тому, что волохами «Повести» были все-таки древние кельты, а их нападение на дунайских славян имело место в Норике во время «великой кельтской экспансии». Magari... Черт возьми, кажется, я ненароком перескочил на итальянский. Уж больно уместно здесь такое великолепно короткое и емкое итальянское словечко magari, которое можно перевести на русский целой фразой: «хорошо бы, если бы это было бы так». Действительно, хорошо бы! Правда, в этом случае надо не только допустить, что славяне существовали уже в середине I тысячелетия до н.э., причем именно на Дунае, но и что до автора «Повести» об этом дошла вполне определенная информация. Первое я себе представить еще могу (скорее, хочу! Magari!!!), а что до второго... Как-то не получается.

К сожалению, мой заблудший читатель, я не выведу тебя из тупика, в котором мы оказались. Могу лишь констатировать последовательную позицию автора «Повести» в отно-

шении волохов, которую он еще раз подтверждает позже, под 898 годом (здесь мы с тобой, мой суетливый читатель, вновь забегаем вперед):

«В год 898. ...Сидели ведь тут [за Карпатскими горами, то есть в теперешний Венгрии] прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской».

Если следовать Трубачеву, то получается весьма занимательная картинка. Во-первых, славяне «сидели» в Норике минимум с середины первого тысячелетия до Рождества Христова. Во-вторых, слово «после» в этой цитате означает ни много, ни мало **через тысячу триста лет**, имея в виду время, прошедшее между захватами Норика кельтами (рубеж V–IV веков до н.э) и Паннонии венграми (рубеж IX–X веков н.э). Лично я, жалея твои джинсы (узкую юбку?), мой торопливый читатель, отказываюсь шагать по истории такими шагами. Если в том, что говорит «Повесть», есть хоть капля правды, то вторжение волохов в Норик и Паннонию могло произойти и каким-то чудом осталось совершенно не замеченным историей и археологией, где-то в VI–VIII веках. Такой серьезный «прокол» историков и археологов странен, но в принципе возможен. Мне кажется, в пользу его возможности находится один неожиданный косвенный аргумент, о котором мы поговорим в «Измышлениях». А пока нам придется отложить загадку нападения таинственных дунайских волохов на загадочных дунайских славян.

«Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Греков по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река... А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским».

Мы с тобой, мой набирающийся опыта читатель, уже начали потихоньку привыкать: в «Повести» что ни фраза, то проблема. Но «путь из варяг в греки», разве тут можно найти что-либо интересное? Само сочетание слов настолько привычно и замусолено, что мысль на нем просто не хочет останавливаться. И напрасно. Очередная цитата, несмотря на затасканность и кажущуюся тривиальность, — одна из самых загадочных и интригующих в «Повести».

Для начала пришла пора разобраться, что есть Варяжское море «Повести» и где оно находится. Здесь у нас с тобой, мой читатель-исследователь, появляется возможность сделать сногшибательное географическое открытие. Оказывается, Варяжское море — это Балтийское море + Атлантический океан + Средиземное море, походя не упоминая такие мелочи, как Северное, Эгейское и Мраморное моря, Скагерраки и Ла-Манши, Гибралтары и Дарданеллы.

Второе открытие тебя, мой и так пребывающий в нокауте читатель, способно и вовсе повергнуть в нокаут: **ни какого «пути из варяг в греки» в «Повести» вовсе нет!!** Встряхнись и прочти сам еще раз внимательно последнюю цитату. Автор действительно описывает некий водный путь, состоящий из нескольких последовательных участков. Слова «из Варяг в Греки» относятся только к самому первому участку этого пути, за которым после союза «и» следует второй участок: «из Греков по Днепру», затем третий — волок с верховьев Днепра до Ловати, четвертый: по Ловати в озеро великое Ильмень, далее Волхов, Нева, Варяжское море... Как ни вглядывайся, нету ни точки, ни дwoеточия после слов «из Варяг в Греки», и никаких оснований подразумевать их там из-за последующего союза «и». Кроме того, не уйти от факта, что участки пути описаны строго последовательно, и первый участок «из Варяг в Греки» вписывается в эту последовательность, хотя сама последовательность описания указывает направление не от варяг к грекам, в нашем привычном представлении, а ровно наоборот. Если процитированный отрывок читать честно и беспристрастно, то речь в нем идет о следующем водном пути:

Варяги → Греки → Днепр → волок → Ловать → Ильмень → Волхов → Нева → Варяжское море (*Балтийское море + Атлантика + Средиземное море*) → Рим → Варяжское море (*Средиземное море*) → Царьград → Понт, Русское море (*Черное море*).

Формально действительно получаем путь от варягов до Черного моря, но совершенно очевидно, что это не путь «из варяг в греки», как мы привыкли его понимать. На самом деле «Повесть» описывает некий безымянный водный путь вокруг всей Европы, причем традиционный путь «из варяг в греки» оказывается лишь его частью, и эта часть описывается в направлении противоположном привычному — с юга на север.

Давай, мой беспристрастный читатель, зафиксируем на будущее трассу нашего «циркумъевропейского» водного пути в несколько сокращенном виде.

Трасса 1: Варяги → Греки → Днепр → Волхов → Балтийское море → Рим → Черное море и оставим на ней соответствующую закладку: «*Трасса 1*»

А что нам говорит об этом загадочном пути современная наука? По последним данным археологии и нумизматики (самый надежный археологический ориентир — клады с точно датировемыми монетами византийской чеканки) днепровско-волховский путь, который мы традиционно зовем путем «из варяг в греки», начинает функционировать не ранее середины X века, то есть минимум на столетие позже времени, обозначенного в «Повести». До X века вся масса восточного серебра доставляется из Персии в Прибалтику и Скандинавию по Волге через Хазарский каганат, а византийское золото из Черного моря идет на Волгу по Дону и Оке. И только во второй половине X века, вероятно, после разгрома Хазарии Святославом волжский путь уходит на второй план, а днепровско-волховский становится главным. Притом полезно заметить, что вплоть до X века никаких скандинавских следов в районе Киева археологи не находят.

Это только первое из многих вопиющих противоречий между «Повестью» и современными данными археологии.

*«...из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвали-
сы, и на восток пройти в удел Сима, а по Двине — в зем-
лю варягов».*

А вот и «удел Сима». На сей раз «пределы Симовы» помещены на восток не «отсюда», а от Волги. Если считать это ответом, то удел Сима «Повести» — это Хазария, точнее то, что от нее осталось за Волгой после разгрома Святославом Хазарского каганата. Вероятно, с точки зрения автора «Повести», право называться «уделом Сима» давало Хазарскому каганату исповедание в нем иудаизма как господствующей религии.

Полегчало? Совсем чуть-чуть. Даже с учетом того, что Варяжское море «Повести» на востоке доходит аж до Константинополя, Хазарию оно своими водами все равно не омывает. Хоть как-то примирить Варяжское море с Хазарией могло бы море Черное — как-никак оно все же «залив» Средиземного, и исторический Хазарский каганат с VII века получил выход к Азовскому и Черному морям на берегах Таманского и Крымского полуостровов. Но тогда получится, что варяги «сидят» на Черном море! Ничего не попишешь, придется отметить еще одну загадку «Повести» — **черноморских варягов**.

Меня всегда поражала бестолковость древних скандинавов, которые якобы ходили путем «из варяг в греки» в традиционном понимании оного. Если даже вскользь посмотреть на карту, то станет ясно, что означенный путь из Балтийского моря в Черное — самый неудобный. Не говоря о необходимости преодолевать пороги и на Волхове, и на Днепре, просто напрашивается спрямить путь и идти из Балтики на Днепр сразу по Западной Двине, не делая огромную дугу по Финскому заливу, Неве, Волхову, Ильменю и Ловати. Тем более что волоки с Ловати на Днепр все равно идут через верховья Двины! Я уж не говорю о более удобных, цивилизных и дающих больше возможностей в плане торговли и грабежа речных путях через реки центральной Европы: Неману, Висле, Одере, Рейну с выходом на тот же Днепр, Юж-

ный Буг или Днестр (через Припять и Западный Буг), либо Дунай через его северные притоки.

— Бэрримор, как ты добираться до Гримпена?

— Станный вопрос, сэр. На нашей двуколке.

— А каким путем?

— По дороге.

— А почему не через болото, нашу знаменитую Гримпенскую трясину?

— Но это же гораздо дальше! И потом, кто же ездит по трясине?

Бэрримор снова прав. Действительно, зачем кружить по болотам, если есть прямая накатанная дорога? Викингам следовало бы послушать моего дворецкого. Впрочем, викинги и сами не были идиотами. Их полностью реабилитирует археология. Археологически традиционный путь «из варяг в греки» проявляется лишь с X века, что выглядит вполне естественно. Он устанавливается сразу в качестве «хребта» нового только что образовавшегося государства, Киевской Руси, соединяющего два ее важнейших региона: Новгород и Киев. Одновременно его концы — торговые «окна» Киевской Руси в Византию и Западную Европу, только в этом контексте к нему имеют отношение и варяги, и греки.

Между прочим, из последней прочитанной цитаты следует, что прямой путь из Руси в землю варягов по Двине автору «Повести» известен. Поэтому появление в ней днепровско-волховского пути, с одной стороны, отражает факт его существования и значения в эпоху автора, но никак не ранее, а с другой стороны, оказывается изящным композиционным предварением эпизода путешествия Андрея Первозванного:

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру... И пришел к славянам, где ныне стоит Новгород... И отправился в страну варягов, и пришел в Рим... Андрей же, побыв в Риме пришел в Синоп».

Давайте, как мы это уже только что сделали для «циркумъевропейского» водного пути, кратко изобразим трассу пути апостола Андрея.

Трасса 2: Синоп → Корсунь → Днепр → Новгород → Страна варягов → Рим → Синоп.

Тут у тебя, мой любопытный читатель, может возникнуть естественный вопрос о Синопе. Что это такое? Не могу отказать тебе и себе в удовольствии справиться у БСЭ: «**Синоп** (*Sinop*) — город на С. Турции, административный центр вилайета Синоп... Основан не позднее 7 в. до н.э. как колония г. Милета. Важный торговый и ремесленный центр Причерноморья. В зависимости от С. находился прилегающий приморский район... Со 183 до н.э. входил в Понтийское царство (сначала как резиденция царя, затем — столица). В 70 до н.э. завоеван римским полководцем Лукуллом. С конца 4 в. н.э. принадлежал Византии...»

Теперь, узнав, что Синоп «Повести» — византийский город-государство на черноморском побережье Малой Азии (в современной Турции), вспомним Трассу 1 «циркумъевропейского» водного пути (см. закладку «**Трасса 1**») и последовательно сопоставим пункты обеих трасс в виде таблицы:

Трасса 1		Трасса 2
Варяги	—	Синоп
Греки	—	Корсунь
Днепр	—	Днепр
Волхов	—	Новгород
Балтийское море	—	Страна варягов
Рим	—	Рим
Черное море	—	Синоп

Сразу бросается в глаза полное совпадение двух пар соотнесенных пунктов обеих трасс: <Днепр — Днепр> и <Рим — Рим>. Три пары пунктов не совпадают прямо, но их эквивалентность не требует комментария: <Греки — Корсунь>, <Волхов — Новгород>, <Балтийское море — Страна варягов>. Узнав, что такое Синоп, сюда же мы можем отне-

сти и четвертую пару, последнюю в таблице: <Черное море — Синоп>. Теперь шесть из семи (!) пунктов обеих трасс находят себе точные парные соответствия. Совпадение столь разительно, что трудно не предположить: на самом деле мы имеем не две, а фактически одну и ту же трассу. То есть, ап. Андрей шел по пути, который мы зовем путем «из варяг в греки». Поскольку такого пути, как мы с тобой, мой географически подкованный читатель, теперь твердо знаем, ни в «Повести», ни в природе не было, путь этот правильное было бы называть его именем, то есть «путем Андрея Первозванного».

Однако вернемся к таблице сопоставления пунктов двух трасс. Там у нас осталась еще одна пара, самая первая в таблице: <Варяги — Синоп>. О, эта пара стоит многого! «Повесть» упорно водит нас кругами вокруг одной и той же загадки черноморских варягов. Но само сочетание слов «черноморские варяги» звучит настолько дико, что говорить о них язык поворачивается только в «Измышлениях».

«И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их — Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по имени его Хоривицей. И построили город в честь старшего своего брата, и назвали его Киев... Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком... Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к царю, то, говорят, что великих почестей удостоился от царя, к которому он приходил... Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались».

Хорошо знакомая тебе со школьной скамьи, мой читатель-отличник, легенда об основании Киева. Похоже, легендой она была уже во времена написания «Повести». Как иначе объяснить, что автору, в силу обязанности обосновывавшему права Киева быть «матерью городам русским», а киевских князей — великими князьями, приходится отстаи-

вать княжеский сан Кия в полемике с неизвестными нам оппонентами-скептиками, считавшими Кия перевозчиком? Нелегкое дело — наводить тень на плетень. В нем автор следует надежному правилу: если уж врать, то по-большому. Поэтому привлекаемый безымянный свидетель — не меньше чем царь, то есть византийский император. А что? В «Повести» все киевские князья и княгиня ходили на греков с мечом или к грекам с челобитьем, и все удостаивались от их царей «великих почестей». Так что большая ложь, с одной стороны, прикрывает бедность фантазии автора, а с другой стороны, выглядит вполне правдоподобно.

Конечно, поскольку весь эпизод вымышлен, автор не называет имени царя. Это естественно. Противоестественно другое. Именно на отсутствии в тексте императорского имени академик Б. Рыбаков путем сложных выкладок точно высчитывает, что Кий правил в VI веке. Сами по себе построения весьма любопытны, жаль только, что построенные на песке. Правда, я подозреваю, что помимо песка основанием для математических выкладок академика послужил фундамент небольшой крепости, раскопанной археологами на Старокиевской горе и существовавшей как раз в VI–VIII веках. Хотя Б. Рыбаков — академик отнюдь не физмат наук, в своих арифметических расчетах с «подгонкой под ответ» он вполне справился. А потом археологи под давлением академического авторитета назвали эту раскопанную крепость «городом Кия». Теперь историки ссылаются на «город Кия», а археологи — на «князя Кия». Круг замкнулся.

Небольшая крепость в центре современного Киева действительно существовала пару веков, но вряд ли можно назвать ее городом, и тем более нет никаких оснований утверждать, что в этой крепости жил и кем-то правил какой-то Кий. Поэтому предлагаю, мой вольнодумный читатель, считать общепринятое название «города Кия» условным. А что до самого Кия с его братьями... В связи с ними полезно вспомнить еще четыре троицы братьев:

- а) западославянское предание о Чехе, Ляхе и Русе;
- б) армянскую «Историю Тарона»;

- в) древнегерманский эпос о гибели Германариха;
- г) легенду самой «Повести» о призвании варягов.

Западнославянским преданием о братьях Чехе, Ляхе и Русе нам еще доведется заняться вплотную. Здесь же оно интересно лишь как один из сюжетов о тройке братьев-основателей и яркий пример патронимии¹. Немудрящая народная хитрость придумала трех братьев и тем самым очень просто объяснила задним числом, почему чехи, поляки (ляхи) и русские зовутся так, а не иначе. Примеры патронимов нам еще встретятся далее.

В контексте рассматриваемой цитаты «Повести» для нас интереснее «История Тарона», записанная армянским историком Зенобом Глаком не позже VIII века. В ней три брата — Куар, Мелтей и Хореван — основывают три города, а через некоторое время строят еще один город на горе Керкей, где был простор для охоты при обилии трав и деревьев. Стоит обратить внимание, что город Хореван находится в некоей стране Палуни и что персидский историк рубежа IX—X веков ибн Русте также знает город (или область) Хореван как место, где русы размещали пленных славян.

Б. Рыбаков считал, что Глак каким-то образом заимствовал сюжет у днепровских славян, где, по его мнению, находится страна Палуни, то есть земля полян. При этом его не смущало то, что в армянской легенде города двух братьев и общий город-столица к земле Полуни отношения не имеют. К тому же хоть сколько-нибудь достоверной версии заимствования сюжета академик так и не предложил. Как представляется мне, плагиат в противоположном направлении вероятен ничуть не меньше, даже больше, учитывая и времена написания «История Тарона» и «Повести», и имена действующих лиц, которые вряд ли кто решится назвать славянскими. Но поскольку даже Рыбаков не смог придумать приемлемую версию прямых контактов Киевской Руси и древ-

¹ *Патронимия* (от *πατήρ* [патэр] — «отец» и *ὄνομα* [онюма] — «имя», греч.) — название племени, народа по имени его «отца», предка по мужской линии. *Патроним* — само имя легендарного предка.

ней Армении, скорее всего первоисточник этой легенды и не славянский, и не армянский. Те и другие заимствовали сюжет из некоего общего источника, на роль которого могли бы претендовать, например, хазары или аланы.

Интересно сравнить две версии легенды. «Старшую» пару братьев составляют Куар и Кий. Если учесть, что в арабской литературе Киев зовется Куябом, Куявой и т.п., некая схожесть имен имеется. Во второй паре Мелтей — Щек имена различны, зато Щек действительно «тезка» одной из киевских гор — Щековицы. Имена третьей пары братьев Хореван — Хорив наиболее похожи, зато в Киеве вопреки утверждению «Повести» нет и, похоже, никогда не было горы Хоривицы. Но гора Хорив есть... в Ветхом Завете. Опять знакомое: в огороде бузина, а в Киеве... Хорив! Или: с миру по нитке — нищему рубаха. И тогда невольно начинаешь терзаться вопросом: а можно ли считать братьев Кия, Щека и Хорива более историчными, чем, например, Сима, Хама и Иафета?

Пару слов о стране Полуни. Во-первых, если Полуни — это страна, то снова приходится констатировать, что поляне — понятие не этническое, а географическое. Во-вторых, если Полуни и поляне — одно и то же, то Киев в VIII веке звался не Киевом, а Хореваном. В этом, кстати, нет ничего невозможного. Были у Киева и другие названия. В частности, у Константина Багрянородного в середине X века встречается Самбат как крепость Киева. Города тоже живут своей жизнью. Как и легенды.

Вообще сам сюжет о братьях-основателях (города, столицы, государства и т.п.) весьма распространен и имеет много вариаций. Например, римляне считают, что братья-близнецы основали Вечный Город, а «Повесть» далее по ходу чтения сообщит нам, мой стоически не покидающий меня читатель, что три брата — Рюрик, Синеус и Трувор — дали Руси первую княжескую династию. Иногда у братьев бывали ассистенты. В легенде о Ромуле и Реме важная роль отведена Капитолийской волчице. «Повесть», стараясь не ударить в грязь лицом, придает Кию, Щеку и Хориву сестру именем Лыбедь, и эта сестра дает нам еще одно основание

подозревать эклектически компилятивный характер «Повести». Имя сестрице придумывать не пришлось, река Лыбедь до сего дня впадает в Днепр на территории Киева. И вот в «Повесть» перекочевывает из древнегерманского эпоса жертва коварного Германариха (Ёрмунрекка скандинавских саг) несчастная Лебедушка (Сванхильд), за чью смерть под копытами готских коней мстят жестокому тирану три ее брата (Хамдир, Серли, Эрп). Правда, отомстив, все трое гибнут и в пылу мести не успевают заложить город.

Последнюю из легенд о трех братьях — эпизод призвания варягов руси в Новгород — мы рассмотрим в соответствующем месте «Повести» и тогда вновь вспомним тихую незаметную кончину братьев и сестры Кия.

«Был вокруг города [Киева] лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и донине в Киеве».

Не могу пропустить эту фразу и не поиздеваться еще раз над автором «Повести», ничтоже сумняшеся выведшим якобы племенное название полян из слова «поле». Можно спорить, существовало ли некое славянское племя полян, но, даже если таковое и обитало на днепровских кручах, в любом случае к полюшку-полю его имя отношение иметь не могло, поскольку никакого поля вокруг города Киева не было и в помине, а был там, перечитай, мой грамотный читатель, еще раз: «лес и бор велик, и ловили там зверей». Воистину семь верст до небес — и все лесом!

— Бэрримор, где достают дрова для Баскервиль-холла?

— Конечно, в лесу.

— Ответ неверный! А где охотятся на зверя?

— М-м-м, наверно в лесу? — Бэрримор уже чувствует подвох и пятится к двери.

— Ответ опять неправильный. Дрова надо рубить и зверей ловить в полях, потому что именно в поле «лес и бор велик, и ловили там зверей».

Что я могу сделать? Так утверждает «Повесть». А вот «Таймс» такой мудрости не напишет. Поэтому бедный Бэрримор, затюканный моими дурацкими вопросами и невра-

зумительными поучениями, с расстройства устремляется в буфетную, где хранятся домашние настойки, на свиданье с графинчиком.

«И после этих братьев стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи... их же город — Смоленск... От них же происходят и северяне... Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться вольнянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, — эти говорят на своих языках».

Попутно признавая наличие многих княжений помимо киевского, автор четко различает говорящих на Руси по-славянски и «на своих языках». Мы уделим немного времени обоим перечням.

Среди говорящих по-славянски слегка удивляет отсутствие кривичей, тем более что чуть раньше говорилось о том, что кривичи произошли от присутствующих в перечне полочан, а от кривичей, в свою очередь, произошли также населяющие там северяне. Придется посчитать отсутствие кривичей небрежностью автора. Хотя пропуск кривичей мог быть и не случайным. У историков есть серьезные подозрения, что ко времени написания «Повести» балтское племя полочан уже ослабялось, а родственные им кривичи — еще не совсем, вследствие чего продолжали говорить на исконном восточнобалтском языке.

Происхождение и этническое лицо северян покрыто мраком неизвестности. Возможно, это этнически самое сложное племя среди упомянутых в «Повести». Соседство со степью, Великой Скифией, не могло пройти даром. Однако сложность этнического облика не обязательно исключала северянам возможность раннего перехода на славянскую речь.

Я бы на месте славян заселил тучные северские земли раньше верхневолжской глухомани, где ютились кривичи.

Теперь обращаемся к списку говорящих «на своих языках» и с чувством глубокого удовлетворения обнаруживаем, что и здесь чудь на самом первом месте! Не знаю, как тебе, мой невозмутимый читатель, а мне настырные эстонцы начинают надоедать. Но ведь дыма без огня не бывает. Питал ли автор «Повести» к чуду какое-то противоестественное влечение, или та действительно заслуживала место во главе списка? А может быть, все еще запутаннее, ведь и в этом перечне чудь непосредственно следует за русью. Если поменять знаки препинания... Впрочем, все переводчики «Повести» только тем и занимались, что меняли расстановку знаков препинания, благо отсутствие таковых в древнерусском оригинале дает в этом плане поистине безграничные возможности.

Мы с тобой, мой не слишком уверенно ориентирующийся в грамматике читатель, переставлять знаки препинания не будем. А вот вездесущим и вечно лезущим поперек батьки в пекло эстонцам видимо придется посвятить отдельный раздел «Измышлений».

«Поляне же... были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи».

Вот он, обещанный пример патронимии в «Повести». От кого произошли радимичи и вятичи? Конечно, от праотцев Радима и Вятко. Те были ляхами. А от кого произошли ляхи? От праотца Ляха. От кого произошли праотцы Чех, Лях и Рус? От праотца Норика. И так далее до самого праотца Иафета. А можно и продолжить от праотца Ноя до самого прапраотца Адама.

Но есть здесь и еще один интересный аспект.

После того как Киевская Русь покинула политическую карту мира, с XIV века большая часть территории современной Украины вместе с Киевом оказалась в Великом княжестве Литовском, а с середины XVI века после унии Литвы и Польши автоматически перешла в Речь Посполитую¹, после чего началось «ополячивание» и «окатоличивание» бывшей Киевской Руси. Самые древние дошедшие до нас списки «Повести» относятся как раз к XVI веку, и вполне можно ожидать, что киевские монахи-переписчики, угождая новым хозяевам, постарались привнести в ее текст нечто, обосновывающее историческое «родство» украинцев и поляков. Возможно, именно тогда появились вставки о братьях Радиме и Вятко «от рода ляхов». Тогда же жители киевского Поля (вне града) могли превратиться в большое доминирующее в Поднепровье племя полян как древнюю и достойную ветвь великого польского народа. А что делать? Жить-то надо.

«Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждый — свой нрав. Поляне имеют обычаи отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее — что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывали, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены».

¹ Первое слово в названии унии Речь Посполитая (по-польски Rzeczpospolita [жечпосполита]) к русскому «речь» отношения не имеет, а является польским искажением латинского res — «дело, вещь» (ср. res publica — «республика»).

Я не этнолог и не театральный режиссер, но когда я читаю про обычаи полян и законы их отцов, мне, как Станиславскому, хочется воскликнуть: «Не верю!!» Не могу представить себе язычников славян кроткими и тихими. А ведь, согласно «Повести», поляне происходят напрямую от древних славян (словен?) Норика. Вот древляне (кстати сказать, судя по предыдущей цитате, имеющие общую с полянами родословную и долженствующие иметь сходные обычаи), радимичи, вятичи и северяне — наши люди! И срамословят при отцах и при снохах, и устраивают игрища между селами, и пляшут на них, и бесовские песни поют, и девиц у воды умыкают, правда, не как тати, а по сговору. Могут и убить друг друга — чего в пьяном разгуле не бывает. В общем, живут, как положено язычникам: имеют по две-три жены и в ус не дуют. А вот поляне неправдоподобно добропорядочны. С чего бы?

Первое объяснение очень простое. Автор описывает современное ему положение вещей рубежа XI–XII веков, но переносит его в далекое прошлое, о котором на самом деле не имеет ни малейшего представления. Поляне, то есть крещенные жители киевского Поля, уже живут по Закону Божию согласно христианским канонам. А окрестные племена, еще не орошенные массово святой водой, сохраняют древние языческие обычаи, что вызывает понятное неудовольствие автора «Повести», православного монаха. Это действительно самое простое и естественное, а потому и самое вероятное объяснение. Приняв его, мы с тобой, мой приверженный дедукции читатель, будем и в дальнейшем готовы к такому «автоматическому» распространению современных автору «Повести» реалий на неведомое ему прошлое.

Однако, возможно и другое интересное объяснение существенных различий в образе жизни полян и прочих окрестных славянских племен. Не кажется ли тебе, мой не склонный принимать все на веру читатель, что порядки у добродетельных «полян» подозрительно похожи на ветхозаветные или, без эвфемизма, иудаистские? Во-первых, стыд перед снохами, сестрами, родителями, свекровьями и деве-

рями. Хотя в Ветхом Завете Сим и Иафет на равных противопоставляются бесстыднику Хаму, угодливо приниженное положение перед старшими больше свойственно именно библейским потомкам Сима, нежели Иафета. Во-вторых, деление еды на чистую и нечистую. Не доводилось слышать, чтобы древние славяне не ели, например, свинину или придерживались каких-либо кошерных правил. В-третьих, выкуп за невесту, вносимый только на следующий день. По суровым ветхозаветным канонам выкуп за невесту несли после брачной ночи¹. Но могли и вовсе не принести. Тогда родителям следовало спешить на площадь, где их дочь забивали камнями — не сохранила, видите ли, девственность. Или так показалось.

Тогда кто же такие поляне «Повести»? Под таким углом зрения поляне — это хазарские иудеи, жившие на киевском Поле. Столь невероятное на первый взгляд суждение не должны тебя удивлять, мой тренированный читатель. В литературе давно уже высказывалась мысль о том, что город Киев основан хазарами на дальней западной границе своих владений, может быть, для сбора дани, может быть для активизации торговли с Европой, может быть для того и другого сразу. Достоверно известно существование в Киеве X–XI веков синагоги и иудейской общины, населявшей квартал города, в районе которого впоследствии появляются Жидовские ворота «города Ярослава».

Не надо искать здесь шовинистическую подоплеку или русофобию. Просто так было. И вряд ли стоит интересоваться «пятой графой» автора «Повести». Ничего национального! Просто христианскому монаху на заре средневековья иудейские (ветхозаветные) порядки были объективно ближе языческих (поганных) обычаев.

Прояснение этнического лица полян «Повести», возможно, частично объясняет множественность названий Киева.

¹ Традиция «утреннего дара» жениха невесте существовала также и у некоторых германских племен, в частности, согласно свидетельству Григория Турского, у франков.

Именно хазары могли с момента основания называть киевскую Гору Хореваном по библейской горе Хорив. Позже, в X веке, когда хазары передали город в управление венграм, те могли переименовать Хореван в Самбат. В венгерском языке szombat [сомбат] означает «воскресный»¹, но очевидно происхождение слова от «субботы», которая у хазар-иудеев эквивалентна христианскому воскресенью.

Как ты помнишь, мой мотающий на ус читатель, под именем Самбат крепость Киева известна Константину Багрянородному. Но территория, которую мы сегодня назвали бы Киевщиной, упоминается им же уже в середине X века в качестве важного центра Руси под «своим» именем Кюаѡа [киоаба/киоава]. Чуть раньше, в первой половине X века, появляется Киев (Куяаба) у арабского историка аль-Истархи. У него Киев — город, который больше Булгара, и центр одной из трех группировок руси, расположенной ближе всего к Булгару. Правда, здесь извечная неопределенность: о какой Булгарии идет речь. Арабы сильно путались в двух Булгариях, Волжской и Балканской, и эта путаница часто усугублялась неразличением, с одной стороны, болгар и славян, а с другой — славян и руси.

— Бэрримор, как ты думаешь, славяне, болгары и русь — это одно и то же? Не понимаешь? The Slavons, Bulgars and Russes.

— М-м-м... Все-таки странные у вас вопросы, сэр. Славяне и болгары, кажется, одно и то же, они живут где-то на Балканах. А русские — это же в Азии²!

Эх, Бэрримор, Бэрримор, знал бы ты, откуда я!

«И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и

¹ Венгерский город Сомбатхей — это по-нашему нечто вроде Воскресенска.

² Бэрримор славян, болгар и русь понимает по-своему — соответственно как словенцев (Slovene [слоувин]), болгар (Bulgarian [булгэриан]) и русских (Russian [рашен]).

кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон».

Этот абзац я включил в наши чтения, мой читатель с широкими интересами, чтобы чуть-чуть отвлечься и заодно показать, как трудно приходится археологам, работающим со славянскими древностями.

Древние восточные славяне жили небольшими группами, предположительно уже малыми семьями, над пойменными террасами рек, в неприметных, укрытых от врагов и соответственно ничем не примечательных местах, разводили домашний скот и занимались подсечно-огневым земледелием. Технология такого земледелия предполагает периодическую смену посевных угодий и, следовательно, мест обитания. То есть образ жизни древних славян получается скорее полукочевым, чем оседлым.

Как археологу найти стоянку древних славян? Надо перерывать все надпойменные террасы всех рек. Правда, сначала выяснив у геологов, если это возможно, где были эти террасы в соответствующем веке. Безнадежное дело. Но допустим, археологу повезло, и под его лопатой случайно оказалась именно такая стоянка. Что можно оттуда выкопать? Уходя, славяне на старом месте могли оставить срубы изб и несколько захоронений. Все. Никакого культурного слоя за двадцать-тридцать лет не образуется. Да и основным материалом в обиходе восточных славян было, судя по всему, дерево. Железа почти нет, керамики мало, все это ценно и потому при переселении забирается с собой. В брошенных избах могли оставаться только сломанные деревянные предметы обихода, которые сгнивали вместе с жилищем. Единственное, что имело бы смысл искать, это захоронения: скелеты с украшениями и заупокойным инвентарем. Ан, нет! Славянские племена «Повести» (кроме полян, если их вообще можно отнести к племенам и славянским в частности) прах усопших кремировали, а останки не зарывали в землю, а оставляли в сосуде на столбах. Так что тут я готов присоединиться к автору «Повести» в осуждении похоронных обрядов древних славян, для которых в науке придуман специаль-

ный термин: археологически неуловимые. То есть от древних славян в земле не осталось ничего. Ищи-свищи.

«По прошествии времени, после смерти братьев этих [Кия, Щека и Хорива], стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: “Платите нам дань”. Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: “Вот, новую дань нашли мы”. Те же спросили у них: “Откуда?”. Они же ответили: “В лесу на горах над рекою Днепром”. Опять спросили те: “А что дали?”. Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: “Не добрая дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель”. И сбылось все это...»

Прежде чем перейти непосредственно к сказке о хазарской дани, в который уже раз хочу отметить, что аборигенное население Киевщины сидело «на горах в лесах», то есть не было оно никакими **полянами** в смысле **обитателей полей**.

Тут ты, мой неугомонный читатель, можешь задать мне справедливый вопрос:

— Какого черта! Ты только что говорил, что поляне — это хазары (хазарские иудеи), жившие на киевском Поле. Что ж получается, что хазары сами себе платили дань?

Во-первых, мой несправедливый читатель, я не утверждал, что хазары были исконным населением среднего Поднепровья. Хазария распространила сферу своего влияния на средний Днепр где-то в VIII веке. Вероятно, только тогда в районе Киева появляется постоянное хазарское население, причем эти хазары автоматически становились полянами в качестве обитателей Поля.

Во-вторых, разве хазары не могут платить дань хазарам? Напомню, киевские князья собирали дань не только с «иных языцев» (чуди, мери, веси, муромы, черемисов, мордвы, перми, печеры, ями, литвы, зимиголы, корси, наровы, ливов), но не брезговали брать ее и со «словенского язы-

ка» (полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей, северян, бужан).

В-третьих и главных, — а был ли мальчик?

«Повесть», не акцентируя этого факта, признает зависимость жителей Киевщины от Хазарского каганата. В этом и есть единственная историческая ценность цитаты. Все остальное — сказка. Откуда, спрашивается, у полян «Повести» обоюдоострые франкские мечи, да еще в таком количестве, что они ими платят дань хазарам? Если бы древние киевляне действительно имели в изобилии такое оружие, вряд ли они вообще стали платить дань кому бы то ни было. А главное, сталь франкских мечей достаточно хорошо сохраняется в земле, и факт их наличия у киевлян не мог бы пройти мимо археологов. Увы, вместо стопроцентного подтверждения правоты «Повести» эти полянские мечи оказываются очередным вопиющим противоречием объективным данным археологии.

Теперь переходим к следующему незначительному на первый взгляд, но чрезвычайно важному моменту. Заостри свое внимание, мой не считающий ворон читатель, на том, что хазары «Повести» называют своего повелителя **князем**. Конечно, это чушь. Кто бы ни был конкретным действующим лицом разбираемой цитаты, сам каган, пех или один из мелких ханов, князем он не был, и обращаться к нему «княже» подчиненные никак не могли. Значит, автор «Повести» за незнанием истинной титулатуры иноземных владык наделяет всех их привычным ему титулом. И тут невольно возникает каверзный вопросец, почище вопросиков Мафусаила профессору Ширинскому: а что, если и первые правители Киевской Руси тоже звались не князьями, а как-то иначе? И верно! Имеются вполне объективные свидетельства (записки ибн Фадлана, «Слово митрополита Илариона «О Законе и Благодати», граффити в Софийском соборе Киева, «Слово о полку Игореве»), что по крайней мере до XII века верховные владыки Киевской Руси, а также правители Тмутаракани тоже звались... **каганами**. Кроме того, в арабских текстах славянским «царям» приписывается некий ти-

тул «свет»¹. В князей каганов и «светов» переделал автор «Повести», заодно расставив их всех по ранжиру: великий князь, светлые князья, просто князья, бояре и т.д.

Это открытие мне представляется настолько важным, что я оставил бы здесь красноречивую закладку — **«Хазарский князь»**.

«В год 852, индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года...»

Бог знает почему, но существует неистребимое мнение, что у автора «Повести» были какие-то свои не дошедшие до нас документы, на основании которых якобы и написана летопись. Возможно, кое-что было, но так, мелочь. **Основной источник всех знаний автора о прошлом Киевской Руси — это греческие хроники, причем не все, а лишь немногие доступные автору.** При этом знание автором «Повести» греческого языка не очевидно (хотя и не исключено). В принципе всю информацию, перекочевавшую из «летописания греческого» в «Повесть», можно было почерпнуть в переводах греческих хронистов на старославянский язык, выполненных в Болгарии и доступных киевским монахам. Весь недлинный список таких переводов присутствует в статье БСЭ о «Повести», частично процитированной в предисловии (сокращения при цитировании данного списка не коснулись).

Вдумайся, мой глубокомысленный читатель: столь судьбоносный для Руси момент, когда «стала прозываться Русская земля», автору известен не из каких-либо древних русских писем, даже не из устной народной традиции, а из мимолетного упоминания «в летописании греческом» какой-то руси, приходившей на Царьград. Кстати говоря, из-за того,

¹ Не пережиток ли титула «свет» встречается в былинном обращении типа «**свет** ты наш батюшка!» и не отсюда ли появились «**светлые** князья»?

что греческие хроники попали к автору, скорее всего, в переводе на древнеболгарский (он же старославянский) и соответственно через Болгарию, дата прихода руси к Царьграду (на самом деле 860 год) смещена на восьмилетнюю разницу в византийском и болгарском летоисчислениях¹, о которой автор «Повести», похоже, и не подозревал. В результате более чем двухтысячелетний период «от Адама до потопа» расписан с точностью до года, а важнейшее событие менее чем двухсотлетней давности дается с ошибкой в восемь лет. Смех, да и только.

«Положение чисел от Адама» не стоило бы комментария, но на нем держится все летоисчисление «Повести». Выдуманное от самого начала, неверно привязанное к греческой хронологии, произвольно дополненное «от фонаря» самим автором, оно по современным меркам не лезет ни в какие ворота даже для повести, не говоря уже о летописи. Тем не менее, учитывая не столько важность этой глобальной ошибки, сколько пафос момента, оставим здесь закладку — **«Прозвание Русской земли»**.

— Бэрримор, почему Британия зовется Британией?

— Потому что в ней живут британцы.

— А почему Англия зовется Англией?

— Потому что в ней правит английская королева!

Этим достойным ответом Бэрримор вынуждает меня заткнуться и с полным правом удаляется в буфетную.

«Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, как уже начали: с первого года царствования Михаила, и расположим по порядку года.

В год 853.

В год 854.

В год 855.

В год 856.

В год 857».

¹ По византийской хронологии Христос родился в 5508 году «от сотворения мира», а по болгарской — в 5500 году. Отсюда восьмилетняя разница византийского и болгарского пересчетов датировок из «от сотворения мира» в «от Р.Х.».

Непонятный перевод бумаги (ладно бумаги, драгоценного пергамента!) — пустые годы «Повести». Опять же, устойчивое мнение считает виноватыми в этом переписчиков: либо потеряли драгоценное знание, либо и вовсе сознательно вымарали его по приказу власть предержащих. Поразительное стремление превратить любыми средствами «Повесть» в летопись! Она ведь об этом не просила.

Но зачем же тогда вписаны пустые годы-строки? Ответ следует из самого текста: автор просто «расположил по порядку года» «с первого года царствования Михаила», вот и получилось: 853, 854, 855, 856, 857. Что тут непонятного? Если не считать «Повесть» летописью и не требовать от автора больше того, что он хотел и сделал, то и проблем никаких нет. Годы расположены? Расположены. По порядку? По порядку. Претензии есть? Ах, мой возмущенный читатель, ты ждешь обещанного рассказа «что произошло в эти годы»? Так ты его и получишь, но... «как уже начали», то есть в форме произвольного повествования о том, о чем автор сочтет нужным нам сообщить, и так, как он пожелает это сделать, а отнюдь не в виде летописи как погодной хроники. Не жди не обещанного.

«В год 858. Царь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, увидев, что не смогли противостоять им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Царь же крестил князя их и всех бояр и заключил мир с болгарами».

Перед нами великолепный пример нормального летописного текста. Потому что он — выписка из византийской хроники. Хотя к Руси она имеет лишь косвенное отношение, понятно, и откуда она взялась, и почему попала в «Повесть». Болгары перевели для себя византийский текст, касавшийся Болгарии, а автор перенес его в «Повесть», потому что для него, как я это уже отмечал ранее, история христианства и история Руси суть одно и то же.

«В год 859. Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с поля, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 860.

В год 861».

А вот пример противоположный: невесть откуда взявшийся и непонятно почему привязанный к 859 году пассаж. Что, в 858 году ни варяги, ни хазары дань еще не взымали, а в 860 году взымать уже перестали? Удивительно краткосрочные синхронные дани, поразительно несчастливый год для севера и юга Руси! Мой непредвзято мыслящий читатель, ты этому веришь? Я заставить себя поверить просто не могу. Но, тем не менее, еще немного задержусь на этой цитате ради нескольких частных наблюдений.

Уже в который раз нам встречается перечисление племен северной Руси, и вновь абсолютным лидером оказывается неумная чужь. На сей раз она даже впереди словен. Ничего-ничего, мы уже привыкли.

Так же привыкли мы и к полянам в перечислениях племен юга Руси. Но тут вместо них мы неожиданно натываемся на слова «с поля». Это может показаться простой опиской, пропуском буквы *и* в предположительно правильном «с полян». Но не будем забывать, что по грамматике древнерусского пропустить пришлось бы не одну, а две буквы: *нѣ*. Так что вместо ожидаемых «полян», скорее всего, действительно стоит «поле». Может быть, тебе, мой обиженный читатель, уже хочется спустить собак на переписчиков, но не торопись. Не надо вставлять никаких букв, надо... просто заменить строчную букву на прописную, и все встанет на свои места! Понятно, дань — не урожай, ее с полей Киевины набегом не возмешь, а вот с киевского Поля (вне града) — можно. Увы, прописных букв древнерусское правописание не знало, так что полная амнистия переписчикам. Но не переводчикам!

«В год 862. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом... И пошлѣ за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить

и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске».

Весьма насыщенным событиями выдался 862 год!

В этот год кто-то (из дальнейшего текста вроде бы следует, что это были чудь, словене, кривичи и весь):

а) изгнали каких-то варягов за какое-то море;

б) успели навоеваться друг с другом «по самое не хочу»;

в) сходили за море к варягам, чтобы пригласить их на княжение.

Но на этом события бурного года еще не заканчиваются. За оставшееся время некая троица братьев¹ успевает:

г) «избраться со своими родами»;

д) дружно переселиться, прихватив с собой всю русь, в Новгород, Белоозеро и Изборск.

Для начала не могу не отметить очередное, не помню уже какое по счету, перечисление племен северной руси, во главе которого снова... чудь! Но мы с тобой, мой адаптивный читатель, уже воспринимаем как должное, что шустры эстонцы везде успевают подсуетиться первыми, не обращаем на них внимания и уверенно идем дальше — по порядку, по пунктам.

В пункте (а) безымянные варяги признают чудской авторитет (эстонских «авторитетов»?) и, не успев толком пособирать дань, улепетывают за какое-то море. Какое? Надо думать, Варяжское. Очень удобное море для удирающей братвы: хоть на запад «востри лыжи», хоть «рви когти» на восток. Впрочем, все это — домыслы. «Повесть» не находит нужным уточнить ни что это были за варяги, ни за какое море они удрали. А было ли, что уточнять?

Пункт (б) еще раз подтверждает шустрый нрав древних эстонцев и их соратников. Не откладывая дело в «долгий

¹ Любит автор тройки братьев. Тут и Сим с Хамом и Иафетом, и Кий с Щеком и Хоривом, и Рюрик с Синеусом и Трувором. В общем, «у крестьянина три сына...». Сказка, она и есть сказка, даже если она — повесть.

ящик», они сразу начинают заварушку, чтобы успеть до лета не просто обрыднуть друг дружке, но и позвать нового барина, уложившись со всеми перипетиями в короткую северную навигацию.

Поскольку о выборе каких-то делегатов для хождения за море нет ни слова, то, надо думать, в пункте (в) все перечисленные народы, бросив родную разоренную в междоусобицах землю, скопом подались к варягам за море, не ясно только, все то же самое или какое другое. Хорошо хоть, на сей раз уточняются варяги — некая неведомая русь. И тут же следует новое перечисление варягов. Только новое ли? Снова мы видим тех же шведов, норвежцев, англов и готландцев. Опять нет датчан, опять готы наравне со шведами. Я думаю тебе, мой догадливый читатель, уже ясно, что очередное перечисление народов, в данном случае якобы варягов, вновь оказывается поздней вставкой-пояснением самочинного «редактора» «Повести», причем, скорее всего, того же самого, который уже однажды проявил свою инициативу на закладке *«Потомство Иафета»*.

С конца XI века Русь не знает варягов, но примерно в это же время знакомится со шведами. В XIII–XIV веках Новгород и Смоленск заключают торговые договоры «с Готским берегом и всем латинским языком». Потом, задолго до Петра I с его «окном в Европу», через Архангельск начинается торговля с англичанами. Вот тогда и появляется эта вставка. Переписчик пытается объяснить читателю-современнику, кто такие варяги, о чем тот уже не имеет представления. Но и сам переписчик информирован не многим лучше. Надо ли удивляться, что мировой истории не известны никакие варяги-русь, и это остается не только очередным темным местом «Повести», но и главным камнем преткновения для норманистской теории возникновения Руси и ее государственности? Аналогично никто не знает ни варягов-англов, ни варягов-готландцев. Впрочем, варяги «готландцы» — это вообще курьез, так как само слово «готландцы» не вставлено переписчиком, а... изобретено переводчиком. В древнерусском оригинале текста «Повести» нет никаких готландцев,

их место занимают *гѣте*, то есть готы, те самые, с которыми заключали договоры Новгород и Смоленск.

Еще одно великое изобретение переводчика находим уже в следующем предложении. Оригинальный текст «*Сказали русь, чудь, словене, кривичи и весь...*» переведен как «Сказали **руси** чудь, словене, кривичи и весь...» (выделения мои. — В.Е.). Эта замена всего лишь одной буквы и вставка запятой, в корне меняющие смысл не только этой фразы, не только всего контекста, но и, возможно, самой концепции образования Руси, давно служит предметом споров, и вокруг нее сломано немало копий. Мы не будем наращивать горы обломков, вообще не будем отвлекаться, а просто перекинем еще одну кость на счетах темных мест «Повести» и вернемся к нашим баранам, то есть пунктам.

В пункте (з) трое братьев «избираются со своими родами». Откуда «свои роды»? Разве братья не принадлежат к одному и тому же роду? Из кого они избирались? По смыслу, вроде бы, из руси. Но, позвольте, зачем **избираться**, если в пункте (д) они все равно прихватывают с собой всю (подчеркиваю — **всю!**) русь? Не часто доводится читать ахиною в такой концентрации! Мой читатель с богатым воображением, ты только представь себе эту картину в целом. Море освобождается ото льда, и **вся чудь, все словене, все кривичи и вся весь** в пожарном порядке строят корабли и плывут параллельными курсами к руси, злобно косясь друг на друга и осыпая соседей нецензурной бранью. А к концу навигации та же компания, плюс **вся русь**, дружно и радостно перебрасываясь милыми шуточками, возвращается назад и перед ледоставом водворяется в Новгороде, Белоозере и Изборске.

Погружаясь в трясину нелепицы, по размерам не уступающую окружающей Баскервиль-холл Гримпенской, невольно хочется хоть в чем-то найти твердую опору. Давай, мой серьезный читатель, спросим археологов. Про Белоозеро внятного ответа мне найти не удалось, тут данные весьма скудны и противоречивы, но ни в Изборске, ни даже в Новгороде им не удалось выкопать ничего, что можно было бы

приписать не то что конкретно 862 году, но и вообще IX веку. Основание Новгорода Великого археологи относят к середине X века; чуть лучше положение дел с Изборском, но и его в IX веке еще нет. Апологеты «Повести» пытаются выкрутиться, подменяя Новгород «Повести» Старой Ладогой или Рюриковым городищем. Ну, допустим, бедолага автор «Повести» спутал Ладогу с Новгородом (заметим, даже скандинавы их не путали, называя соответственно Альдегьюборгом и Хольмгардом), но с чем он спутал Изборск? Тут даже кандидатов на подмену нет. Впрочем, о чем мы вообще говорим? Откуда взяться деткам, если нет мамочки? В IX веке археологически все еще нет самой «матери городам русским», Киева.

«И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Как много в этой фразе для сердца русского слилось! И говорить об этой единственной фразе мы тоже будем много.

Эта сакраментальная сентенция встречается под 862 годом и прямо следует за предыдущей цитатой. Ее можно понимать только так, что Русская земля прозвалась от призванных в Новгород варягов руси, то есть от Рюрика с братьями. И произойти это, следовательно, могло не ранее 862 года. Но как в таком случае понимать цитированное выше утверждение «Повести» под 852 годом, что именно тогда «стала прозываться Русская земля» (см. закладку *«Прозвание Русской земли»*)? За десять, однако, лет до Рюрика! Получается, что наши прозорливые предки прозвали Русскую землю по имени варягов, которых только через десять лет пригласят в города, которые, в свою очередь, возникнут еще только век спустя.

Так и хочется выругаться от души. Удерживает меня только появление в гостинной Баскервиль-холла миссис Бэрримор с огромным подносом.

— Что это, миссис Бэрримор?

— Лапша, сэр.

— Но... лапша на завтрак? А как же овсянка?

— Это не на завтрак, это — на уши, сэр.

Спасибо, заботливая миссис Бэрримор, но это уже не актуально. Благодаря «Повести» у нас и так с ушей свисают гирлянды макаронных изделий.

А на самом деле, откуда прозвалась Русская земля? Или, говоря по-научному, каково происхождение этнонима *русь* и топонима¹ *Русь*? Четкого однозначного ответа на этот вопрос так и нет. Имеется несколько теорий, но все они небезгрешны. Среди них наиболее известна пара основных: норманнистская (северная) и антинорманнистская (южная).

Сразу скажу, что на Западе для тамошних специалистов такой проблемы не существует. Они ее давно решили и потому дискуссий на эту тему просто не понимают. По их окончательному и безоговорочному мнению первичен этноним *русь*, который произошел от финского *ruotsi* [р'юотси], как финны называют шведов, а *ruotsi*, в свою очередь, — от древнегерманского **roþs* [рофс]² в значении «гребец», имея в виду викингов-варягов. Соответственно, летописные варяги-русь — это древние шведы, осевшие среди финских племен Приладожья (не суть, «призванные» теми или незванные), получившие от них прозвище *ruotsi*, а затем славянизированные на просторах Русской равнины и переименовавшиеся в русь. Именно они создали государство, которое по их имени получило название (Киевская) Русь.

Лингвистически «мостик» *<*roþs → ruotsi → русь>* вполне корректен. Заимствование *<*roþs → ruotsi>* допустимо³, а переход *<ruotsi → русь>* вообще безупречен. Про-

¹ Топоним (от *τοπος* [топос] — «место» и *ὄνυμα* [онюма] — «имя», *греч.*) — название местности, территории.

² В слове **roþs* древнегерманская буква *þ*, заимствованная из футарка, означает вовсе не звуки [p] или [п], а щелевой межзубный, которого в русском языке нет. Он сохранился в современном английском языке и обозначается буквосочетанием *th* [θ]. Близкое по произношению (только по произношению!) английское слово: *moths* [мофс] — «мотыльки».

³ В финском языке тоже нет межзубного звука [θ], и он заменяется близким по звучанию *t* [т]. Кроме того, финны не любят согласных на конце слова, особенно сразу двух, поэтому на конце слова появляется «лишний» гласный *i* [и].

сто для примера: финское *suomi*, как финны называют себя по сей день, совершенно аналогично превращается в наших летописях в *сумь*. Сравните сами:

suomi → *сумь*,

ruotsi → *русь*.

В пользу этой лингвистически корректной версии имеются также исторические аргументы.

Аргумент первый. В 839 году из Константинополя ко двору Восточнофранкского императора Людовика в Ингельгейм прибыло посольство византийского императора Феофила. При посольстве были некие люди, которых Феофил в сопроводительном письме называл, с их же слов, послами от «кагана народа рос» и просил Людовика помочь им вернуться на родину. Недоверчивый Людовик провел собственное расследование, в результате которого выяснилось, что означенные послы были «из шведов».

Аргумент второй. В уже упоминавшемся труде «Об управлении империей» другого византийского императора, жившего веком позже, приводятся названия днепровских порогов на двух языках: «славянском» и «русском». Из шести приведенных «славянских» названий четыре-пять действительно хорошо объяснимы из старославянского языка. Из того же количества «русских» — как минимум половина имеет хорошие древнескандинавские трактовки, остальные убедительных объяснений из древнескандинавского не получили, но они явно не славянские.

Третий аргумент — имена послов из списков с договоров князей Олега и Игоря с Византией, имеющих в самой «Повести». Здесь нам с тобой, мой суматошный читатель, опять придется забежать по «Повести» вперед, чтобы привести в качестве примера только один, более ранний и короткий перечень послов Вещего Олега: Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид.

В целом позиция западных специалистов выглядит крепкой. Однако не безупречной.

Древнегерманское **roþs* реконструировано теоретически (именно это означает «звездочка» перед словом). Фактически оно не зафиксировано ни в одном письменном памятнике. Кроме того, если такое слово и существовало в древнегерманском, то оно должно было бы иметь значение «весло» или «гребля», а не «гребец»¹. Ты, мой здраво рассуждающий читатель, сам понимаешь, что выводить «русь» из «гребцов» — это одно, а из «весла» или, в лучшем случае, «гребли» — совсем другое. Удивительно и то, что народ русь (или *roþs*) совершенно неизвестен в Скандинавии, с которой он по естественным причинам должен был бы поддерживать тесные отношения.

Этноним русь хорошо смотрится в ряду: сумь, ямь, корсь, ливь, пермь и пр. Поэтому разумно полагать, что оно северного происхождения. Но именно северному происхождению этнонима русь имеется весьма серьезное возражение. Тщательный анализ всей совокупности наших летописей позволил А. Насонову выделить территорию, которая фигурирует в них как изначальная Русь (по Насонову: «Русская земля в узком смысле»). Эта территория, в терминах современной географии, примерно соответствует центру современной Украины. Волынь, Смоленск, Полоцк, Новгород, Ростов к Русской земле изначально не относились! Исторически движение топонима Русь прослеживается с юга на север, а не наоборот. Невозможно представить себе, что этноним русь продвигался с севера на юг, а топоним Русь — в прямо противоположном направлении!

А теперь вернемся к трем основным аргументам норманистов.

Если послы «кагана народа рос» были шведами, то непонятно, зачем они назывались русью, зачем морочили всем голову и вынудили немцев провести целое специальное исследование, чтобы выявить истину. Я не ставлю под сомнение выводы следователей Людовика. Наверно в послых было

¹ Древнегерманское **roþs* сохранилось в современном английском языке в виде *rudder* — «руль», «рулить», а в немецком — в формах: *Ruder* — «весло», *Rudern* — «гребля», *rudern* — «гребти (веслами)».

что-то, что в конце концов дало им основание отнести послов непонятной национальности к шведам. Но шведами послы не были, по крайней мере, сами себя шведами упорно не называли ни в Константинополе, ни в Ингельгейме. В общем, шведы, да не совсем.

Факт, что половина «русских» названий днепровских порогов у Багрянородного объяснима из древнескандинавского языка. А что же вторая половина? Вроде бы и да, а вроде бы и нет. Зато она неожиданно находит вполне приемлемые объяснения в сарматском языке. Опять шведы, да не совсем: есть что-то безусловно германское, но есть и нечто неопределенно иранское¹.

Теперь об именах послов Олега. Ты, мой наблюдательный читатель, уже заметил, что славянских имен среди них нет вообще. Большинство имен выглядят как скандинавские или, точнее, германские, но не все. На мой непрофессиональный взгляд, имена Актеву, Лидул и Стемид вряд ли можно отнести к германским. Гораздо дальше и смелее меня идет А. Кузьмин²: *«имена послов и купцов “от рода русского”, называемые в договорах руси с греками Олега и Игоря, находят более всего аналогий и объяснений... в венето-иллирийском и кельтском языках. Встречаются в их числе и такие, которые могут быть истолкованы из иранских языков... а также эстонского (чудского) языка»*. Какая чудная картинка! Сплошная идиллия-иллирия с иранскими пейзажами, кельтской музыкой и (ну, конечно же!) вездесущими эстонцами на заднем плане. Если верить этому пассажи Кузьмина, не сопровождающемуся, к сожалению, никакими пояснениями или ссылками, то послы руси вообще ни имели никакого отношения к Скандинавии. Увы, в этом верить Кузьмину на слово трудно. По современным представлениям венетский и иллирийский — языки разные, хотя и оба индоевропейские. Правда, толком это не известно, но в первую очередь потому,

¹ Сарматские языки относятся к иранской ветви индоевропейских языков.

² А.Г. Кузьмин. Откуда есть пошла Русская земля. М., «Молодая гвардия», 1986.

что ни венетского, ни иллирийского языка никто толком не знает. До нашего времени дошли лишь единичные надписи на венетском из северной Италии и ни одной — на иллирийском (если не считать тексты на мессапском, родство которого с иллирийским не доказано). Неизвестно, один ли и тот же язык был у вендов севера Европы и венетов севера Италии и можно ли говорить об общем иллирийском языке. Нет полной ясности и с единым кельтским языком. Так что «нахождение аналогий и объяснений» в этих языках оставим на совести Кузьмина без комментариев. Но если в процитированном его пассаже есть хоть крупица истины, то опять мы приходим к тому же: послы вроде бы и скандинавы, а вроде бы и нет. А кто тогда? Венеты? Иллирийцы? Кельты? Иранцы? Чудины? К сожалению, мне так и не попались серьезные исследования специалистами имен послов Олега и Игоря. Они могли бы многое прояснить в происхождении этнонима *русь*. Правда, при одном весьма важном условии: если послы Олега Вещего и Игоря Старого к византийским императорам действительно существовали в природе и их действительно звали так, как называет их «Повесть». Мы-то с тобой, мой искушенный читатель, уже знаем, что безоглядно верить «Повести» нельзя. В случае с договорами сомнения вполне обоснованы: оба списка присутствуют только в «Повести», их византийские двойники не известны, что само по себе подозрительно, тем более что ссылки на греческие копии есть в самих текстах договоров.

А теперь, мой язвительный читатель, небольшое отступление по поводу «эстонского (чудского) языка» в процитированном только что пассаже А. Кузьмина. (Грешен, батюшка читатель, грешен, — не могу пройти мимо эстонцев, которые, черт возьми, — к каждой бочке затычки!) Сам Кузьмин обосновывает появление чуди (эстонцев) следующим образом: *«Может быть, особое внимание должна привлечь Роталия (Западная Эстония), поскольку в русском именослове много имен явно чудского, эстонского происхождения, а такие имена, как “Игорь”, “Игельд”, “Иггивлад”, могут прямо сопоставляться с “иговским языком”, особо выделяемым*

Курбским еще в XVI столетии на территории Эстонии». Действительно, в Эстонии, и не только Эстонии, но и вообще в Прибалтике, в ходу имена с компонентом *инг*: Инга, Ингрида, Ингемар и другие. Только, вот беда, и сам компонент *инг*, и включающие его «прибалтийские» имена имеют происхождение германское и распространение не только в Прибалтике, но и в Скандинавии. В книге Тацита «Германия», одной из первых в исторической литературе, посвященной германским племенам, уже упоминаются **ингевоны** (или **ингвеоны**) в числе трех основных союзов германских племен, причем союза западного, географически от Прибалтики самого удаленного. В старом футарке, древнейшем германском руническом алфавите, руна называлась *inguz* [ингуз] по имени божества древнегерманского языческого пантеона Инга, который считался родоначальником первой легендарной династии шведских конунгов, получившей по этому патрониму название **Инглингов**. Так что германское происхождение «иговского» эстонского языка сомнений не вызывает.

Но почему у Курбского язык зовется «**иговским**», а не «**инговским**», как можно было бы ожидать? Разобраться в этом нам поможет, сам того не подозревая, автор «Повести».

Я уже говорил это раньше и утверждаю еще раз: у автора «Повести» было очень мало документальных источников информации о прошлом Руси до Владимира Крестителя. Я, в частности, подозреваю, что о существовании «князя» Игоря он узнал не из киевских летописей, которых до Владимира I никто и не вел, а все из тех же византийских хроник. Архонт¹ Руси Игорь упоминается, например, Львом Диаконом как отец² Святослава в рассказе о болгарском походе последнего. В текстах на греческом имя Игорь выглядит так: 'Ιγυωρος или 'Ιγυωρ. По правилам греческого правописания простая гамма γ передает звук [г], а двойная гамма γγ — «носовое г». Соответственно самими греками имя

¹ **Архонт** (греч.) — владыка, повелитель. Византийский титул владык среднего ранга, в частности применявшийся в отношении правителей варварских племен.

² В некоторых переводах как брат.

Игоря произносилось [ингор(ос)]. Наиболее вероятно, что у отца Святослава было германское имя Ингвар (более точно [ингвар] с «носовым г» и «полугласным у») или, если русь была «не совсем шведами», то нечто похожее. Переводчик византийской хроники то ли по незнанию греческого произношения, то ли по другой причине передал кириллицей двойную гамму как простую и в результате вместо Ингора получил не существовавшее в природе имя *Игорь*, которое, однако, прижилось и в форме *Игорь* осталось весьма популярным вплоть до наших дней. С тех пор превращение «носового г» в простое [г] при переводе греческих и латинских текстов на русский язык стало традицией, сохранявшейся потом много сотен лет и проявившейся у Курбского в «иговском языке». Так что «имена русского именослова... Игорь, Игельд и Игтивлад» так писались только в русских кириллических текстах, латиницей же их оригиналы изображались несколько иначе: Ingvar, Ingeld, Ingewald, причем Ingeld — это всего лишь сокращенная форма от Ingewald.

Поразительно, но именно имя Инегелд стоит вторым в списке послов Олега! Мне кажется, написание Инегелд вместо Игельд, — аргумент в пользу того, что греческого текста договора Олега с византийскими императорами никогда не существовало в природе, а, значит, не существовало и такого договора. То есть, договор, конечно, был; автор «Повести» не мог придумать его весьма пространный текст. Но вопрос, кто с кем договаривался и на каких языках был написан договор, на мой взгляд, остается открытым.

— Бэрримор, среди Баскервилей водились Ингевальды?

Бэрримор чуть ли не бегом семенит к шеренге копченых фамильных портретов:

— Вон тот, одноглазый в углу — Ингевальд Баскервиль. И этот, с бородавкой на носу тоже. И этот, с мясистым сизым носом — Ингевальд, и вон тот...

— Стоп, Бэрримор, хватит!

Итак, «инговые» имена у пронырливых эстонцев — это наследие отнюдь не финское, а германское. Тут и спорить не о чем. Если ставить знак равенства между эстонцами,

эстами и чудью, то есть считать вслед за БСЭ чудь финно-язычным племенем, то получить это германское «наследство» древние эстонцы могли вследствие «северного крестового похода», то есть не ранее тринадцатого века. Однако, тут возможны варианты, при которых «иговские» имена у чуди могут оказаться гораздо более древними. Но это уже мои собственные догадки, и место им соответственно дальше, в «Измышлениях».

Мы изрядно задержались на норманнистской теории — тут было о чем потрепаться, пространно и ядовито. Теперь перейдем к антинорманнистам и будем надеяться, мой предвкусшающий читатель, те тоже не ударят в грязь лицом и дадут достаточно поводов «перемыть им косточки».

Начнем с украинских историков, которые занимают совершенно особую «самостийную» позицию и лелеют теорию автохтонного, то есть местного, происхождения этнонима русь. Собственно, основание у них только одно: мелькнувшее в «Повести» под 898 годом пояснение: «...поляне, которые теперь зовутся русь».

Эта ремарка убивает для них сразу двух зайцев. Во-первых, поскольку поляне — однозначно жители Киевщины, то, следовательно, и этноним *русь* возник там же. Во-вторых, тут тебе и ответ, почему нет полян у Константина Багрянородного. Да проще пареной репы — потому что теперь они зовутся русью!

Но не будем спешить торжествовать вместе с украинцами, а, раз уж мы все равно снова забежали вперед, дочитаем абзац 898 года до конца: *«А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской»*.

Мой законопослушный читатель, славяне «Повести» проявили прямо-таки криминальную тягу к смене паспортных данных. Сначала из славян переименовались в полян, потом прозвались русью, теперь зовутся украинцами. Но, «Повесть» настаивает, все-таки русью славяне-поляне прозвались от варягов. Значит, получается, этнически русь — поляне, то есть славяне, но происхождение этнонима *русь* все же варяжское.

А кстати, есть ли русь у Константина Багрянородного? Действительно, есть. Но как она не похожа на тихих всеми третируемых славян-полян «Повести»! Русь Багрянородного предприимчива и крута: летом уплывает за тысячи верст торговать в Византии, а на зиму поголовно отправляется из Киева в полюдь «кормиться» в окрестных землях вервианов (древлян?), дреговичей, кривичей, северян и прочих **славян, которые являются данниками руси**. То есть русь и славяне у Багрянородного не просто не одно и то же, они не только говорят на разных языках (вспомним «славянские» и «русские» названия днепровских порогов), но даже не ровня, а связаны данническими отношениями полюдья.

В дополнение к Багрянородному сущность полюдья поясняют арабские авторы.

Гардизи: *«Всегда сто-двести из них [руси] ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся».*

Ибн Русте: *«Русь не имеет пашен, а питается лишь тем, что привозит из земли славян».* Он же: *«Русь нападает на славян, подъезжает к ним на кораблях, высаживается, забирает в плен».*

Аль-Мукадасси: «Страна руси граничит с землей славян, первые нападают на вторых, расхищают их добро и захватывают их в плен».

Свидетельства можно продолжать. Во многих из них арабы в унисон с Багрянородным **разделяют русь и славян**, причем отнюдь не как два братских народа¹. Мало того, что русь обдирала славян, как липку, она еще и захватывала их в плен, заковывала в кандалы, везла в Византию или Хазарию и там продавала на невольничьих рынках.

¹ Справедливости ради надо признать, что у других арабских авторов русь и славяне — одно и то же. Правда, арабы путают славян не только с русью, но и с болгарами (Ибн Фадлан и др.). Вообще «славяне» для арабоязычных авторов — примерно то же самое, что «скифы» для греков, то есть все без разбора обитатели бескрайних холодных пространств к северу от Черного моря.

По-человечески простых украинцев можно понять. Желание принадлежать народу с древней и богатой историей вполне естественно. Нельзя оправдать позицию украинских ученых, упорно отстаивающих автохтонность руси на днепровских берегах. В результате весь мир считает зарубинецкую археологическую культуру рубежа эр принадлежащей бастарнам¹, а украинские историки числят ее протославянской. Наконец и российские археологи признали готскую принадлежность черняховской культуры III–IV веков, а украинские до сих пор не сняли с нее ярлык славянской. Б. Рыбаков даже «нашел» в ее ареале эпицентр генезиса руси — реку Рось, правый приток Днепра южнее Киева. Увы, эту «находку» не смогли подтвердить соответствующими находками сами украинские археологи. По их данным славяне обжили Поросье слишком поздно для «эпицентра», вряд ли ранее X века.

А что же российские историки? Среди них согласия нет. Следуя моде и совершенно очевидной общей политической и экономической ориентации России на запад, в последние годы многие подставили плечо под норманнистскую теорию. Из многочисленных попыток предложить что-то свое оригинальное серьезными можно, пожалуй, назвать только две-три.

Г. Вернадский отстаивал гипотезу сарматского происхождения руси, у которой и поныне есть немало сторонников. С его точки зрения, русь происходит от роксоланов, то есть «светлых аланов», поскольку на сарматском языке *рукс/рохс* означает «светлый, сияющий». Но не Вернадский был автором этой идеи, она еще веком раньше была высказана Д. Иловайским в контексте более широкой гипотезы «черноморско-азовской руси». Действительно, в греко-язычной исторической литературе имеется несколько толком не объясненных свидетельств присутствия какой-то руси на берегах Азовского и Черного морей аж с VI века, то есть за пару

¹ *Бастарны* — племена, обитавшие с III века до н.э. примерно по III век н.э. от нижнего Дуная до среднего Поднепровья. Этническая принадлежность не установлена. Бастарнов причисляют то к кельтам, то к германцам, М. Щукин считает бастарнов особым индоевропейским народом.

столетий до эпохи викингов! Так что, если само название *русь* распространялось с юга на север, то стартовой точкой для него оказывается даже не Поднепровье, а Черное море. (Может быть, тут еще раз уместно вспомнить «путь Андрея Первозванного» на закладке «*Трасса 1*»?)

Несколько в сторону на том же общем направлении отклоняется О. Трубачев¹. Он предлагает не сарматское, а синдо-меотское происхождение этнонима *русь*, причем синдо-меоты, по Трубачеву, — реликтовое индо-арийское население Приазовья. Трубачеву мало того, что в его варианте «исконность» руси на азовских берегах углубляется в древность на тысячелетия, он ищет здесь не просто *русь*, а *русь* славянскую. Правда за его учеными выкладками (не нам с тобой, мой далекий от профессиональной лингвистики читатель, в них разбираться) как-то теряется связь между синдо-меотами, давшими миру понятие *русь* и славянами, колонизовавшими Северное Причерноморье.

Весьма популярно, в основном в дилетантской среде, сопоставление руси с ругами, впервые придуманное, кажется, еще М. Ломоносовым. В этом направлении направляли свои рассуждения и уже цитированный выше А. Кузьмин, и более известный, в основном своей бескомпромиссностью, С. Лесной. Профессионалы не поддержали их усилий отчасти из-за отсутствия в их рассуждениях серьезных исторических оснований, отчасти из-за явно выраженной у них неготовности к серьезной полемике, отчасти из-за неразберихи с самими ругами, которых объявляют то славянами, то германцами, то кельтами, путая при этом с венетами-лугиями и славянами-лужичанами.

В итоге в отличие от запада в нашей стране консенсуса достичь не удалось, и споры ни шатко, ни валко продолжают. Лично я не вижу в этом ничего страшного, так как полагаю отсутствие результата окончательного лучшей альтернативой обретению результата ошибочного, и тщу себя надеждой, что некое новое направление вялой дискуссии удастся

¹ Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). 1993.

придать твоему, мой благодарный читатель, покорному слуге. Но потерпи до «Измышлений».

«Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор».

Тихо и незаметно почили братья Рюрика. Умерли в один день, как герои сказок А. Грина, не совершив ничего достойного внимания потомков. Вспомним, так же тихонько ушли в мир иной, не оставив следа, братья и сестра Кия. Зачем вообще упоминал их автор? А затем, что из песни слова не выкинешь. И из саги не выбросишь. И из легенды. Это вам не история, где пиши все, чего хочешь, и умалчивай то, о чем говорить несподручно.

Скандинавские саги складывались и пелись не только скальдами. Те просто были более талантливы и потому более известны. Сложить если не сагу, то победную песню-драпу, и спеть ее вовремя и к месту считалось почетной обязанностью каждого викинга. Эту задачу простым смертным облегчал кубок забористой браги и заранее наработанный скальдами материал — расхожие эпитеты, ходовые обороты и типовые конструкции. Одним из таких ходовых оборотов, позволяющих задержать внимание слушателей на имени славного предводителя и дать возможность исполнителю продумать продолжение повествования, была добавка «со своими домочадцами и верной дружиной», что на древнескандинавском звучало примерно так: *með sine hus ok tru væg* [мед сине хус ок тру вэр]. На самом деле звук [х] в слове *хус* — это придыхание (как *h* в английском или немецком), которого нет в русском языке и которое просто пропускалось, когда по-скандинавски говорил русскоязычный. Поэтому, если бы автор «Повести» надумал включить в свое произведение выдержку из драпы о Рюрике, в которой имя босса сопровождается привычным «хвостом» из его домочадцев и верной дружины, то у него получилось бы: [Рюрик мед сине ус ок тру вэр], то есть «Рюрик с... Синеусом и Трувором»! Вот так, мой справедливый читатель, братьям Рюрика чина выше поручика не полагается, потому как оба они — «поручики Киже». Не было их в природе; потому ничего они не сделали за свою невзাপравдашнюю жизнь; пото-

му автор «Повести» вынужден был их быстrehонько и дружно похоронить, не зная, куда пристроить.

Так же мешались автору Щек, Хорив и Лыбедь. Эпическая традиция не позволила ему «выдернуть» отдельные персонажи из традиционного окружения. Но вынужденно введя в повествование избыточные персонажи и не зная, что с ними делать, автор тут же избавляется от них самым простым способом.

«И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро... Рюрик же княжил в Новгороде... Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу — родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал».

Итак, братья Рюрика — миф. А сам Рюрик? Чем знаменит основатель первой княжеско-царской династии Руси? Да ничем! Раздал своим людям города и почил на лаврах. Невольно закрадывается мысль: если братья Рюрика — миф, то не выдуман ли сам Рюрик? Лично я не вижу никаких причин считать Рюрика более историчным, чем, например, Сима. Роли обоих этих персонажей в «Повести» весьма схожи: поделили земли с братьями, покняжили в своих уделах, не совершив в жизни ничего выдающегося, и передали эти уделы наследникам. Попутно заметим, что передача власти Рюриком сыну Игорю — вопиющий «прокол» «Повести». В соответствии с действовавшим в древней Руси лествичным правом наследовать Рюрику должен был не малолетний сын, а старший в роде. Как мы помним, весь род Рюрика приплыл «из-за моря» вместе с ним, следовательно, выбирать было из кого. Так что, может быть, «Повесть» зря отводит Олегу роль регента?

Впрочем, пустяки все это! Пустяки, потому что не было, не было никакого князя Рюрика. Не верю «Повести» — и все тут. Впрочем, доказательств мифичности Рюрика у меня нет, как, впрочем, ни у кого нет доказательств его реальности. Ты, мой самостоятельный читатель, имеешь право верить «Повести» и считать, что когда-то где-то жил какой-то

Рюрик и даже что он был князем. Даже можешь считать, что рюриков было много. Много? А вот тут, пожалуй, я могу с тобой согласиться!

Словосочетание «князь Х» по отношению к первым русским князьям само по себе подозрительно. Я уже привлекал твое внимание, мой послушный читатель, к тому факту, что первые верховные владыки Киевской Руси звались не князьями, а каганами. Мы отметили также, что автор «Повести» присваивает титул князя кому ни попадя вплоть до хазарских вельмож (см. закладку *«Хазарский князь»*). Отсюда мое глубокое убеждение, что слова «князь Рюрик» не несут никакого смысла. Мы с тобой, мой нетерпеливый читатель, не дочитаем «Повесть» до нужного места, но я позволю себе заглянуть далеко вперед в год 965 от Рождества Христова:

«В год 965. Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар, и столицу их и Белую Вежу взял...»

Видишь, мой потрясенный читатель, описывая разгром Хазарского каганата Святославом Игоревичем, автор «Повести» называет хазарского кагана... «князем Каганом»! А чем «князь Рюрик» лучше «князя Кагана»? Если «князь Каган» на самом деле просто каган, то есть верховный владыка хазар, то вполне логично предположить, что «князь Рюрик» — это просто рюрик, то есть есть титул верховных предводителей варягов руси. У нас с тобой, мой нетрусливый читатель, еще будет повод вернуться к этому смелому предположению далее по тексту и возможность развить его в «Измышлениях».

- Бэрримор, был ли Мартин Лютер Кинг королем¹?
- Затрудняюсь сказать, знаю ли я такого короля, сэръ.
- А был ли Мартин Лютер Кинг лютеранином?
- Трудно сказать...
- А любил ли Мартин Лютер Кинг «Мартини»?
- Не знаю, сэ-эр!

¹ По-английски king [кинг] — «король».

Да, настоящий дворецкий, не в пример автору «Повести» ничего домысливать не будет: не знаю, мол, и точка. Жаль, что «Повесть» писал не Бэрримор.

«И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: “Чей это городок?”. Те же ответили: “Были три брата Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам”. Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде».

Внимание, начинается череда походов из Новгорода на Киев! Путь прокладывают Аскольд и Дир — «бояре» Рюрика, они первыми захватывают Киев. Впрочем, применимо ли здесь слово «захватывают»? Чего там захватывать? По оценке самой «Повести» Киев в то время совсем небольшой «городок», и такой оценке размеров Киева вполне можно верить, она подтверждается археологически. Никакого города 60-х годов IX века на месте Киева так и не нашли, и даже Б. Рыбаков к концу жизни был вынужден признать очевидное¹. Киев этого времени существует только на страницах «Повести», энциклопедий и учебников истории, куда он проник из той же «Повести».

Так что непонятно, на что позарились Аскольд с Диром. Но лиха беда начало. По следам рюриковских «бояр» на захват несуществующей «матери городам русским» вскоре пойдут другие захватчики: от Вещего Олега до Владимира I. После уже реально существующий город будут брать и Ярослав Мудрый и прорва прочих князей, охочих до великокняжества.

Любопытно, что Аскольд и Дир отправляются в поход «со своим родом» подобно их «боссу» Рюрику. Но мы-то с тобой, мой ушлый читатель, уже знаем, что рядом со «своим родом», то есть синеусом, всегда его неразлучный брат тру-

¹ Б. Рыбаков. Кто основал Киев? // «Наука и жизнь», № 4, 1982.

вор, то есть верная дружина. К тому же складывается ощущение, что по Днепру так и снуют туда-сюда всякие варяги, которых Аскольду с Диром только остается отлавливать сетями. Иначе не объяснить, откуда через год новоявленные «князья» насобирали в маленьком городке восьмитысячное войско (двести кораблей) для похода на Константинополь. Однако насобирали:

«В год 866. Пошли Аскольд и Дир войной на греков... множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же... всю ночь молился с патриархом Фотием... Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и снова встали огромные волны, разметало корабли безбожных русских, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось избегнуть этой беды и вернуться домой».

Нападение какой-то руси на Константинополь на самом деле имело место в 860 году. Оно описано самими византийцами, на него ссылается в своих посланиях упомянутый в цитате константинопольский патриарх Фотий. Характерно, что в этом эпизоде автор «Повести» целиком и полностью на стороне греков, со слов которых воспроизводит события, а не родной по крови, но «безбожной» руси. Соответственно он принимает позднюю версию о каре господней в виде бури, версию, появившуюся много лет спустя, хотя современники нападения, включая Фотия, ни о какой буре не сообщают.

К сожалению, хотя отчет о бесчинствах руси имеется в нескольких вариантах, синхронных нападению и более поздних, ни одного имени в них не названо. Конечно же, нет и никаких ссылок на Киев. Русь пришла ниоткуда и ушла в никуда. То, что «безбожные русские» пришли из Киева и что ими предводительствовали Аскольд и Дир, присочинил автор «Повести». Так у него получалось по его версии и его собственной хронологии. Тут ты, мой имеющий свою голову на плечах читатель, можешь ему верить, а можешь — нет. Дело твое.

«Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей... И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, и... послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де “мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим”. Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все остальные из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: “Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода”, и показал Игоря: “А это сын Рюрика”. И убили Аскольда и Дира...»

Ура, наконец-то чудь отходит на второй план, теснимая варягами! Хотя чему я радуюсь? Неуемная чудь по-прежнему впереди словен. Но это так, к слову.

Между тем походы из Новгорода в Киев продолжаются. Вслед Аскольду и Диру отправляется Вещий Олег. Впрочем, Олег как будто не знает, по чьим стопам идет, вождь-склеротик совершенно забыл о предшественниках. Мало того, что их княжение в Киеве оказывается для него сюрпризом, он уже толком не помнит, кто они вообще такие: сначала зовет их как «родичей своих», потом ни за что ни про что убивает, с трудом припомнив, что они «не княжеского рода». Действительно, нам с тобой, мой забывчивый читатель, еще раньше разьясняли, что невинно убиенные были «не родственниками, но боярами» Рюрика. Оказывается, это достаточная причина, чтобы «мочить» без суда и следствия!

Вообще-то причин и не было, Олег нуждался лишь в поводе, пусть даже надуманном. Вспомни, мой не подверженный склерозу читатель, он с самого начала был настроен на «замачивание» всех, кто попадется на пути. Зря что ли, выступая в поход, Олег в отличие от предшественников не ограничился «своим родом» и дружиной, то есть синеусом-трувором, а сразу взял с собой «много воинов». *À la guerre comme à la guerre*¹.

¹ На войне, как на войне (франц.).

«И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: “Да будет это мать городам русским”...»

Мой не склонный утруждать себя раздумьями читатель, ты никогда не задумывался, почему Киев оказался **матерью** русским городам? Казалось бы, Киев мужского рода, да и абстрактно собирательное слово «город» — тоже. Но, несмотря на это, дважды мужественный Киев почему-то оказывается русским городам не отцом, а именно матерью.

Самое вероятное предположение заключается в том, что «мать городам» — это «калька», то есть дословный покомпонентный перевод греческого *μητρόπολις* [метрополис] — «мать-город», что обычно переводится как «столица». А *Μητρόπολις* в греческом женского рода, как и столица в русском.

Не знаю, было ли в древнерусском языке слово «столица», но слово *стол* в этом значении точно существовало¹, так что замена «стольного града» на «мать городам» можно объяснить лишь данью моде на все греческое, которая пришла на Русь с вокняжением Мономаха — как раз когда дописывалась «Повесть». Олег тут совершенно ни при чем, крылатое выражение приписано ему для «красного словца».

«Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно... И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами...»

Тут сразу три важных момента:

- а) промелькнувшее указательное местоимение «тот» в отношении Олега;
- б) строительство Олегом городов;
- в) взимание Олегом дани с Новгорода и практически всех окрестных племен.

До сих пор в «Повести» был как будто один единственный Олег, и указание «тот» выглядит явно лишним. Может быть оно случайное, но мы с тобой, мой пребывающий на-

¹ Вновь ссылаюсь на надпись на киевских сребрениках «ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ...».

стороже читатель, постараемся его не забыть. Оно нам пригодится в будущем, равно как и города и дани Олега. Но пока что с этой важной информацией нам делать нечего, поэтому для памяти оставим здесь закладку — *«Города и дани Олега»*.

«В год 885. Послал [Олег] к радимичам, спрашивая: “Кому даете дань?”. Они же ответили: “Хазарам”. И сказал им Олег: “Не давайте хазарам, но платите мне”. И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали».

Анализу гипотетического диалога Вещего Олега с радимичами через неведомых гонцов я вынужден предварить малоприятный непосредственный диалог со своим дворецким:

— Бэрримор, какое сегодня число?

— Первое.

— Стало быть, пора с тобой расплачиваться. Сколько я тебе должен?

— Три шиллинга, девять пенсов.

— Хм, откуда у меня шиллинги? Может быть, возьмешь щелягами?

— М-м-м... Я бы предпочел шиллинги, сэ.

— А вот хазары и Вещий Олег не брезговали брать с радимичей щелягами.

До Бэрримора доходит, что я опять подтруниваю над ним, и он обиженно удаляется в свою любимую буфетную, бормоча под нос что-то о том, что, слава Богу, в доброй старой Англии начальное обучение¹ бесплатное, а вот прежние хозяева платили, хоть и не регулярно, но настоящими шиллингами. Моему затюканному дворецкому невдомек, что щеляг «Повести» — это и есть шиллинг. Правда, могу сказать в оправдание Бэрримора, что уже Даль до исходного значения этого древнего слова докопаться не смог:

«Шеляг, шелег — неходячая монетка, бляшка, как игрушка, или для счету, в играх, или на монисто, или в память чего».

¹ Вероятно, Бэрримор, как всегда недослышав, путает непонятных ему радимичей с rudiments [рудиминтс] — «начальные классы (школы)» (англ.).

Нас спасает этимологический словарь М. Фасмера, в котором слово щеляг/шеляг/шелег выводится из древнегерманского skilling — «шиллинг». Теперь, вооруженные Фасмером, мы с тобой, мой погрузившийся в энциклопедические глубины читатель, открываем Брокгауза:

«Шиллинг — 1) англ. серебр. монета = 1/20 фунта стерлингов = 12 пенсам = 47,3 русск. коп.; 2) прежде мел. монета в Швеции и Германии (= 1/16 марки)».

Вот те на! Ни слова о хождении шиллингов на Руси. Тогда откуда у захоластных радимичей эти самые щеляги-шиллинги, которыми они регулярно платят дань то хазарам, то Олегу? Нет, конечно, радимичам далеко до полян, которые откупались от хазар не какой-то там разменной мелочью, а боевыми каролингскими мечами, но все же любопытно. Как вообще шиллинги могли оказаться на Руси IX века, да еще «в глубинке», если первые монеты Киевская Русь начала чеканить лишь более века спустя?

Вообще-то шиллинг — монета древняя, однако в странах, соседствующих с Киевской Русью, первые шиллинги появились, вероятно, не раньше XIII века вместе с крестonosцами. На территории Польши шиллинги в ходу с XIV века. Во второй половине XVI века Речь Посполитая начинает чеканить свои монеты, которые как раз звались щелягами: szelag [шеляг]. К этому времени шиллинг приживается в странах Северной Европы: Нидерландах, Дании и Швеции. В Англии первый серебряный шиллинг был отчеканен в 1504 году.

В общем, не кажется ли тебе, мой наостривший уши читатель, что щеляги радимичей затесались в «Повесть» вместе с их патронимом Радимом не раньше XV–XVI веков в соответствии с «модой» на все польское (в крайнем случае, полянское), весьма распространенной в то время на юго-восточной окраине (Украине) Речи Посполитой? Вот только при чем тут Вещий Олег? Как и в случае с «матерью городам русским», абсолютно ни при чем.

«В год 898. Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, пришли к Днепру и стали вежа-

ми: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали воевать с жившими там волохами и славянами».

Пока Олег ставил города и взимал дани, около его столицы по-хозяйски расположились угры, то бишь венгры, но почему-то задерживаться не стали и сразу поспешили дальше за Карпаты, в свою «страну обетованную» Паннонию. Из-за чего такая спешка? То ли испугались возвращения Хозяина, то ли не нашли ничего достойного внимания на днепровских кручах. Соответственно, либо Олег был так велик и могуществен, такого страху нагнал на всех соседей, что византийцы боялись даже вскользь упомянуть его имя, а бедные венгры в панике уносили ноги от его столицы; либо, наоборот, настолько ничтожен вместе со своей «матерью городам», что византийцы не удостоили вниманием его самого, а венгры просто не заметили его столицы. Археология Киева, мой проникающийся важностью копания в земле читатель, говорит в пользу второго варианта.

Между прочим, никогда не поверю, что Угорскую гору называли так потому, что рядом с ней всего лишь «шли» какие-то кочевники. Равно как не называли бы одни из киевских ворот Жидовскими, если бы в них однажды постучался случайно забредший еврей.

Согласно Константину Багрянородному, поход на территорию современной Венгрии из прикаспийских степей у угров прошел в несколько этапов. Будучи союзниками хазар и отходя на запад под давлением наседающих печенегов, венгры пытались закрепиться в двух местах: некой Леведии, предположительно между Доном и Днестром, и Ателькузу, вероятно где-то между Днестром и Днестром. Сами венгры сохранили предания о захвате Киева во время поиска новой родины. «Венгерский аноним» утверждает, что Киев был взят ханом Алмушем. «Повесть» мельком упоминает под 882 годом какого-то Ольму (Алмуша?), чей двор был как раз на Угорской горе. Вполне вероятным выглядит предположение, что некоторое время Киев находился под властью венгров,

управлявших городом от имени своих сюзеренов хазар, а под «Ольминым двором» следует понимать не простое подворье, а ханский двор с его придворными, гаремом и прочими атрибутами. Именно в тот период окрестности этого двора могли получить название Угорской горы, а сам хазарский город Хореван сменить свое имя на венгерское Самбат.

Киевщину мадьяры оставили, когда удрали из Ателькузу дальше на запад после их разгрома в 895 году печенегами в союзе с Симеоном. Так что «шли угры мимо Киева» весьма неспешно и не в 898 году, а несколькими годами раньше. В принципе типичное для «Повести» запаздывание на 6–8 лет вполне приемлемо и в этом случае.

«В год 903. Когда Игорь вырос, то сопровождал Олега и слушал его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу».

Прямо как в сказке Коллоди о прототипе Буратино: «Все они были Пиноккьо: папа Пиноккьо, мама Пиноккьо, и дети тоже были Пиноккьи». Но не в пример проказнику Буратино маленький Игорек был пай-мальчиком и получил «конфетку» — жену, провинциальную девицу, но зато тезку своего опекуна. Только не кажется ли тебе, мой подозрительный читатель, что весьма странновато такое удивительное совпадение имен.

Олег был представлен нам автором «Повести» как родич Рюрика. Поскольку Рюрик прибыл из-за моря «со всем своим родом», Олег должен был прибыть вместе с ним, и родина его — далекое заморье. Ольгу привели из Пскова. Оставляя в стороне вопрос, почему в жены Игорю была выбрана именно псковитянка, и просто следуя тексту «Повести», мы должны признать, что случилось совершенно невероятное совпадение имен залетного заморского варяга и псковской аборигенки. Как и тебе, мой недоверчивый читатель, мне в такие совпадения как-то не верится. По-моему, такое невероятный казус — хороший аргумент в пользу продолжения ряда:

князь Рюрик	→	рюрик
князь Олег	→	ольг
княгиня Ольга	→	ольга

подразумевая, что ольг — это титул предводителя варягов руси рангом пониже рюрика, причем в этом ранге у руси могла оказаться и женщина. (Видимо, были «женщины в русских селеньях» задолго до того, как их заприметил наметанным глазом Н. Некрасов.) Тогда понятно и указание «тот Олег» на нашей закладке *«Города и дани Олега»*, чтобы читатель не спутал Вещего Олега с другими олегами и ольгами.

Но тема эта слишком обширна, она выходит за рамки наших «Измышлений».

«В год 907. Пошел Олег на греков... на конях и в кораблях; и было кораблей числом 2000... И приказал Олег [грекам] дать воинам своим... по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу... И сказал Олег [все-тем же грекам]: “Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные”, — и было так... И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: “Возьмем свои толстины, не даны славянам паруса из паволок”. И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье».

Почему-то византийцы замолчали победоносный поход на них Вещего Олега. Это удивительно, если учесть, какую несметную рать привел с собой Олег. Напомню тебе, мой не обращающий внимания на цифры читатель, что Аскольд и Дир всего двумястами кораблями навели на Византию такой ужас, что греки в подробностях описали набег и еще долго помнили его. Если верить «Повести», Олег привел в десять раз больше! Считается, что русская ладья несла в среднем 40 человек. Итого 80 000 воинов. Для средних веков огромное войско. Трудно представить, что византийцы его не заметили.

Это удивительно тем более, что греки были падки на чудеса. Представляешь, мой впечатлительный читатель, как мучились они, обуздывая естественное желание поведать свету о русских ладьях, на всех парусах плывущих на них

прямо по суше, о великом воине, стоящем на передней ладье с огромным щитом в одной руке и большим молотком в другой, готовый накрепко прибить этот щит к константинопольским воротам. Смогли, обуздали. Честь им и хвала, но оставим греков с их трудностями и вообще пропустим общеизвестное: и вошедшее во все учебники истории плавание посуху, и вошедший во все учебники литературы «щит на вратах Цареграда». Остановимся на том, о чем история и литература предпочитают умалчивать.

В отрывке перечислены пять городов Руси, кроме Киева, в которых якобы «сидят великие князья, подвластные Олегу». Вообще-то неплохо было бы поименно назвать этих невесть откуда взявшихся «князей», все же как-никак «великие»! Впрочем, прошу прощения у тебя, мой милосердный читатель, я непоследователен и несправедлив по отношению к автору «Повести». Умолчание великих имен — большой минус для летописи, но не для повести. Однако беда в том, что автор не умалчивает великие имена, а снова подменяет события прошлого реалиями его современности, то есть опять обманывает нас. Археологи для 907 года (и вообще начала X века) находят из шести городов, названия которых встречаем в цитате, только полтора: городок на месте Полоцка и несколько сел на месте Киева. Переяславль археологически возникает в 933 году, Ростов — не ранее самого конца X века, Чернигов и Любеч — лишь в XI веке. А единственный реально существовавший во время Олега город Полоцк ему не подчинялся, по крайней мере, он не упомянут в самой «Повести» среди городов, покоренных Олегом.

Ты, мой ортодоксальный читатель, все еще считаешь «Повесть» летописью? Если я тебя еще не разубедил, то продолжим.

Пожалуй, разбираемый отрывок наиболее ярко в «Повести» противопоставляет русь и славян, причем контекст подтверждает арабские свидетельства о подчиненном положении славян у руси. Не знаю, чем отличаются паруса из паволоки от копринных, но послеяя цитата не оставляет сомнения в том, что Олег только русь считает достойной хоро-

ших парусов, славяне же еще, по его мнению, до такой чести не доросли. Паволок было много, Олег привез их в Киев, но славянам на паруса все же не выдал.

И еще раз отметим на будущее в качестве дополнения к информации на закладке *«Города и дани Олега»*, что, согласно тексту «Повести», Олег вернулся из-под Царьграда в Киев, нагруженный богатейшей добычей.

«В год 911... И похоронили [Олега] на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три».

Мимоходом отметим, что с «Повестью», похоронившей Олега в Киеве на горе Щековице, за право дать последний приют вещему князю спорят новгородские летописи, которые помещают его могилу в Старой Ладоге. Но есть и третья «виртуальная» Олегова могила в городе Бердаа на территории нынешнего Азербайджана. На мой взгляд, множественность могил Вещего Олега — один из сильнейших аргументов в пользу мифичности этого персонаже «Повести».

Однако причина цитирования последнего отрывка — во все не пересчет могил Олега, а утверждение «Повести», что Вещий Олег княжил тридцать три года. Мы с тобой, мой всепрощенчески настроенный читатель, не будем придирааться к автору из-за того, что у него Олег **княжит**, не будучи, как мы помним, князем, и даже простим ему подозрительное совпадение времени княжения с длительностью жизни Иисуса Христа. Одним подозрительным совпадением больше, одним меньше... Пока мы просто запомним число 33 и мысленно присовокупим его к закладке *«Города и дани Олега»*.

«В год 915. Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю».

Согласно современным общепринятым представлениям, печенеги впервые появились на Днепре гораздо раньше. Но интереснее другое. Печенеги впервые появляются на Русской земле, чтобы... заключить мир с Игорем. Мы привыкли к тому, что кочевники приходят на Русь с несколько иными намерениями, а мир заключают только после тяжелых пора-

жений. С чего бы на сей раз у кочевников столь мирные настроения? А с того, что они, вероятно, действительно искали помощи в своей борьбе против хазар и их союзников венгров. Русь в этом противостоянии объективно была на стороне печенегов. Не Бог вещь такая сила, конечно, но с паршивой овцы...

Так что слова «пришли печенеги» следует понимать не как буйный набег кочевников, а как чинное посольство, уполномоченное заключить с Русью мир и союз для похода на Дунай против венгров. А повезет, так и дальше, на Константинополь. Однако поход на Константинополь мужающая Русь смогла осуществить только через двадцать пять лет. Эту четверть века (!), когда на Руси княжил Игорь, «Повесть» обходит непонятным молчанием за исключением одной короткой ремарки: *«В год 920. У греков поставлен царь Роман. Игорь же воевал против печенегов».*

Каких-либо достоинств и привлекательных черт за Игорем не замечено: он был плохим князем, никчемным полководцем, но зато отъявленным самодуром, и его неуживчивость буквально на каждом шагу наживала ему врагов.

Судя по записи от 920 года, Игорь начал с того, что разругался со своими первыми союзниками, печененгами. Затем вероломным захватом Самкерца он безвозвратно испортил отношения с Хазарским каганатом. Победенный хазарами и понуждаемый победителями, он нападает на Византию, проявляет невиданную жестокость, но снова терпит страшное поражение, после чего остается у разбитого корыта с испорченными отношениями со всеми соседями. Наконец жадность приводит его к страшной, но заслуженной смерти от своих данников древлян. Но об этом мы еще прочтем в «Повести» чуть позже. А вот о войне с Хазарией ты, ждущий подробностей читатель, в «Повести» не прочтешь, о ней мы узнаем из «Кембриджского документа», «Повесть» о хазарской войне стыдливо умалчивает, оттого и двадцатипятилетний пропуск. Благо, о войне с Византией в «Повести» есть выписки из греческих хроник.

«В год 941. Пошел Игорь на греков... И подплыли, и стали воевать... А кого захватили — одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы... Когда же пришли с востока воины — Панфир-деместик с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами, Федор-стратилат с фракийцами, с ними же и сановные бояре, то окружили русь... и в жестоком сражении едва одолели греки. Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи русских. И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламя, бросились в воду морскую, стремясь спастись, и так оставшиеся возвратились домой».

Воистину страсти Господни! Что и говорить, «порезвился» Игорь.

— Бэрримор, как ты считаешь, какой народ самый жестокий?

— Конечно, римляне, сэр.

— Почему римляне?

— Они распяли Христа!

— И как же они его распяли?

— О, они вбили ему гвозди в руки и ноги.

— А что ты скажешь о народе, который распинает всех подряд, вбивая гвозди в головы?

— Такая невероятная жестокость? Какой ужас! Это невозможно, сэр.

Увы, Бэрримор, если верить ПВЛ, возможно...

Мой читатель-славянофил, ты по-прежнему настаиваешь на том, что русь была славянским племенем? После того, что мы только что прочитали, ты будешь продолжать гордиться своим славянством? По мне, так уж пусть русь, распинающая мирных жителей и вбивающая им в головы гвозди, будет какими-нибудь скандинавами, а того лучше — марсианами. Все меньше краснеть за предков.

Но это опять же всего лишь эмоции. А что имеем по существу? По существу мы с тобой, мой невольнo краснею-

щий читатель, имеем еще одно выразительное подтверждение того, что «Повесть» списана с византийских хроник. Она не знает имен подвластных Олегу «великих князей», владеющих несуществующими городами, зато приводит не только имена отдельных византийских полководцев, но и точные данные об их войсках. И в последней цитате мы читаем изложение событий как бы с византийской стороны. В этом плане характерно, что оставшиеся после катастрофического поражения русские вернулись не в Киев, чего следовало бы ожидать, если бы автор писал отсебятину, а просто «домой». Это «домой» византийский историк Лев Диакон расшифровывает «к Босфору Киммерийскому», то есть Керченскому проливу. Далековато от Киева!

В отличие от мнимого похода Олега, приуроченного «Повестью» к 907 году, поход Игоря в 941 году действительно имел место. Он не только описан византийскими хронистами, но и «прокомментирован» знаменитым «Кембриджским документом» — письмом современника событий, некоего хазарского еврея. Я не буду здесь его пересказывать тебе, мой эрудированный читатель, остановлюсь лишь на одном аспекте вопроса. Документ рассказывает предысторию событий, согласно которой хазарский полководец сумел проучить вероломного владыку Руси и принудить того напасть на Византию. Но русского владыку зовут не Игорь, а... Олег! По крайней мере, так трактует большинство комментаторов письма слово [х-л-гу] на иврите (древнееврейское письмо, как и другие семитские письменности, опускало гласные, что отражено дефисами в транскрипции). Затем «Кембриджский документ» хоронит этого [х-л-гу] на Кавказе в Бердаа. На первый взгляд, документ вносит дополнительную путаницу, которая даже заставляет некоторых историков вводить в обиход Олега II (или, если хочешь, мой охочий до выдумок читатель, Олега Невещего). Но при взгляде на дело под иным углом зрения «Кембриджский документ» не только не создает никаких проблем, но и косвенно подтверждает высказанные мною ранее догадки о том, что *олег* есть не имя

собственное не существовавшего в природе «вещего князя», а титул вождей варягов руси, коих вполне могло быть более одного и даже двух. То есть был «тот олег», но были и другие, «не те» олеги и ольги.

Под этим углом зрения мы с тобой, мой дальнзоркий читатель, будем более пристально рассматривать эту проблему в «Измышлениях». А пока проследим за тем, как Игорь, уже попавший по существу в вассальную зависимость от Хазарии и Византии, продолжает наживать себе врагов.

«В год 945. В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам».

Впервые появляется в «Повести» некто Свенельд. Казалось бы, с таким именем даже череп промерять циркулем не нужно, принадлежность к «арийской расе» прописана с большой буквы — варяг, короче. Именно так нам его и представляет БСЭ: *«Свенельд — древнерусский воевода X в., норманн (варяг) по происхождению. При Игоре участвовал в покорении уличей, в войнах с Византией (941, 944) и в походе в Закавказье (943—944). В 946 С. руководил походом против древлян. Участвовал во всех походах князя Святослава Игоревича. При великом князе Ярополке Святославиче был его ближайшим советником».*

Но, оказывается, совсем не просто найти имя Свенельд в реальной истории Скандинавии. Зато по долгожитию наш Свенельд не уступает Вещему Олегу, оставаясь воеводой при Игоре, Ольге, Святославе и Ярополке гораздо более сакраментальных тридцати трех лет: с 941 минимум по 977 г. К этой интересной фигуре мы вернемся в «Измышлениях», и теперь уже совсем скоро.

Что касается Игоря, то совершенно очевидно, что его отношения и со Свенельдом, и со своей дружиной далеки от идеальных. Дружинникам Игоря не за что любить своего князя. Они голы и голодны, в то время как их коллеги из дружины Свенельда живут припеваючи. Ясно, что Свенельд занят больше собой и своими отроками, чем делами Игоря,

то есть он просто плюет на своего патрона. И тому остается только таить злобу, потому что дружина Свенельда сильнее и лучше вооружена.

«И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилie над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще”... Древляне же, услышав, что идет снова... послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и древляне убили Игоря и дружинников его...»

Жадность фраера сгубила. Наконец Игорь нажил себе последнего врага — древлян, которые и поставили точку в его биографии. Так, прокняжив, как и его предшественник Олег, тридцать три года, но в отличие от одного совершенно бесславно, почил отнюдь не в бозе Игорь. Я бы затруднился написать эпитафию на его могиле, но удостою его короткой надгробной речью. Игорь прожил жизнь не зря. Реальный, хотя и никчемный князь одолжил в «Повести» героическому, хотя и мифическому Олегу основные факты своей биографии: от длительности правления в Киеве до похода на Константинополь. Только волей автора «Повести» все промахи и неудачи реального Игоря чудесным образом оборачивались у мифического Олега успехами и победами. Не берусь судить, хотел ли этого автор, но, по-моему, истинная роль в «Повести» Олега, этого выдуманного альтер эго Игоря, — служить укором своему бесталанному, жадному и вероломному прототипу.

«Повесть» начиналась как продолжение Ветхого Завета. Закончим ее чтение и наши «Измышления» мы этом месте, отдаленно перекликающемся с Новым Заветом, где, прокняжив тридцать три года, был жестоко казнен родоначальник первой русской княжеско-царской династии.

Аминь.

ПУСТОСЛОВИЕ: ИЗМЫШЛЕНИЯ

(Уже не читаем, а измышляем)

Итак, мой преданный читатель, ты не покинул меня один на один с «Повестью» под сумрачными сводами воображаемого Баскервиль-холла. Снимаю шляпу перед твоим упорством, причем стараюсь делать это как можно тише, чтобы не потревожить твой безмятежный сон в неудобном старинном кресле. Так же тихо закрываю и откладываю подальше «Повесть» и таинственно, вполголоса, как детскую сказку, начинаю давно обещанные «Измышления».

Измышление о славянской прародине

— Говори потише, Бэрримор, наш читатель уснул. От кого происходят англичане?

— Станный вопрос, сэр, — говорить потише у моего глуховатого дворецкого явно не получается, — конечно, от англичан.

— А славяне?

— Думаю, что от славян.

На первый взгляд автор «Повести» по сравнению с моим приземленно практичным дворецким прямо витает в эмпиреях. Там он смело ставит глобальной значимости вопрос происхождения славян и тут сам же на него отвечает, незастойливо приписав порождение славянского племени плодотворному Иафету. Но на второй взгляд, если таковой не полениться бросить в суть вещей, автор «Повести» не столь уж далеко ушел от Бэрримора и вряд ли был озабочен проблемой славянской прародины в нашем сегодняшнем ее понимании. Для него термины *славяне*, *русь*, *христиане* — почти синонимы, недаром он все время путается в них. При всей кажущейся широте размаха действительный интерес автора весьма узок и ограничен происхождением лишь славян-христиан и христианской Руси. В этом плане естественны ссылки на Моравское княжество (в «Повести» Норик и зем-

ля Венгерская) и Болгарское царство (земля Болгарская) как два первых государства, где свершилось крещение славян и впервые появилась славянская грамота, призванная донести Слово Божие до потомков Иафета. Поэтому весь интервал времени между всемирным потопом и «оседанием славян на Дунае», сколько бы веков или тысячелетий он ни длился, для автора «Повести» пуст и неинтересен. Достойная его пера история славян началась только с их крещения. Соответственно Дунай, Болгария и Моравия появляются всего лишь в качестве сцены этого священнодействия.

Мой вздорный читатель, ты можешь возразить мне, что пассажи о Рюрике, Аскольде с Диром и Вещем Олеге — это дохристианская история Руси, и будешь отчасти прав. Но есть два «но». Во-первых, я на этом настаиваю, это не история, а миф. Во-вторых, исследователи «Повести» давно вычленили начальное ядро произведения. Повествование в нем начиналось с Игоря Старого. Оно не знает Рюрика, Аскольда с Диром и Олега, которые были добавлены позже по рассказам Яна Вышатича и аранжированы новгородскими летописями. Именно Игорь подразумевается родоначальником первой династии русских князей в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, самом древнем дошедшем до нас из Киевской Руси документе XI века. Имя Игоря — первое имя архонтов Руси, появляющееся в византийских хрониках. До него греки никаких русских властителей не знали. Им не ведомы ни Рюрик, ни Кий с братьями и сестрами. Но это еще ладно. Византийские авторы не знают Аскольда с Диром и Вещего Олега — предводителей дружин, разорявших Константинополь и его окрестности!

В принципе, остерегаясь порезов о лезвие Оккама и ища фактам самые естественные объяснения, можно было бы удовлетвориться постулатом, что события вне византийских хроник не были известны автору «Повести» да и не представляли особенного для него интереса. Однако постулат этот, хотя в нем, скорее всего, есть большая доля истины, все же чем-то не удовлетворяет нас с тобой, мой притязательный читатель. Может быть я хочу от «Повести» больше

того, что в ней есть, но упоминание все Норики и волохов, без чего вполне можно было бы обойтись, позволяет предполагать какие-то дополнительные источники, питавшие творчество автора «Повести», и заставляет искать другие не столь упрощенные ответы.

Таким неупрощенным ответом может оказаться записанная в XIII веке чешская легенда о трех праотцах: Чехе, Лехе и Русе. Изложение легенды привожу по С. Лесному¹: *«Мы находим следующее в книге Прокон Слободы (Sloboda Prokop, franceskan. Preporodjeni ceh, aliti svetosti svetosti sv. Prokopa vu domovini Ceha, Krapine... V Zagrebu pri Fr. X. Zeran. Seki 1767): “Хорошо знаю, что известно многим, но не всем, как некогда из этой крапинской местности, по исчислению Петра Кодицилюса и многих других, в 278 году, ушел очень знатный вельможа Чех с братьями своими Лехом и Руссом, а равно со всеми своими приятелями и родом, из-за того, что они не могли уже переносить те великие нападки и притеснения, которые делали им римляне, а особенно начальник римских войск Аврелий, который охранял Иллирию вооруженной рукой и настолько притеснял его род, что Чех со своими поднял против него восстание и вывел его из числа живых. И вследствие этого, боясь могучей руки римлян, покинул Крапину, свое отечество. Целых 14 лет служил он с Салманином, с сыном Цирципана, в то время правителя и будущего вождя богемского народа...”»*.

События легенды, записанной П. Слободой и изложенной С. Лесным, разворачиваются в Крапине, то есть на севере древней Иллирии, совсем рядом с историческим Нориком. Действующие лица:

а) некто Чех со своими братьями, приятелями и родом (чем не рюрик с синеусом и трувором?), которые все вместе вполне могли олицетворить в «Повести» иллирийских славян-нориков;

б) их притеснители римляне, выведенные в «Повести» волохами.

¹ Лесной С. Откуда ты, Русь: Крах норманнской теории. М.: Алгоритм, 2007.

Чех бежит от притеснений в Богемию, то есть будущую Чехию, отцом-основателем которой и становится. Богемия еще не Висла, но общее направление миграции то же, что и в «Повести». Более того, можно дофантазировать, что братец Лех, пройдя подальше, добрался до этой самой Вислы, где, в свою очередь, стал родоначальником поляков. Так что текст «Повести» в этом следует легенде, которая явно претендует на историчность благодаря вполне конкретной дате описываемых событий.

Тогда, мой въедливый читатель, ты вправе задать естественный вопрос: насколько можно доверять этой дате и легенде в целом? Послушаем ответ самого С. Лесного: *«Мы находим (см. The Historian's History of the World, т. 6-й, 1908, стр. 431): "...в 279 году большое число бастарнов германского племени (безусловная ошибка,... есть все основания считать бастарнов славянским племенем. —С.Л.) было переселено в Мезию и Фракию с целью романизации этих провинций. Однако постепенно недовольство солдат работой, к которой они были приставлены, т. е. к земледелию, осушению болот, закладке виноградников,... возросло до угрозы его личной (имп. Аврелия Пробуса. —С.Л.) безопасности. Ранним летом 282 года восставшие войска в Рэтии и Норике заставили М. Aurelius'a Carus'a, далматинского генерала, уроженца Нароны, который был в хороших отношениях с Пробусом, выступить как соперника императора. В октябре того же года Пробус был убит своими собственными солдатами во время неожиданно вспыхнувшей революции среди людей, занятых рытьем канала у Сирмиума"»*.

Достоверность последней цитаты и ее «историческую весомость» я, мой дотошный читатель, не проверял, оставляю ее на совести С. Лесного. Единственное, что напрашивается на комментарий, — это этническое лицо бастарнов. Никто кроме Лесного бастарнов славянами не считал и не считает, для всего ученого мира они так и остались германским племенем. Некоторые ученые мужи допускают у бастарнов сильный кельтский компонент. Дальше других идет, следуя за Лесным, М. Щукин, для которого бастарны — осо-

бый индоевропейский народ «между кельтами и германцами». По Щукину, бастарны создали зарубинецкую археологическую культуру рубежа эр в Среднем Поднепровье, а затем приняли участие в этногенезе славян¹.

Между тем, С. Лесной не зря приводит обе цитаты рядом, корреляция между ними очевидна. Трудно посчитать случайными хорошее совмещение во времени и почти полное совпадение по месту, причем во второй цитате появляется непосредственно Норик. Наконец, в обеих цитатах фигурирует одно то же имя Аврелий, причем во второй на выбор даже два Марка Аврелия: действительно «выведенный из числа живых» своими взбунтовавшимся войском, но не генерал, а сам император Проб; и действительно «начальник римских войск» Кар, который однако не только благополучно остался в числе живых, но даже занял место убитого Проба. Чтобы хоть как-то разобраться с этими марками аврелиями, обратимся к нашей «палочке-выручалочке», к энциклопедиям:

«Проб Марк Аврелий (Marcus Aurelius Probus) (232–282) — римский император с 276. Родом из Иллирии... Упрочил власть Рима в Галлии и по всей рейнской границе, оттеснив в 277 вторгнувшихся в Галлию франков, алеманнов и др. племена. Его меры по укреплению дисциплины в армии вызвали восстание солдат, во время которого П. был убит».

«Кар Марк Аврелий (Marcus Aurelius Carus) (ок. 222–283) — римский император с 282. Родом из Нарбонской Галлии (Евтропий: 9; 18)... Император Проб назначил его префектом претория. После гибели Проба избран императором ... Убит молнией в Месопотамии».

Есть неясности с местами рождения обоих Марков Аврелиев. У Брокгауза Проб родился не в Иллирии, а в Паннонии. Зато у Лесного уроженцем как раз Иллирии, конкретно Нароны в южной Далмации, оказывается Кар, что противоречит Евтропию, который считает Кара выходцем из Нар-

¹ Щукин М.Б. Забытые бастарны. Проблема поздних бастарнов. СПб., «Stratum Plus», №5, 1999. Щукин М.Б. Рождение славян. СПб., «Stratum», Структуры и катастрофы, 1997.

бонской Галлии, то есть с юга Франции. Но для нас несущественно, кого из них имел в виду Прокоп Слобода. Бог с ними со всеми. По-настоящему неприятны два других расхождения.

Во-первых, у Слободы нехорошего римского генерала убивает местное крапинское население, ведомое вельможами Чехом, Лехом и Русом, а у римских историков восстание поднимают солдаты регулярной римской армии, которые в III веке были поголовно наемными и служили, где прикажут, но никак не на своей родине.

Во-вторых, как же нам быть с бастарнами? Теперь в предки славян напрашиваются не только иллирийцы-норикки, но и германцы-бастарны. Не пущать? Или же считать нориков не иллирийцами, а бастарнов не германцами?

— Бэрримор, могут бастарны оказаться славянами?

— Простите, сэръ?

— Ах, черт, тебе же нужно по-английски. Окей. Can the Bastarnae have been the Slavs?

— Сэр, я всегда был против рабства, даже если в рабов превращают ублюдков.

И Бэрримор удаляется в любимую буфетную с высоко поднятой головой¹.

Проблема бастарнов остается нерешенной, и как следствие «повисает» объяснение событий, описанных в «Повести», через чешскую легенду. Тем не менее, трудно отделаться от впечатления, что подобное предание могло быть известно автору «Повести» и использовано им в меру понимания как самого текста, так и необходимости его привлечения к повествованию. Симптоматично отсутствие в «Повести» праотцев Чеха, Леха и Руса, так как последний из троицы слишком явно противоречил постулированной «Повестью» варяжской этимологии руси.

¹ Конечно, мой глуховатый дворецкий опять все перепутал. По-английски мало кому известное слово Bastarnae [бастарни] — «бастарны» звучит похоже на bastards [бастардз] — «ублюдки», а Slavs [славз] — «славяне» созвучно со slaves [слейвз] — «рабы».

И еще одно небольшое попутное измышление. Ты, мой внимательный читатель, не мог не заметить, что только что рассмотренная увлекательная версия формально противоречит тексту «Повести». В перечислении народов на закладке *«Потомство Иафета»* подряд друг за другом идут и римляне и волохи, то есть, вроде бы, котлеты-римляне отдельно, а мухи-волохи тоже сами по себе, и соответственно права отождествлять римлян легенды Слободы с волохами «Повести» у нас нет. На самом деле это препятствие трудно воспринимать всерьез.

«Повесть» — творение коллективное. Своеобразный творческий коллектив, в котором ни один соавтор не был знаком с другими, включал несколько византийских и болгарских писателей, Нестора и Сильвестра, а также тьму переписчиков, четыреста лет копировавших друг у друга страницы «Повести». При этом каждый из них допускал ошибки и описки, а многие норовили улучшить текст, сделать его либо более понятным современникам, либо более лояльным к тогдашним властителям. Так в тексте появлялись вставки и комментарии, которые, однако, никак не выделялись и не помечались. Вот пара типичных примеров из самого начала «Повести», уже встречавшихся нам ранее в «Размышлениях».

Пример 1. В легенде о призвании варягов оригинального текста «Повести» эти самые варяги, включая варягов русь, появляются и действуют как нечто само собой разумеющееся. Но уже с XI века Русь не знает варягов, и для ничего о них не ведающего читателя XIV века «заботливый» переписчик вводит комментарий — дедуктивное определение варягов-руси на базе индуктивного определения (в форме перечня) варягов вообще: *«Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти»*. Не знаю, polegало ли читателю XIV века, а вот некоторые читатели XX века, доморощенные шерлоки холмсы, ухватившись за эту в общем-то бессмысленную вставку, начинают «высчитывать», кто же такие варяги русь и где их географическое место сре-

ди прочих варягов. И ответы получают самые разнообразные. Смешно, кабы не грустно.

Пример 2. Древний оригинал «Повести» зачем-то дает большой и подробный перечень стран и народов, островов и полуостровов, рек и морей, якобы полученных в наследство Иафетом (при чтении «Размышлений» мы его пропустили). Вот какова «Иафетова часть» мира в «Повести»: *«Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Босфор, Меоты, Деревия, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, которая называется также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лихития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Китира, Закинф, Кефаллиния, Итака, Керкира, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днепр, Кавкасинские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в часть Симову».*

Завершает длинный список уже знакомый нам первый перечень народов Иафетовой части: *«В Иафетовой же части сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы».*

Читателю, да и самому переписчику в Печерском монастыре XV века значительная часть географических названий в приведенном отрывке уже ничего не говорит. Нет в Речи Посполитой никакой меры, веси, ями и прочая. Зато есть поляки, под властью которых находится Киев и которые (о ужас!) никак не отражены в оригинале текста. И ужаснувшийся переписчик добавляет от себя перечень современных ему народов. Поскольку таковых он лично знает мало, перечень получается недлинным, зато политически грамотным, возглавляемым уже не традиционной чудью, а ляхами: *«Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского».* Геогра-

фически более подкованным оказывается другой доброхот-переписчик, который расширяет коротковатый список: *«Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англй, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие»*. Этой второй добавке мы уже уделили внимание на закладке *«Потомство Иафета»*. К этому еще можно добавить, что наш «редактор», конечно, знать не знает античных римлян. Для него римляне — это ромеи, то есть византийские греки, а волохи — это влахи, то есть современные ему румыны. Поэтому мы с тобой, мой уважающий себя читатель, не будем уподобляться доморощенным шерлокам холмсам и делать далеко идущие выводы о невозможности идентификации римлян и волохов на основании этой вставки.

Между тем именно с древними румынами-влахами связано другое возможное измышление загадочного этногенеза славян в «Повести».

Среди многочисленных наследников латыни особняком стоит румынский язык. Несмотря на сильное славянское влияние в лексике, в целом он сохранил гораздо больше оригинальных черт народной латыни, чем другие романские языки, включая итальянский. Самое главное, в нем совершенно не ощущается влияния германских языков. Это парадоксально, учитывая, что самые разнообразные германцы — бастарны, скиры, лугии, вандалы, готы, гепиды и герулы — отирались на территории современной Румынии и Молдавии минимум 600 лет, с I века до н.э. по VI век н.э., пока не были вытурены оттуда лангобардами, то есть опять же германцами!

Подобно тому, как русские историки поделились на норманистов и антинорманистов, в среде румынских и венгерских историков давно враждуют два лагеря: автохтонисты и иммиграционисты. Первый лагерь, условно румынский, поскольку на него опирается румынской официоз, безапелляционно утвердил, что румыны непрерывно жили на нынешней территории их обитания и исторически прямо восходят к романизированным гето-дакам. Соответственно шестиве-

ковое «германское иго» они попросту игнорируют. Второй лагерь, условно венгерский как отражающий государственную позицию Венгрии, заключил, что после бегства римской администрации из Дакии и Мезии в 271 году с ними страну покинули и все ее жители, после чего опустевшие земли колонизовали сначала германцы, а потом по очереди славяне и венгры. Бывшие же обитатели Дакии и Мезии выжили где-то в глухих горах, поэтому избежали онемечивания, сохранили разговорную латынь и вернулись на территорию Румынии и Молдавии только в X веке, когда германцев там уже не было, поэтому потеснили они только славян и венгров.

Я бы двумя руками поддержал позицию иммиграционистов, которая в целом выглядит, на мой взгляд, разумнее, но при одном условии. Вернуть бы прятавшихся глубоко в неведомых горах и говоривших на вульгарной латыни аборигенов домой на пару-тройку веков пораньше, и тогда все сойдется! Эти мигранты, романизированные даки, вернувшиеся на берега Дуная до венгерского вторжения и потеснившие уже похозяйски усевшихся там славян, были бы прекрасными волохами «Повести»! Увы, археология об этом молчит.

— Бэрримор, как ты относишься к румынским иммиграционистам?

— Иммигра?... Как к любым иммигрантам, сэр.

— То есть?

— Я стараюсь их не замечать. Понимаете, не то, чтобы я был шовинистом, но...

— Понимаю, и не надо оправданий.

Черт с ними, с иммиграционистами. В своем нежелании замечать иммигрантов Бэрримор не одинок. Румынские археологи упорно «не замечали» никаких «исторических иммигрантов» на территорию Румынии, в первую очередь германцев, так же, как советские археологи «не замечали» скандинавских «иммигрантов» в Старой Ладогe. С Чаушеску шутки были плохи, да и теперь официальная румынская историческая наука никак не может сойти с рельсов, проложенных автохтонистами. Но самое грустное, что их венгерские оппоненты-иммиграционисты тоже не заинтересованы

находить следы возвращения романизированных даков ранее X века! Позже — пожалуйста, ведь в этом случае влахи пришли на земли, уже заселенные венграми, и посему претензии Венгрии на Трансильванию исторически оправданы. А если влахи вернулись на историческую родину до X века, то Трансильвания исторически по праву принадлежит Румынии. В итоге никто не заинтересован копать глубже и искать в румынской и венгерской земле следы каких бы то ни было иммигрантов VI–IX веков, особенно славянских, которые в равной мере мешались бы обеим сторонам.

Измышление о «Великой Эстонии»

— Бэрримор, как далеко на восток, по-твоему, может простираться Эстония?

— Что простираться, сэр?

— Извини, я опять забыл, что тебе надо по-английски! Estonia...

— Хм!.. Может быть, до Урала?

— ???

— Простите, сэр...

— Бэрримор, ты читал «Повесть временных лет»?!

— Я читаю исключительно «Таймс». По вторникам.

— А с чего тогда ты взял, что Эстония тянется до Урала?

— Может быть, я все же плохо расслышал? — В голосе Бэрримора появляется беспокойство. — Вы ведь говорили о Восточных Камнях¹, не правда ли? Полагаю, самые восточные камни Европы — это Уральские горы?

— Но почему именно Европы?

— Сэр, — теперь в голосе Бэрримора звучит уже неподдельный ужас, — не будете же вы спрашивать меня об Азии?

Не буду, Бэрримор, не буду — только азиатской чуди нам еще не хватало! А вот на Урале какую-то чудь вроде бы и впрямь знавали...

¹ Недослышавший Бэрримор ведет речь об east stony [ист стоуни] — на английском нечто вроде «восточных камней», что звучит почти одинаково с Estonia [истоуниэ].

Еще в своем авторском расследовании «Русь и снова Русь»¹ я высказывал подозрение, что в наших представлениях о летописной чуди как предках эстонцев что-то не так. Эти подозрения небеспочвенны.

Первые сведения об эстиях I века н.э. мы находим у Тацита, который относит их к свебам, то есть древним германцам², но отмечает кельтские черты в языке и обычаях и помещает на крайнем востоке германского ареала у берегов Балтики. На карте Тацита земли эстиев показаны в районе современного Калининграда, но это самый верхний правый угол карты, поэтому установить северные и восточные границы расселения эстиев по Тациту невозможно. Не помогает и современник Тацита Плиний Старший, который ограничивается общим замечанием, что из земли эстиев начинается знаменитый Янтарный путь. Потенциально эстии действительно могли занимать сколь угодно большие пространства от Пруссии до Ледовитого Океана.

Итак, римские историки начала нашей эры согласно утверждали, что в их времена на территории Пруссии обитали древние германские племена. Ничуть не оправдывая шовинизм и экспансионизм в любом виде, допускаю как факт, что исторические претензии Германии на Пруссию основывались именно на карте Тацита. В дальнейшем эсты как обитатели балтийского побережья вблизи Финского залива достаточно регулярно встречаются и в наших летописях, и в скандинавских документах, но без каких-либо уточнений их этнической принадлежности. Наконец, в историческое время эсты вошли уже как финно-язычный народ, каковым и остаются современные эстонцы.

Считается, что германцы заселили южную Скандинавию задолго до Рождества Христова. В III—II веках до н.э. германские виндильские племена переселяются из Скандинавии на юго-восточное побережье Балтийского моря, вытесняя оттуда тамошних обитателей ругов, тоже германцев. Недаром

¹ В. Егоров. Русь и снова Русь. М., ИПИ РАН, 2002.

² После миграции на юг часть древних свебов осела на территории современной Баварии и Австрии, где ныне зовется швабами.

все побережье Балтики на карте Тацита сплошь германское. Плотному германскому заселению юго-восточной Прибалтики есть хотя и косвенное, но весьма убедительное подтверждение — мощная волна гото-гепидской эмиграции II—III веков н.э. из этого региона. Достоверно археологически прослежен и общепризнан «южный вектор» этой миграции — вельбаркская археологическая культура. Почти столь же общепризнана готской и черняховская археологическая культура III—V веков н.э. Слово «почти» я вынужден вставить, мой любящий точность читатель, потому что в России и особенно на Украине черняховцев упорно держат за славян и отдавать их каким-то там готам ни за что не желают¹.

В принципе можно предполагать, что кроме «южного» мог существовать и некий «восточный вектор» готской миграции в будущую Советскую Прибалтику. Но если российская археология и дала слабину с черняховцами на Украине, то в Прибалтике она почему-то стоит насмерть: никаких следов готов или любых других германцев там не может быть «по определению». Германцев в Прибалтике не было, потому что не могло быть никогда! Ни в III—IV веках, о которых ничего толком не известно; ни в XIII—XIV веках, когда Александр Невский топил тевтонских рыцарей в Чудском озере; ни в веке XX, когда советские войска освобождали Кенигсберг. Тогда еще Кенигсберг.

Поэтому ничего нет удивительного в том, что советская историография, взлелеянная на германофобии и насквозь германофобией пропитанная, древним эстиям в германстве, да еще таком «исконном», восходящем к рубежу эр, конечно же, отказала. «Советские эстии» несокрушимой волей Партии превратились в прабалтов и стали предками советских литовцев. Но как следствие лишились своих законных предков советские эстонцы, и им, чтобы не обижались, быстрень-

¹ Собственно, черняховская культура и была явлена миру украинскими археологами (точнее, любителем В. Хвойкой) в твердой убежденности, что любая культура, найденная всего в нескольких десятках километров от Киева, не может быть никакой кроме как славянской. В противном случае, наверное, ее тут же снова зарыли бы и забыли.

ко подсунули в качестве предшественников суррогат — ту самую летописную чудь. В новом качестве мнимых предков эстонцев чудь тоже получила статус финно-язычного этноса. На основании чего? А ничего, безо всяких оснований. Мне не известен ни один документ, который хоть как-то определял бы этническое лицо летописной чуды. Поэтому давай, мой пытливый читатель, попробуем определить его сами, используя в частности текст «Повести». Конечно, это будет всего лишь измышление, но ведь именно этим мы и занимаемся.

По совокупности всего, что мы знаем о летописном Новгороде, в его населении можно было бы ожидать как минимум славянский, финский и балтский этнические компоненты. Но «Повесть» вместо ожидаемой тройки этносов нам дает четверку: чудь, словен, кривичей и весь («Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет“...»). Общепринятое соответствие этносов выглядит следующим образом:

Ожидаемый этнос		Этнос «Повести»
славяне	—	словене
балты	—	кривичи
финны	—	весь и чудь

Совершенно очевидно, что если считать чудь финно-язычным этносом, то для финнов налицо явная избыточность: им в соответствие ставятся сразу весь и чудь. Картина приобретает большую логику и стройность, если от трех этносов перейти к четырем:

Реальный этнос		Этнос «Повести»
славяне	—	словене
балты	—	кривичи
финны	—	весь
???	—	чудь

Остается только заменить «???» на «германцы», и... Ох, что будет! Не знаю, как у тебя, мой толстокожий читатель, а у меня так прямо мороз по коже.

Однако есть ли у нас какие-нибудь основания для такой замены? Есть, мой сомневающийся читатель, и немалые, даже если забыть про Тацита и вычеркнуть из истории готов на территории нынешней Украины.

Во-первых, что означает в русском языке слово *чудь*? Ничего. А в эстонском? Вновь разочарование, и в эстонском оно тоже почему-то смысла не имеет. Зато в древнегерманском есть слово *þeud* [тевт]¹, которое имеет вполне подходящее значение — «народ». Настолько подходящее, что к прилагательному *þeudsc* [тевтск], производному от этого корня, восходят современные этнонимы немцев *Deutsch* и голландцев *dutsk*. Разве не естественно, мой непредубежденный читатель, предположить, что этноним *чудь* происходит из готского (восточногерманского) варианта того же слова *þiuda* [тьюда]? Настолько естественно, что лингвисты это сделали давно, но советские историки это предположение аккуратно проигнорировали, ибо, конечно же, в СССР этноним предков эстонцев априорно не имел права на германское происхождение².

Во-вторых, как это германское слово могло попасть в русский язык, причем попасть настолько давно, что его уже знает автор «Повести»? В принципе тут возможны два объяснения, одно не легче другого. Либо восточные славяне переняли этот этноним у самой чуди, то есть *чудь* так называла себя сама и, следовательно, была германоязычной. Либо какой-то германоязычный народ послужил в этом деле «посредником», но в этом случае он должен был жить между аборигенной *чудью* и пришлыми славянами, то есть, как ни верти, в той же Прибалтике. В общем, без германцев в Прибалтике во времена появления там восточных славян обойтись не удастся никак! Остается только выбирать: ограни-

¹ Здесь буквой *þ* передается межзубный звук (в общепринятой транскрипции [θ]), близкий к русскому [т], который при заимствовании в русский язык подвергается так называемой палатализации перед мягкой гласной *ю* и превращается в [ч]. Полугласный *у* (белорусское *ў*) в русской транскрипции передано наиболее близким по качеству и звучанию согласным [в].

² Курьезно, что Александр Невский утопил крестоносцев **Тевтон**ского ордена именно в **Чудском** озере!

читься общеизвестными готами или причислить туда же и чудь. Это уже дело твоего вкуса, мой эстетствующий читатель. Лично я склоняюсь к тому, что чудь было самоназванием аналогично самоназваниям остальной тройки новгородских этносов: словенам, веси и кривичам. Соответственно чудь была германоязычной.

В-третьих, в финском языке есть прямые заимствования из древнегерманского. Подчеркиваю, мой невнимательный читатель, не из скандинавских, выделившихся из общего древнегерманского языка в V–VI веках н.э., а непосредственно из древнегерманского. Пара характерных примеров:

Финский	Др. германский	Др. шведский	Русский
kuningas	*kuningaz	konungR	король
rengas	*hrengaz	ringR	кольцо

Где и когда финны могли заимствовать не скандинавские, а именно древнегерманские формы этих слов? Эти заимствования не объяснишь ни колонизацией Финляндии Швецией, ни даже проделками викингов. Древнегерманское окончание мужского рода -az [аз]¹ к эпохе викингов, то есть к VIII веку в Скандинавии уже редуцировалось в звук, традиционно передаваемый лингвистами как -R². Единственное разумное объяснение, что еще задолго до эпохи викингов какие-то германцы жили рядом с финнами. Это могли быть готы, но есть одно «но». Хотя в лингвистической литературе встречается «готское» слово *kūniggs [кунингс], на самом деле у готов такой термин для короля неизвестен. Готы своих властителей наделяли титулом *𐍂iudans*, в основе которого уже знакомое нам *𐍂iuda*. Поэтому финны должны были обой-

¹ В финском языке нет звука [з], поэтому окончание -az [аз] оглушается в -as [ас]. Далее, нормы финского языка не допускают двух согласных в начале слова, и поэтому сочетание *hr* [xp] в *hrengaz теряет «придыхание» и упрощается до *г* [p].

² Вероятно, скандинавский *R* был похож на редуцированный звук (в общепринятой транскрипции [ə]), например, в окончании -re, -er английского языка (*англ. centre, амер. center* — «центр»).

тись без готского участия, заимствуя слово *kuningas*. У кого? Самый естественный ответ: у чуди. Хотя и готский источник пикантен не многим меньше.

В-четвертых, в наших летописях со временем чудь исчезает и сменяется ижорой. У ижоры больше оснований считаться фино-язычным народом, хотя происхождение самого этнонима тоже неясно. Вероятно смена названия отражала финнизацию населения севера будущей Руси, предшествующую славянизации. Но немцы еще долго землю ижоры называли Ингрией или Ингерманландией. Отсюда вопрос: не германское ли происхождение и у этнонима ижора и не здесь ли истоки «и(н)говской» Эстонии?

В-пятых, внимательно взгляни, мой грамматически подкованный читатель, на сравнительную таблицу склонений имен существительных женского рода в готском и современных литовском и украинском языках. В приводимом примере склоняются слова, имеющее одно и то же значение «язык» и один и тот же женский род во всех сравниваемых языках: готское *razda*, литовское *kalba* и украинское *мова*. Для наглядности падежные окончания выделены полужирным шрифтом.

Число	Падеж	Готский	Литовский	Украинский
Ед.	И.	<i>razda</i>	<i>kalba</i>	мова
	Р.	<i>razdos</i>	<i>kalbos</i>	мовы
	Д.	<i>razdai</i>	<i>kalbai</i>	мове
	В.	<i>razda</i>	<i>kalbą</i>	мову
Мн.	И.	<i>razdos</i>	<i>kalbos</i>	мовы
	Р.	<i>razdō</i>	<i>kalbų</i>	мов
	Д.	<i>razdam</i>	<i>kalboms</i>	мовам
	В.	<i>razdos</i>	<i>kalbas</i>	мовы

(Примечания по произношению: в приведенной таблице литовские *ą* и *ų* — соответственно долгие [a] и [y]; готское *ō* — долгое [o].)

С учетом примечаний ты, мой бескомпромиссный читатель, не можешь не согласиться, что литовское склонение, пожалуй, поближе к готскому, чем славянскому. Если мно-

гочисленные германизмы в литовском языке объяснимы германизацией Прибалтики крестonosцами, это может касаться только лексики. Параллели в грамматике, в частности в склонении, уходят корнями в гораздо более отдаленное прошлое тесных контактов древнебалтских и древнегерманских племен. Строго говоря, у нас нет «железных» оснований считать местом этих контактов именно Прибалтику, но оснований искать какие-то другие места — еще меньше.

В-шестых, продолжая литовскую тему, нельзя не отметить, что лингвисты выводят племенное имя готов из древнегерманского **geutan*, что означает «лить». Но и у литовцев очевидна связь их этнонима *lietuva* с глаголом *lieti* — «лить». Так что само слово *литва* выглядит как «калька» этнонима готов, а литовцы соответственно предстают как балтизированные готы (германцы).

А теперь в-седьмых и главных. Снова обратимся к самой «Повести» и вспомним еще раз уже дважды читанное нами первое перечисление народов Иафетовой части мира на закладке *«Потомство Иафета»*: *«В Иафетовой же части сидят русь, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, морд-ва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимиго-ла, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского»*. Помимо всего прочего, уже «перемолотого» нами, в этом пассаже удивляют разделение перечня на два разных предложения и вездесущая чудь в обоих. Конечно, в оригинале повести точек не было, но деление пассажа на две части ясно выражено по смыслу, и появление в переводе между ними точки выглядит вполне логично. Так вот, наличие в обоих предложениях чуди само по себе уже дает право подозревать разное время написания этих предложений, а стоящие на первом месте ляхи определяют, как мы уже поняли ранее, время вставки второго из них.

В «Размышлениях», и в «Измышлении о славянской прародине» я уже обращал твое внимание, мой ничего не забывающий читатель, что родина «Повести» Киевщина с XIV века пребывала под властью Польши. В это время в тексте появляется множество вставок, призванных обосновать

«генетическую» близость висленских и днепровских славян, то есть поляков и «полян». В частности, некий лояльный польским властям монах XV века при переписывании текста «Повести» внес в текст еще одно предложение с панами ляхами на почетном первом месте.

Спасибо тебе, безымянный «соавтор» XV века! Того не ведая, ты сделал великое и благое дело. Не для поляков или украинцев — для истории. Спасибо тебе за ляхов и прусов, спасибо за море Варяжское, а отдельное спасибо за вторую чудь, ибо твоя **чудь на Варяжском море рядом с поляками и пруссами — это крестоносцы, тевтонский орден!** Если до этого у нас с тобой, мой осторожный читатель, и были какие-то сомнения, то самому тексту в этом мы не поверить не можем: **чудь «Повести» — это тевтоны, то есть немцы.** Что и требовалось доказать. Пардон, не требовалось (веками не требовалось ни советской, ни российской исторической науке и, может быть, еще веками не востребуется), но все же следовало. Во имя истины и справедливости.

Теперь в целом картина, вроде бы, вырисовывается следующая. Германские племена населяют юго-восточную Прибалтику и внутриконтинентальные пространства, продвигнувшись в начале новой эры на восток до не ведомых нам пределов. Не знаю, насколько серьезно можно относиться к «уральской чуди» В. Соболева, а самые восточные из более-менее достоверно известных их представителей — это эстии и чудь.

Северные эстии между Финским и Рижским заливами ассимилируются финнами и постепенно превращаются в исторических эстов, а затем современных эстонцев. Параллельно южные эстии подвергаются балтизации вытесняемыми на север балтскими племенами, и этот процесс завершается появлением литовцев и латышей. Общий «эстийский» субстрат всех трех прибалтийских народов до сих пор проявляется во множестве общих черт культуры и быта несмотря на различие языков. Некая внутренняя общность ощущается самими прибалтийскими народами и хорошо видна стороннему наблюдателю.

Восточнее эстиев дольше сохраняет свое германское лицо чудь, но и она финнизируется и к XIII веку становится ижорой, одновременно подвергаясь перманентной славянизации, в результате чего вскоре и чудь и ижора уходят в небытие. Но в XIII веке какие-то очаги, «родимые пятна германизма», еще остаются в Прибалтике и используются крестоносцами как плацдармы для «Северного крестового похода». Увы, этот поход, принесший местным народам как христианство, так и неисчислимые бедствия, как бы перекрасил весь регион в новый цвет и замазал эти «родимые пятна». Теперь вычленять древнейший германский компонент в Прибалтике и северо-западной России стало объективно сложнее, но задача эта не безнадежна. Была бы только так называемая политическая воля.

Измышление о Руси Первой

— Бэрримор, кто живет в Англии?

— Британцы, сэр.

— Ну да, ты уже как-то это говорил.

— И готов это повторить.

— Хорошо, Бэрримор, повторяй каждое утро. Или хотя бы по вторникам... А на каком языке говорят британцы?

— На английском, сэр.

— Отлично, Бэрримор! В Англии живут британцы, которые говорят на английском. Логично. А на каком языке говорили короли Англии?

— На английском... — Бэрримор начинает волноваться, тут уж не до «сэров».

— И король Эдуард?

— Н-ну... вероятно, король Эдуард говорил на староанглийском.

— И Вильгельм Завоеватель тоже говорил на староанглийском?

— Разумеется!

— И король Артур?

— И славный король Артур.

И чего я пристал к своему дворецкому? Действительно, на каком языке могли говорить Вильгельм Завоеватель и Артур? У Марка Твена¹, например, и Артур, и весь его двор, и многочисленные нахлебники Круглого стола — все говорят на добром староанглийском языке, не создавая тем самым никаких проблем в общении янки, свалившемуся на их голову из конца XIX века. В современных голливудских фильмах легендарный король и вовсе говорит на чистейшем американском диалекте современного английского языка, вежливо размахивая при этом Эскалибуром².

Бэрримору мы с тобой, мой великодушный читатель, простим его патристическое невежество. Но что делать с Марком Твеном и Голливудом? Ведь король Артур, если он существовал, должен был говорить на британском языке (диалекте кельтского языка). Хотя староанглийский он мог знать, чтобы как-то управляться с новыми строптивыми подданными из Ютландии, обосновавшимися в Кенте. Зато Вильгельм Завоеватель английского вообще не знал, так как говорить на нем считал ниже своего достоинства. «Мужицкий» английский язык нормандская знать презирала еще несколько поколений после Вильгельма. Тем не менее, в представлении английского или американского обывателя — и тому примером не только наш Бэрримор, но и Марк Твен — Артур и Вильгельм как английские короли должны были говорить на «родном» английском, в крайнем случае староанглийском, языке. А как же иначе?

Разговор с Бэрримором, мой ничего не понимающий читатель, я затеял к тому, что и в представлении русского обывателя на Руси всегда говорили по-русски, в крайнем случае понимая под словами «по-русски» древнерусский язык как ветвь славянских языков. И никакие Багрянородные (как и прочие инородные) с их германскими «русскими» названиями днепровских порогов нам не указ. Для современного

¹ М. Твен. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура.

² Например, в сериале «Вавилон-5». **Эскалибур** — легендарный меч короля Артура. По преданию, Артур воскреснет в трудный для Британии час и спасет ее своим волшебным мечом.

российского обывателя слова *русский*, *славянин* и *православный* — синонимы ничуть не меньше, чем для автора «Повести». Поэтому прежде чем перейти к краткому изложению моей гипотезы о готской Руси Первой и соответственно готском происхождении этнонима *русь*, я на всякий случай сошлюсь на мнение двух авторитетных ученых прошлого века, что *Русь* — скорее топоним, чем этноним, и что он прижился на среднем Днепре задолго до появления там не только викингов скандинавов, но и славян. Слово археологу М. Артамонову: «*Поляне получили имя “русь” потому, что поселились в русской земле, которая принадлежала руси до появления славян, и эта русь не была славянским народом*» и историку В. Мавродину: «*Несомненно одно — корень “рос” в топонимике Среднего Принепровья очень древнего происхождения и уводит нас ко временам, задолго предшествовавшим летописи и Киевской Руси*».

Но мало ли кто чего скажет! Предвидя твой скепсис, мой не признающий авторитетов читатель, я обращаюсь к объективным свидетельствам, к последним достижениям археологии. Сегодня мы уже можем уверенно говорить о готской атрибуции черняховской археологической культуры, в ареал которой неплохо вписывается территория «Русской земли в узком смысле», как ее очертил А. Насонов. На западе принадлежность черняховской культуры готам давно общепринята. Теперь и многие ведущие российские археологи (Г. Лебедев, Б. Магомедов, М. Щукин и др.¹) признали готов создателями черняховской культуры. Ее удивительную однородность на больших пространствах среднего Поднепровья и Северного Причерноморья проще всего объяснить существованием единого готского государства (у М. Щукина «протогосударства»), которое называют «державой Германариха», а то и «империей Германариха», формально следуя описаниям владений легендарного готского властителя у Иордана, вероятно, бессовестно преувеличенным.

¹ Тот редкий случай, когда воз тянется в одном направлении вопреки известной басне Крылова.

Именно готы черняховской культуры, ареал которой в целом совпадает с «Русской землей в узком смысле» Насонова, **могли дать название Руси**. Этой древней готской Руси, Руси Первой, было посвящено мое авторское исследование «Русь и снова Русь», на которое я уже ссылался в «Измышлении о «Великой Эстонии» и к которому я отсылаю тебя, мой заинтересовавшийся читатель. В этом исследовании я предложил свою дилетантскую этимологизацию этнонима *русь* из готского *gauþ* [рот] — «(темно)красный». Но считаю необходимым напомнить, что предположение о готских истоках этнонима *русь* прозвучало не у меня в первом. Здесь мы немного остановимся на гораздо более старой, позапрошлого века, профессиональной этимологизации историка и филолога А. Куника¹ из древнегерманского слова *hrōþ* [ʰрот, ʰрут] — «славный, доблестный, победоносный». Эта этимологизация никогда всерьез не воспринималась в России не только потому, что Куник был откровенным норманистом, да и вообще немцем, но и в силу полного пренебрежения готами в нашей истории. До тех пор, пока черняховская культура считалась восточнославянской, пока чужь числится финнами, готам и вообще германцам в древней русской истории действительно делать нечего. Советские учебники истории прекрасно обходились без готов, облегчая тем самым гуннам завоевание причерноморских степей, где им противостояли только сарматы. В лучшем случае готы упоминались через запятую в перечне кочевых (!) племен Северного Причерноморья. Впрочем, в утешение готам, та же участь постигла и хазар.

Между тем германское *hrōþ* [ʰрот] (с долгим [o], близким русскому [y]) почти идеально созвучно руси в традиционной византийской (среднегреческой) передаче *Ῥως* [(x)рос], тоже с «глухим» [p] и долгим [o]. На мой взгляд, этой традиционной византийской передаче не противоречит и несколько иная исходная германская форма *hrōþ* [xрёт] с умлаутом

¹ Эрнст Куник был немцем, но с 25 лет жил в России и здесь получил академическое звание уже как Арист Аристович. Отсюда и инициал в тексте.

корневой гласной. Для пояснения этого предположения нам с тобой, мой еще не знакомый с древнегерманским эпосом читатель, придется обратиться к «Беовульф», но предварительно заглянув в БСЭ: **«Беовульф»** (*Beowulf*) — памятник древнего англо-саксонского эпоса. В 1-й части рассказывается, как витязь короля геатов (скандинавского племени на Ю. Швеции)... Поэма сохранилась в единственной рукописи начала 10 в. на древнеанглийском яз. В основе её — народные героические сказания 6 в. ...»

Здесь стоит попутно отметить, что герой сказания Беовульф — гот, потому как скандинавское племя на юге Швеции *геаты* — это готы или, точнее, их скандинавские предки.

В «Беовульфе» мы встречаем несколько имен, включающих в себя два похожих компонента: *hrōþ* [хрот] и *hreþ* [хрет]¹. Чередование гласных *o/e* в староанглийском «Беовульфа» можно объяснить умлаутом в исходном древнегерманском корне. Этот умлаут проявился также в уже встречавшемся нам раньше имени датского конунга, «прототипа» Рюрика: *Hrōric* [хрёрик] — скандинавском эквиваленте англосаксонского *Hreþric* [хретрик] из «Беовульфа» и предположительного древнегерманского **hrōþrik* [хрётрик].

Корень *hrōþ* может оказаться очень важным и стать связующим звеном общей концепции образования Руси Первой и Руси Киевской. К этому корню тянутся ниточки от Рейдготаланда и грейтунгов-полян.

Рейдготаланд скандинавских саг — далекая легендарная земля (х)рейдготов. Традиционно компонент *(х)рейд* трактуется как скандинавское *hreifr* [хрейт] — «гнездо». Такая этимология опирается на предположение, что Рейдготаланд был прародиной готов. Точное местоположение Рейдготаланда саги не определяют, но по косвенным данным можно предполагать, что находился он в Северном Причерноморье, поскольку основное занятие (х)рейдготов саг заключается в тяжелой непрерывной борьбе с гуннами. Однако причерномор-

¹ Конкретные имена: **Hrōþgar** [хротгар], **Hrōþulf** [хротульф] и **Hrōþmund** [хротмунд], но **Hreþel** [хретель] и **Hreþric** [хретрик].

ский Рейдготаланд вряд ли мог быть прародиной, «гнездом» готов. Если само слово *Рейд-гота-ланд* еще имеет какой-то смысл как «гнездо-готская-земля», то *хрейд-готы* в смысле «гнездо-готы» — полная бессмыслица. Кроме того, на прародину готов с большими основаниями претендует другая мифическая земля скандинавских саг, находящаяся не на юге, а где-то на востоке: Ётунхейм — «жилище готов, очаг готов». Поэтому в отношении Рейдготаланда логичнее предположить, что скандинавское *hreið* явилось поздним «гнездовым» осмыслением первоначального *hröð* — этнонима восточных готов, хрейдготов или грейтунгов, основателей причерноморского Рейдготаланда или, как я его называю, Руси Первой. Соответственно, этноним грейтунгов следует выводить не из **greut* — «гравия, щебня», а из *hröð* — «славный».

Племенные объединения германских племен любили присваивать себе громкие эпитеты. Например, франки — «свободные, вольнолюбивые» или «честные», а одна из расхожих этимологий для готов — «хорошие, добрые» и даже «боги». В этом же ряду стоят этимологии для грейтунгов и тервингов, то есть полян и древлян «Повести».

Важно понимать, что этнонимы грейтунгов и тервингов нам известны не из собственно германских, а из римских источников и, конечно же, в латинском написании, соответственно *greutung* (или *grutung*) и *terving* (*therving*, *terwing*).

Сначала о грейтунгах. В латыни не было умлаутов и буквы *ö* в частности, поэтому римляне использовали для передачи *ö* дифтонг *eu*, либо заменяли его на *o* или *u*. Сложнее дело с чередованием *h/g* в начале слова. Формально в классической латыни было «придыхание» и буква *h* для него. Но к «эпохе переселения народов», когда Рим вплотную столкнулся с готами, буква *h* уже не произносилась. А главное, по нормам латинского языка, в отличие от древнегерманского и греческого, «придыхание» могло быть только перед гласной и никогда перед согласной. Поэтому нельзя исключать, что римские авторы могли изображать начальное «придыхание» в слове *hröð* буквой *g*, превращая хрейдготов-хрейдунгов в грейтунгов или грутунгов.

Еще одно попутное замечание. Историческая традиция отождествляет грейтунгов с остготами Иордана, которые называются также остроготами. Не вступая в полемику об идентичности грейтунгов и остготов, хочу лишь заметить, что остроготы означает «светлые, сияющие» готы — еще один громкий эпитет.

Этимология тервингов из древнегерманского *triw — «дерево» подразумевает метатезу, то есть перестановку звуков. Но даже метатеза не объясняет, откуда берется *e*. Между тем, в древнегерманском был корень *trew со значением «верный». Может быть, этот корень не был общегерманским, но он безусловно существовал во франконском диалекте, и к нему восходит современное немецкое *treu* и английское *true* с теми же значениями. Мне корень *trew для этимологизации тервингов представляется более приемлемым. Заметим, для древлян «Повести» при их этимологизации из *trew даже не нужна метатеза!

Итак, Рейдготаланд и был готской «державой Германика», ведшей тяжелую борьбу с гуннами и падший под их неудержимым напором.

Итак, грейтунги — германцы «славные» (другой эпитет — «сияющие»), а тервинги — германцы «верные» или «истинные, настоящие».

Итак, готы *hrōþ*, то есть русь, они же (х)рейдготы, они же грейтунги или остроготы, были основным населением Рейдготаланда, что дает нам право называть мифический Рейдготаланд реальной Русью Первой. Эти готы *hrōþ* захватили на рубеже II–III веков Боспорское царство, стали искусными мореплавателями и вошли в историю как дромиты, сохранив свой этноним *hrōþ*, который мы находим в греческой передаче как Ῥῳς. Истории превращения готов *hrōþ* в дромитскую русь (Ῥῳς) будет посвящено следующее измышление — о черноморских варягах.

Как кажется мне, такой подход в значительной степени примиряет противоположные концепции. В нем идеи черноморско-азовской руси ставятся на фундамент достижений современной археологии и получают готские (или готско-сар-

матские, готско-аланские) истоки. Поскольку готы обитали в Северном Причерноморье со II—III веков, то к тому давнему времени может быть отнесено возникновение этнонимов *грейтунги/поляне* и *тервинги/древляне*, а также названия *русь*, которое изначально было этнонимом восточных готов, грейтунгов (полян), обитавших в среднем Поднепровье, и готов, захвативших Боспорское царство и ставших предками дромитов.

Лично мне в качестве родителей этнонима русь готы [xрос] импонируют гораздо больше, чем роксоланы *рохс* Д. Иловайского и Г. Вернадского, по нескольким причинам.

Во-первых, государство роксоланов на территории будущей Киевской Руси — чисто умозрительное построение Вернадского. Зато какое-то государство готов на той же территории не только засвидетельствовано Иорданом, но и косвенно подтверждается археологически. Возможно, именно вследствие образования готского государства этноним грейтунгов русь превращается в топоним Русь на части территории черняховской культуры, соответствующей «Русской земле в узком смысле» Насонова. Аналогичный пример: племенное название балтского племени *литва* с образованием государства Великого княжества Литовского используется в качестве краткого названия этого государства, а затем превращается в топоним Литва — территорию, на которой ныне живут литовцы.

Во-вторых, общепринято, что в процессе долгого контакта готы сильно смешались с аланами (роксоланы к тому времени уже давно сошли с исторической сцены). Это, с одной стороны, объясняет германско-иранские этимологии «русских» названий днепровских порогов у Багрянородного¹ и смешанный характер имен послов первых русских князей, а с другой стороны, оставляет принципиальную возможность дальнейшей конвергенции моей Руси Первой с азовско-черноморской русью Иловайского и Вернадского, а также, быть может, и синдо-меотской Русью О. Трубачева.

¹ См. главу «Читая Константина Багрянородного».

В-третьих, древняя русь по единодушным свидетельствам византийцев, арабов и хазар — это **народ мореходов**. Русь совершает дальние торговые экспедиции на кораблях в Константинополь, в Волжскую Булгарию, Хазарию, нападает и может воевать только на кораблях или, реже, в пешем строю. В то же время русь совершенно **не способна воевать верхом**, что, в частности, подчеркивает Лев Диакон в описании болгарского похода Святослава и битвы у Доростола. Трудно, но еще как-то можно допустить, что степняки роксоланы стали искусными мореходами, но можно ли представить кочевников, всю жизнь проводящих в седле, совсем не умеющими биться в конном строю? Абсурд!

Итак, дромиты, они же черноморско-азовская русь, они же черноморские варяги, они же варяги русь — это возможные потомки готских пиратов III века и наследники боспорской торговли, обитавшие на черноморских берегах, оккупируя отдельные «базы», труднодоступные с суши. Основной их «базой», еще вероятно с готских времен, была Таматарха на Таманском полуострове, где в X–XI веке возникает Тмутараканское княжество.

У сицилийского араба аль-Идриси в географическом трактате XII века находим такое описание Тмутаракани: *«Матраха [Таматарха, Тмутаракань] — очень древний город. Имя его основателя неизвестно. Он окружен возделанными полями и виноградниками... Этот город — очень населенный и цветущий. Здесь есть эмпорий и ярмарка, куда приходят со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев. Шесть больших рек сливают свои воды в реку Русию. Истоки их идут из гор Кокая, которые простираются до Моря Мрака, до пределов обитаемой земли. Эти горы идут до области Гога и Магога. Они недоступны по причине холода и постоянного снега. Долины [этих рек] обитаемы народом, называемым Нивария, который владеет шестью крепостями, настолько хорошо укрепленными, что [жители Ниварии] во время своих отступлений знают, что они становятся недоступны [врагу]. Они не-*

обычайно воинственны и привыкли никогда не расставаться со своим оружием».

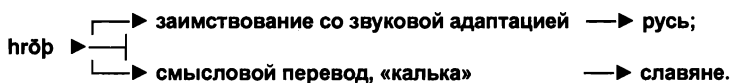
В отношении «народа Нивария» Б. Рыбаков делает интересное предположение: *«Народ “Нивария” (Сивария) — почти несомненно племя “Севера” русской летописи (от себя добавлю, что они же «северии» у Константина Багрянородного. — В.Е.), по имени которого и Донец получил имя Северского... Мы должны учесть особенности арабской графики, различающей звуки “н” и “с” (th) только по количеству диакритических точек»*. Действительно, звуки [н] и [θ] передаются соответственно арабскими буквами *ن* и *ث*. Так что небольшая путаница с одной единственной буквой действительно могла превратить летописных северян в «народ Нивария». Но тогда северяне были на самом деле [θ]еверьянами и могли превратиться в древнерусском языке не только в северян, но и в... *тиверцев* — загадочное причерноморское племя наших летописей, известное в качестве хороших переводчиков при общении с византийскими греками!

Вероятно, после гибели Боспорского царства черноморско-азовская русь могла бы перехватить у греков внутриконтинентальную торговлю, но перехватывать стало нечего. Гуннская метла вместе с Боспорским царством смела и государства Северного Кавказа, и «державу Германариха». Тем не менее, дромитская русь приспособилась к изменившимся условиям и стала экспортировать из Причерноморья сначала в Византию, а потом в Хазарию и Персию рабов — единственный «продукт» причерноморских степей, который она сама производила на месте.

В то же время, дромитская русь как ветвь готов-грейтунгов могла иметь особый интерес к Среднему Поднепровью, бывшей Руси Первой. Поэтому мне представляется вполне вероятным ее активное участие в создании Руси Второй, Киевской. Именно под таким углом зрения полезно было бы пересмотреть «Повесть» и другие русские летописи, но предварительно очистив их от позднейших наслоений, где под варягами однозначно понимаются скандинавы, а путь «из варяг

в греки» начинается в Балтийском море. Тогда и легенда о призвании варягов может обрести совсем иной смысл, и путешествие ап. Андрея будет выглядеть не как эпизод и чудачество блаженного, надумавшего попариться в баньке за тысячи километров от дома, а вполне логичной и типичной миссией крестителя к еще не обращенным ближним родственникам из бывшей Руси Первой, а, может быть, заодно и несколько более дальним, в географическом и генеалогическом смысле, — чуди.

В этом же контексте интересно было бы пересмотреть пассаж «Повести» о «славянах, прозавшихся русью». Если этноним «русь» действительно произошел, как считал Куник, от готского *hrōþ*, что на древнегерманском означало «славный», то и этноним *славяне* вполне может оказаться простой «калькой» этого готского *hrōþ* (или *hröþ*):

То есть изначально *славяне* — это готы *hrōþ*, основатели Руси Первой, по которым Среднее Поднепровье и получило свое имя в IV веке. Этот топоним сохранился, но со временем адаптировался к языку нового восточнославянского населения и превратился в *Русь*. Параллельно славянское население, обитавшее на окраинах Руси Первой и имевшее с ней непосредственные контакты, переняло у готов их этноним «славные» и вследствие перевода его на свой язык стало тоже называться славянами.

Тут невольно снова вспоминается сентенция «Повести», уже однажды читанная нами в «Размышлениях»: *«Поляне же... были из славянского [готского?] рода и только после назвались полянами [а до этого были грейтунгами?], и древляне произошли от тех же славян [готов?] и также не сразу назвались древляне [до того называясь тервингами?]....»*.

Новые археологические данные о сосуществовании и контактах в Среднем Поднепровье черняховской и киевской культур в IV–V веках дают возможность умозрительной реконструкции этого процесса.

Согласно Р. Терпиловскому¹, «киевская культура, оставленная сравнительно архаическим и этнически гомогенным обществом», соседствует с черняховской, представляющая собой «археологический эквивалент “державы Германариха” — разнородного в этническом отношении раннегосударственного образования». Аналогичных взглядов придерживается М. Щукин. «Архаичное этнически гомогенное общество» — это будущие восточные славяне, а «держава Германариха», хотя и разнородная в этническом отношении, — это все же «раннегосударственное образование» во главе с готами. Готская доминанта в черняховской культуре — это не только естественное предположение исходя из имени его правителя, но и археологическая объективность, проявляющаяся в преемственности от вельбаркской культуры.

Несложно представить себе взаимоотношения Руси Первой, то есть молодого готского государства III–IV веков, с соседним восточнославянским населением. Они были примерно такими же, как взаимоотношения зарождающегося славянского государства IX–X веков, то есть Руси Киевской, с окрестными племенами. Население киевской культуры платило готам дань и постепенно вовлекалось в экономические и культурные процессы в Руси Первой. В частности, Щукин приводит интересный пример² ремесленной «кооперации», когда славяне делали роговые заготовки для трехслойных гребней, которыми славились мастера черняховцы. Думаю, не будет большим преувеличением утверждать, что население киевской культуры, по крайней мере ее пограничных с готами областей, не только поддерживало экономические отношения, но и ощущало некую духовную связь с Русью Первой. Хотя, безусловно, основным определяющим компонентом взаимоотношений соседних народов оставалась дань

¹ Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культуры. Проблема контактов. *«Stratum Plus». Время великих миграций*, №4, 2000.

² Щукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое черняховская культура? *«Stratum Plus». Время «Че»*, №4, 1999.

и необходимость ее выплаты. Перенимание этнонима господ — явление в истории самое обычное, особенно, если эти господа еще и обладают более высокой культурой. Так что «архаичное этнически гомогенное общество», еще не перешедшее на стадию племенных объединений и не имевшее общего этнонима, под культурным воздействием соседнего «раннегосударственного образования» не просто могло, а должно было позаимствовать этот этноним у черняховцев. И статья *славянами*.

После поражения от гуннов Русь Первая, то есть государство грейтунгов, быстро рушится. Образующие государство структуры разваливаются, армия уходит на запад на соединение с тервингами. Восточнокрымские готы отрываются от своих континентальных сородичей и начинают свое превращение в дромитскую русь. Часть черняховцев отступает на север, к соседям-славянам, часть мигрирует в Поволжье, но значительная часть вместе с примкнувшими к ним славянами, которые уже успели крепко связать свою жизнь и судьбу с черняховцами, уходит вслед за армией на запад.

Оставшиеся на месте бывшие данники Руси Первой освобождаются от регулярной повинности, но зато начинают все чаще подвергаться опустошительным набегам одерживающих верх кочевников. В Среднем Поднепровье начинается долгий период безвластия и анархии. Он кончается в конце VIII века, когда Хазарский каганат берет под свое крыло почти все Северном Причерноморье. Тогда черноморские варяги, дромитская русь, как призрак далекого прошлого, вновь появляется на Дону, Днепре и Днестре, чтобы приступить к воссозданию Руси, теперь уже Руси Киевской.

Все, что было сказано в предыдущем абзаце, можно увидеть в несколько ином аспекте и рассказать и короче, например, так: «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом... И пошли за море к варягам, к руси». Может быть, именно это и сделал автор «Повести»?

Измышление о черноморских варягах

— Бэрримор, в библиотеке Баскервиль-холла есть что-нибудь о Синопе?

— Не знаю, сэр, я там редко бываю. В библиотеке пыль вытирает миссис Бэрримор. По вторникам. Но Евангелие там, безусловно, имеется¹.

— Ох, Бэрримор, у тебя все, что не от Луки, то — от лукавого.

— Какой еще лукавый, — возмущено бормочет Бэрримор вроде бы себе под нос, но, что свойственно глуховатым людям, слишком громко, чтобы его не услышали, — в Баскервиль-холле даже привидения не водятся.

Со здравым смыслом у моего дворецкого, как и всякого истинного англичанина, все в порядке. А что делать нам с тобой, мой не столь здравомыслящий читатель, если в «Размышлениях» мы раз за разом буквально тыкались носом в противоречащую здравому смыслу удивительную связь в «Повести» между варягами и Черным морем, конкретно Синопом? Вот только противоречащую ли? Если Варяжское море «Повести», тоже вопреки здравому смыслу, тянется аж до самого Константинополя, то и варяги в Синопе уже не должны казаться чем-то из ряда вон выходящим. Ведь они «сидят» почти на Варяжском море и действительно недалеко от «пределов Симовых»!

Итак, черноморские варяги...

Все мы знаем, что варяги — это обобщенное название скандинавов в наших летописях. И мы точно так же твердо знали, что соответственно путь «из варяг в реки» вел из Балтийского моря в Черное. В популярной телевизионной игре «Кто хочет стать миллионером?» такой ответ, на шаг приближавший играющего к заветному миллиону, стоил рублей пятьсот, то есть считался очень легким. Но теперь, когда мы

¹ Бэрримор по обыкновению все перепутал, на сей раз Синоп (Synop) с синоптическими Евангелиями (synoptic), то есть Евангелиями от Иоанна, Матфея, Марка и Луки.

с тобой, мой взглянувший на «Повесть» другими глазами читатель, знаем, что резиденцией варягов этого пути был вовсе не Стокгольм или Осло, а Синоп, мы просто обязаны поставить под сомнение и само понятие *варяг*. Откуда взялось само это странное слово? Посмотрим в БСЭ.

«**Варяги** (позднегреч. *βαραγγοί*, от древнесканд. *vaeringjar* — норманнские воины, служившие у византийских императоров). В русских источниках В. впервые упоминаются в записанной в «Повести временных лет» легенде о «призвании варягов», с которой летописец начинал историю Русской земли...»

Дальнейшие слова БСЭ об «антинаучности норманнской теории» мы опустим — не до глупостей. То, что было нужно, мы уже нашли: несмотря на антинаучность означенной теории слово *варяги* происходит от древнескандинавского *vaeringjar*, как звались норманнские воины византийских императоров. Но поскольку мы только напрасно потратим время, ища в шведском или датском словарях слово *vaering(jar)*, то нам придется заняться собственными изысканиями и снова предаться измышлениям.

Исходное значение слова всегда проще понять, зная его происхождение. Будем действовать самым естественным способом — по аналогии. Одно похожее по «внешнему виду» слово нам уже попадалось в «Размышлениях», это — **ше-ляг**, он же шиллинг. Другое близкое по форме слово встречается в «Русской Правде», одном из древнейших дошедших до нас из Киевской Руси документов XI века¹. Там тоже фигурируют варяги, причем всегда в паре с какими-то **колб-ягами**. Колбяги до сих пор остаются неразгаданной загадкой «Русской Правды», а заодно и русской истории, но известно, что русскому слову *колбяг* соответствовало скандинавское *kylfing* [кюльвинг].

Еще один интересный аналог достоин отдельного абзаца. Слово *князь* формально не имеет на конце сочетания **-яг**,

¹ Наряду с уже упоминавшимся «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона.

но это следствие чередования согласных в русском языке. Исходный древнерусский корень *къняг-* сохранился в слове **княгиня**. Этот корень восходит к германскому *kuning* — «король, конунг», которое в более древней форме **kuningaz* уже встречалось нам совсем недавно в «Измышлении о «Великой Эстонии».

Итак, мы уже в состоянии составить небольшую таблицу соответствий:

Русское		Германское	
шеляг	←	skilling	[скиллинг]
колбьяг	←	kylfing	[кюльвинг]
къняг	←	kuning	[кунинг]
варяг	←	???	[? ? ?]

В нашей таблице я выделил полужирным шрифтом одинаковые окончания русских слов и их германских эквивалентов. Эти выделения наглядно демонстрируют, что русскому окончанию **-яг** соответствует германское **-ing**. Это соответствие, неочевидное на первый взгляд, вполне естественно для лингвистов. Дело в том, что германское звуко сочетание [инг] (более точно [иŋ]) переходило в древнеславянский как [ѣг] с «носовым е», которое, в свою очередь, позже в древнерусском превратилось в [я], что в итоге и дало окончание [яг]. Но это все для любителей лингвистики. Для тебя же, мой приобщенный к истории, а отнюдь не языкознанию читатель, важно лишь то, что германский прототип русского слова *варяг* должен звучать по аналогии как-то похоже на [варинг]. С учетом наличия в древнегерманском языке «полугласного у», которое тоже переходит в русский звуком [в], и слабой различимости звонких и глухих согласных¹ это могут быть слова вроде: *varing*, *waring* или *faring*. Кроме того, надо учитывать возможность редукции (произнесения в без-

¹ Это «неразличение» до сих пор чувствуется в современном немецком языке. Русскому уху этноним немцев *Deutsch* слышится скорее как [тойч], чем [дойч], а грамотные «новые русские» никак не могут взять в толк, почему «Фольксваген» начинается на букву *V* (*Volkswagen*), а не *F*.

ударных слогах гласной *o* неразличимо с *a*) в первом слоге, и тогда в перечень кандидатов добавляется еще три слова: *voring*, *woring* или *foring*. Итого шесть вариантов. Из них минимум три могут иметь в германских языках некий смысл.

Основа слова *waring* — *war-*, что в современном английском языке, который тоже относится к германским, означает «война». Соответственно *waring* могло бы означать «воинство», и это не противоречит значению скандинавских *вэрингов* (*vaeringjar*) из БСЭ.

Основа слова *faring* — *far-*, что в современном немецком языке, который, как нетрудно догадаться, тоже относится к германским, имеет смысл «поездка, путешествие». Соответственно под понятие *фарингов* могли подпадать путешественники, купцы и тому подобное.

Наконец, существовало и слово *foring*. *Форингами* (дословно «ведущими, лидерами») звались предводители корабельных дружин викингов.

Поразительно, но из этих трех вариантов прямо нечего отсеивать. Все они более или менее подходят к варягам в нашем представлении о них. На первый взгляд, предпочтение следовало бы отдать первому варианту *waring* как наиболее совпадающему по смыслу со скандинавским *вэрингам*, их которого выводит слово «варяг» БСЭ. Но мы с тобой, мой наученный горьким опытом читатель, не будем спешить верить БСЭ на слово. Дело в том, что слово *vaeringjar* относительно позднее, оно известно с XII–XIII веков и вряд ли старше «Повести». Но ведь в ней-то варяги уже фигурируют как всем известная данность! Мне кажется, что «варяг» русского языка — это контаминация, то есть результат наложения друг на друга всех трех вариантов, из которых первичным было слово *форинг* — *foring* [воринг]. Думать так меня заставляет «Влесова книга», где вместо привычного нам *варяги* встречается интересная словоформа *ворензе*. В этой словоформе, которая выглядит древнейшей, поскольку «носовое *e*» еще не перешло в *я*, а *z* чередуется с *з* точно так же, как и в паре княг- — князь, мы видим в основе гласную *o*. Поэтому смею предположить, что изначально *ва-*

ряги (более точно **воряги**) — это **форинги**, то есть древние германцы, предводители корабельных дружин. С конца X века форинги зачастили на Киевскую Русь, приглашаемые, конечно, не новгородцами, а русскими князьями: Владимиром Крестителем, Ярославом Мудрым и т.д. Тогда-то и начинает активно функционировать Днепровско-волховский путь, на котором форинги попутно налаживают торговлю и приобретают опыт и славу путешественнико-купцов, то есть фарингов. А после того, как Владимир сбавил ставший ненужным избыток форингов-фарингов в Константинополь, они превратились там в телохранителей и дружину императора, то есть взрингов БСЭ.

Но кто же были те первые на Руси форинги? Неужели могли существовать и оказаться на Руси какие-то форинги, то есть древние германские мореходы, но не скандинавы? Да, могли, мой совершенно не готовый к такому повороту событий читатель! Впрочем, не такой уж и не готовый. Теперь, когда мы подозреваем, что древние германцы давно обосновались на территории будущей Киевской Руси: готы в Поднепровье во II—III веках, а чужь в Прибалтике и того раньше, отказывать нескандинавским варягам в возможности существования было бы как минимум нелогично.

Однако возможность существования нескандинавских варягов вообще — это всего лишь мало кому интересная абстракция. Надо, если и не доказать (к сожалению, история не математика), то хотя бы показать реальность такой возможности. Этим мы с тобой, мой верный читатель, и займемся.

Во II веке н.э. восточногерманские племена готов и гепидов начали миграцию с Эльбы на юг. Следы этой миграции археологи знают в виде так называемой вельбаркской культуры. В конце III века в Северном Причерноморье вельбаркская археологическая культура перерастает в черняховскую, о которой мы уже говорили. При упорном сопротивлении в прошлом советских, а теперь украинских историков, мировая историческая наука, признавая полиэтничность этой культуры, тем не менее посчитала ее основными создателями готов. К этому мнению постепенно присоединяют-

ся и российские археологи и историки. В середине III века готы появляются в Крыму и на нижнем Дону. О крымских готах, христианах и союзниках Херсонеса, которые жили в западном Крыму до XVI века, написано достаточно, добавить у меня к этому нечего, да и не нужно. Нам интересны готы на востоке Крыма — на Керченском полуострове. Там в 255 году произошло знаменательное для нас событие: готы захватили Боспорское царство и тут же на боспорских кораблях атаковали Питиунт — современную Пицунду. А еще через четыре года готы, как снег на голову, свалились на Грецию! К концу III века они регулярно опустошают Балканский полуостров и острова Эгейского моря, причем, и это немало важно, уже с кораблей собственной постройки.

В истории человечества было не так уж много мореходных народов. На Средиземном море сменилось лишь несколько морских цивилизаций: крито-минойцы, финикийцы, греки и римляне. На Черном море их было всего две: греки и готы. Но как же сухопутные готы вдруг стали мореходами? Чтобы понять это, вернемся в III век, в Боспорское царство.

К III веку по берегам Черного моря немало греческих колоний. С покорением Греции Римом они автоматически перешли к нему, а потом были унаследованы Византией. Все эти колонии представляли собой, как правило, один единственный город на черноморском побережье с весьма ограниченной сопредельной территорией. Между колониями шла постоянная борьба, временами переходящая в локальные войны, за место под солнцем, то есть долю торгового оборота с Грецией и Римом. На фоне этих разобщенных грызущихся мелких колоний особняком стояло Боспорское царство, объединявшее около десятка городов по обоим берегам Керченского пролива. Боспорское царство переживало периоды расцвета и упадка, но продолжало существовать как политическая единица в течение почти девяти веков, с 480 года до н.э. по 390 год н.э. Уникальнейшее явление среди греко-римских колоний Понта! Объяснение этому феномену — географическое положение царства. Политическое объединение, охваты-

вающее оба берега Керченского пролива, автоматически становилось монополистом в торговле со всей восточной Скифией. Иностранцам, то есть греческим и римским, судам не разрешалось проходить в Азовское море, они должны были выгружаться и загружаться в черноморских портах царства. Естественно, импортные товары они были вынуждены покупать в этих портах по монопольным ценам, искусственно вздуваемым боспорцами. «Навар» от монополии был столь велик, что экономическая выгода с лихвой компенсировала городам царства политическую зависимость от Пантикапея. Мало того что боспорцы не пускали чужие корабли в Азовское море, этот «внутренний» водоем царства, они к тому же сознательно распространяли небылицы о его несудоходности. Неудивительно, что Азовское море было известно грекам как Меотийское болото — мелкий, замерзающий от лютой стужи водоем¹, северные берега которого терялись где-то далеко на севере у страшного Полярного океана. За этим «болотом» жили фантастические народы, с которыми лучше не иметь дела: амазонки, песьеголовцы, андрофаги (то есть каннибалы) и прочая, и прочая.

Боспорское царство имело свой флот, даже два. Морской хранил греческие традиции кораблестроения и навигации, но никогда не был столь сильным, чтобы доминировать в Черном море. Зато боспорцы полностью контролировали многочисленные реки, впадающие в Азовское море, для чего имели другой, совершенно уникальный речной флот для торговли с аборигенами. Греки об этих реках не знали практически ничего. О Доне они слышали, но не имели представления ни об его истоках, ни даже об общем направлении течения. Часто Дон путали с Волгой. Вероятно, греки знали о существовании Кубани, но видели только ее устье. Множество рек и речек, впадающих в Азов с севера, а также главная водная артерия Северного Кавказа Егорлык оставались

¹ Азовское море действительно замерзает, но не каждую зиму. А над лютыми холодами мы с тобой, мой не раз отдыхавший на крымских курортах читатель, можем лишь посмеяться.

за пределами их познаний. И боспорцы тщательно заботились, чтобы эти пределы не расширялись.

До захвата готами Боспорское царство уже успело побывать под властью сарматов, а потом просуществовало еще почти полтора века, было за это время разрушено гуннами и окончательно развалено булгарами. И сарматы, и гунны, и булгары вероятно что-то вынесли из немалого наследства боспорцев. Но эти степные кочевые народы не смогли понять и перенять главного — уникальность положения и монопольное посредничество в торговле «река — море». Это специфическое наследство Боспорского царства досталось готам. Не целиком. Готы не основывали царствующих династий, не унаследовали всю территорию царства и, соответственно, права на монополию. Но они сохранили за собой часть боспорского флота, морского и речного, и несколько небольших прибрежных городов, в первую очередь Таматарху, которые использовали и в прежнем качестве перевалочных баз, и в качестве опорных пунктов своей пиратской деятельности, успешно начатой еще в середине III века. Кроме того, не будучи столь же жестко привязанными к Керченскому проливу, как боспорцы, готы могли постепенно расширить сферу своей торговой деятельности на причерноморских реках, включив в нее также Днепр, Днестр и Дунай.

Таким образом, форингами готы стали еще в III веке. После гибели Боспорского царства они частично перехватывают торговлю Византии с восточной Скифией и распространяют ее на все Северное Причерноморье. В результате совмещения морскими готами функций форингов и фарингов к V–VI веку появляются черноморские варяги. Греки их звали дромитами.

Слово *дромиты* происходит от греческого *δρομος* [дромос], что значит «путь, бег». Наиболее часто встречается перевод дромитов на русский язык как «подвижных». Мне более правильным переводом в данном случае представляется «путники, беглецы» или даже «скитальцы». Скитальческий образ жизни дромитов был сначала вынужденным, а потом стал для них привычным. Их береговые базы в Крыму и на

Таманском полуострове постоянно подвергались разорительным набегам кочевников, и дромиты поневоле перебазировались на другие базы, которые зачастую приходилось захватывать силой. Большую часть жизни варяг дромит проводил на воде в походе, торговом или пиратском — это уж как повезет, подробности прояснялось по ходу дела.

Дромиты в основном сохранили древний германский язык и общий дохристианский¹ этноним готов *грейтунгов русь*, восходящий к Руси Первой III–IV веков. Именно их, обитателей черноморских гаваней от Синда (современной Анапы) до Пагр (ныне Геленджика), говорящих на готском языке, мы находим в черноморском перипле² V века. Именно о них Псевдо-Захария, сирийский историк VI века, писал как о народе хрос, живущем на Северном Кавказе у Азовского моря. Именно их называли народом *Ῥῶς* [**рос*] и одновременно дромитами греческие хронисты. Именно они — «черноморская русь» Д. Иловайского, столь же древняя, как и родственная им моя «континентальная» Русь Первая в междуречье Днепра и Днестра.

Увы и ах, как и Русь Первая, русь дромитская не были славянской. Изначально готская, в окружении меотов, сарматов, гуннов, болгар и хазар она из века в век теряла свою «этническую чистоту» и к X веку представляла собой изрядную смесь этих народов. Этим объясняется все или почти все.

Во-первых, то, что известия о «черноморской руси» появляются уже с V–VI веков. Отрезанные гуннами от бывших соплеменников в Северном Причерноморье и Крыму, готы на восточном берегу Азовского моря и черноморском побережье Кавказа постепенно обособляются в отдельный самостоятельный народ, сохраняющий древний этноним **рос*.

Во-вторых, то, что «черноморская русь» известна в основном как народ мореходный. Черноморские готы переняли

¹ После разгрома гуннами и миграции в Европу готы *грейтунги* вследствие тесных контактов с Римом рано принимают христианство арианского толка.

² **Перипл** (*греч.*) — древняя лоция, описание побережья для каботажного плавания.

и сохранили искусство навигации и кораблестроения у боспорцев. Под давлением кочевых орд гуннов, аваров, болгар, а затем под постоянным прессингом хазар ареал «черноморской руси» постоянно сжимался. В конце концов, лишенная сколько-нибудь заметной связной территории, «черноморская русь» вынуждена была перейти к кочевому, но **кочевому морскому** образу жизни, опираясь на несколько «баз» вдоль восточного побережья Азовского и Черного морей. Так постепенно сухопутный готский народ *ʾрос* превратился в дромитов, в «черноморскую русь». С какими-то базами то кочевники, то Хазария, активно распространявшая свою территорию на запад, принуждали дромитов расставаться, и тогда, время от времени, захватывались новые базы. В частности, в Пафлагонии и Синопе дромиты могли обосноваться после знаменитого нападения на Амастриду во второй четверти IX века. Иногда дромиты давали достойный ответ хазарам. Возможно именно таким ответом стал знаменитый рейд Бравлина, нанесшего целую серию ударов по хазарским портам крымского побережья, от Керчи до самого Херсонеса, только что захваченного Хазарским каганатом. Не спустили дромиты и самой Византии. Захват Пафлагонии имел место сразу после постройки пафлагонскими мастерами для хазар Саркела, лишившего дромитов возможности торговать на Дону и Волге.

В-третьих, послов от кагана народа *ʾRōṣ* к Феофилу, которых следователи Людовика Немецкого посчитали шведами. Послы не были шведами. Если даже предположить, что по каким-то непонятным политическим причинам они скрывали свое шведское происхождение у Феофила в Константинополе, все равно не видно причин, по которым они хранили бы свое этническое инкогнито в Ингельгейме. Тем не менее, и Людовику послы представились не как шведы, а как русь, вследствие чего Людовику понадобилось специальное расследование для выявления национальности послов, изначально неясной. Тогда объяснимы результаты расследования. Кого еще немцы, не признав изначально шведами, все

же в конце концов могли отнести к «народу из шведов», как не бывших готов?

В-четвертых, «русские» названия днепровских порогов у Константина Багрянородного, большинство из которых от-лично этимологизируется из германских языков, а некоторые, возможно, — из сарматских. Язык дромитской руси все еще оставался готским, но в нем уже были заимствования из сарматского, бывшего официальным языком Боспорско-го царства на момент его захвата готами в III веке. И, вероятно, не только сарматского.

В-пятых, имена послов Олега и Игоря, среди которых помимо скандинавских имеются другие совершенно непонятного происхождения. Возможно, в язык и имена дромитов внесли свою лепту болгары и хазары, а также весьма вероятно влияние языков северного Кавказа. Согласно упоминавшемуся выше черноморскому периплу, на кавказском побережье готы заняли земли керкетов и торетов. Поэтому здесь возможны очень интересные «завязки» с гипотезой О. Трубачева о синдо-меотском происхождении руси.

В-шестых, упорное соотнесение византийцами и хазарами руси (дромитов) с Боспором Киммерийским, то есть Керченским проливом. Именно здесь разыгрываются основные события «Кембриджского документа», именно отсюда приходит русь Игоря Старого на Константинополь, именно сюда она удирает после разгрома.

В-седьмых и главных. Русь Первая и русь дромитская — это, пожалуй, единственное более-менее разумное объяснение исторической связи Среднего Поднепровья с варягами, причем не просто варягами, а варягами русью. Именно они могли быть теми загадочными варягами «Повести», которые «назывались русью» и жили за каким-то не названным морем. Если море это Варяжское, что выглядит наиболее вероятным, то варяги русь могли обитать где угодно, в том числе и на Черном море, ибо разлилось Варяжское море «Повести» от Ладоги до Константинополя и сидели варяги «Повести» на этом море далеко на востоке, аж у самых «пределов Симовых».

Измышление о «рюриках», «олегах» и «свенельдах»

— Бэрримор, может ли королева писать и публиковать детективы?

— Вы имеете в виду английскую королеву, сэр?

— Ну, например.

— Упаси Боже!

— А если она подпишется не «королева», а псевдонимом, к примеру, Элла Королева?

— Английская королева не может иметь псевдоним! А пива «Кэрол» я, простите, не знаю¹.

— Правильно, Бэрримор, так мне и надо. Сейчас объясню тебе все просто и доходчиво, то есть по-английски: а queen had written a fiction and signed it *Queen*².

— О, так Вы бы прямо и сказали! Но ведь Эллери Куин не был английской королевой, не так ли?

— Не беспокойся, Бэрримор, Эллери Куин даже не был англичанином³.

Вот так простая замена строчной буквы на прописную или наоборот может внести невообразимую путаницу. Впрочем, автора «Повести» такие мелочи не беспокоили, в его время прописных букв не было. Их приходится вставлять переводчикам, и здесь есть немалый простор для фантазии и спекуляций. Полезно напомнить тебе лишь пару характерных примеров из уже прочитанных нами с тобой сентенций «Повести», мой не считающий зазорным оглядываться назад читатель.

Пример 1 (замена строчной буквы на прописную). «В год 852... приходила Русь на Царьград...». Совершенно непонятно, чем руководствовался Д. Лихачев, ставя прописную букву в слове *Русь*. Русь, то есть Русская земля, не мог-

¹ Путаник Бэрримор воспринимает имя Элла как ale [эйл] — «эль, пиво» (англ.).

² Некая королева написала детектив и подписалась «Королева» (англ.).

³ **Эллери Куин** — псевдоним американских писателей детективов Фредерика Даннея и Манфреда Ли. (Queen [куин] по-английски — «королева».)

ла прийти на Царьград, это могли сделать только люди — народ, который звался русь (или чудь, или весь, или словене).

Пример 2 (замена прописной буквы на строчную). «В год 859. Варяги из заморья взи́мали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с поля, и с северян, и с вятичей...». В этом случае все наоборот, как будто Лихачев строчной буквой в слове *поле* пытается «компенсировать» прописную в *Руси*. В результате этой сомнительной «компенсации» бестолковые хазары рыскали по полям вместо того, чтобы взи́мать дань с Поля (вне града), то есть полян «Повести».

Но это все более-менее безобидно. Гораздо страшнее, что в других случаях такой пустяк может совершенно извратить всю Историю и породить сонмища «поручиков Куже». Да что там поручиков — князей! А князья — это князья, не какие-то жалкие баронеты Баскервили, глядящие с портретов на остывшую овсянку на моем столе глазами, полными муки векового голодания. Правда, от баронетов остались Баскервиль-холл, приличное наследство и фамильные портреты, дающие возможность опытному глазу Шерлока Холмса, отделив алчность голодного взгляда от алчности порочной души, определить принадлежность к их роду той или иной конкретной особи. А что осталось от первых князей Киевской Руси, как они представлены в «Повести»? Ничего, даже портретов нет. То есть, портреты есть — в небольшой книжонке, недавно переизданной вместе с ятями на волне модного нездорового интереса к Романовым, можно найти портреты всех князей русских, начиная аж с Рюрика. Не иначе как кисти Рембрандта. Только из этих портретов даже десять Шерлоков Холмсов, хоть лопни, не смогли бы извлечь ничего, что хоть как-то доказывало бы историчность этих лиц с сыто-сонными глазками. Мы же с тобой, мой читатель-скептик, обойдемся без портретов, потому что будем не доказывать, а опровергать эту самую историчность «династии Рюриковичей».

Начнем, соответственно, с самого первого — Рюрика.

История Рюрика в «Повести» начинается с варяжской дани. Вспомним: *«В год 859. Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей... Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: “Пошлем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси... Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”.* И избрались трое братьев со своими родам, и взяли с собою всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске».

Прежде всего зададимся вопросом: откуда монах, сидя в пещере под Киевом, мог что-либо узнать о скандинавах и событиях новгородской истории? Вопрос этот не праздный. Исследователи «Повести» выделяют в ней старейшую летописную основу, в которой повествование начинается с Игоря Старого, и соответственно нет ни варягов, ни Рюрика, ни Вещего Олега. Эта «южнорусская» традиция отражена и в «Слове о полку Игореве», где легендарным родоначальником русских князей называется некий Троян, и именно его потомком является главный герой Игорь Святославич. Все это выглядит вполне нормальным для киевских летописей, аномально как раз появление в «Повести» варяжских персонажей. Откуда они там взялись?

Оказывается, во времена Нестора к Киево-Печерскому монастырю был близок (может быть, тоже стал монахом) некто Ян Вышатич, которому БСЭ посвятила отдельную статью: *«Ян Вышатич (около 1016 — 24.6.1106) — видный представитель киевской знати, тысяцкий, сын Вышаты, воеводы Ярослава Мудрого. В 70-х гг. 11 в. собирал дань для Святослава Ярославича на Белоозере, где подавил восстание смердов. Участвовал в походах против половцев и княжеских междоусобицах. Рассказы Я. В. о прошлом были исполь-*

зованы древнерусскими летописцами и вошли в *“Повесть временных лет”*».

Таким образом, источником знаний о событиях в новгородских и белоозерских землях для автора «Повести» стали устные пересказы Яном Вышатичем каких-то отдельных известных ему сюжетов северной традиции. Независимо от «Повести» эта традиция в более полном виде была позже внесена местными летописцами в новгородские летописи.

В частности, согласно Иоакимовской летописи, варягов прогнал из Новгорода некий Гостомысл. Статус этого Гостомысла не уточняется, до сих пор идут споры, был тот Гостомысл новгородским князем, посадником или старейшиной рода. Нам это не суть важно. Потеряв всех сыновей, перед смертью Гостомысл завещает новгородцам призвать на княжение в Новгород сына своей младшей дочери варяга Рюрика. То есть здесь уже не какая-то там чудь и иже с нею, а конкретные новгородцы, они не ищут себе князя за морем у руси, а отправляют делегацию конкретно к варяжскому конунгу Рюрику, которому соответственно не надо «вызываться», а можно просто согласиться принять новгородскую корону, что он и делает.

И все бы ни чего, если бы не эта проклятая археология. Ну не было, не было Новгорода в 859 году, и все тут! Я уже говорил о попытках апологетов «Повести» спасти легенду о призвании варягов переносом места действия из несуществующего Новгорода в Ладогу или Рюриково городище. Ничего не имею против переноса места действия, только решать, куда все же следует его перенести, я предоставляю тебе, мой объективный читатель.

Историки давно заметили чуть ли не дословное сходство бессмертной фразы «Повести»: «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами» с текстом Видукинда Корвейского, который еще в VIII веке те же слова вкладывает в уста бриттов, призывающих «благородных саксов» принять власть над их изобилующей благами родиной, то есть будущей Англией, и изгнать притеснителей пиктов. Но это к слову. Мы же перенесемся побли-

же к нашим событиям: из VIII века в середину IX века, и из Англии на северо-восток Германии. Именно в этих местах происходят события, которых касается пара нижеследующих цитат из Ксантенских анналов.

Год 844. «...король Людовик выступил с войском против вендов. И там погиб один из их королей по имени Гостимусл, остальные же [короли] пришли к нему и принесли клятву верности. Когда он ушел, они тотчас нарушили ее».

Год 845. «...король Людовик, собрав большое войско, отправился в поход против вендов. Когда язычники узнали об этом, они, со своей стороны, отправили в Саксонию послов, и преподнесли ему дары и передали ему заложников и просили о мире. И тот предоставил мир и вернулся в Саксонию... Тогда их король по имени Рорик вместе со всем народом язычников в течение 40 дней воздерживался от мяса и медового напитка...».

Вот тебе, мой пораженный читатель, и Гостомысл (Гостимусл), и Рюрик (Рорик), и славяне, они же венды, как называли немцы западных славян ободритов. Подробным анализом переключек «Повести» и Ксантенских анналов А. Пересвет¹ избавил нас с тобой, мой непоседливый читатель, от необходимости на них задерживаться. Ты и так уже понял, что «призвание варягов» Иоакимовской летописи и «Повести» на самом деле происходили не в Новгороде, не в Ладоге, не на Рюриковом городище, которое название свое носит совершенно незаслуженно², а на нижней Эльбе, и не в 859 году, а на 15 лет раньше. Ободриты вели долгую неравную борьбу с Людовиком Немецким, в ходе которой один из их вождей Гостимусл погиб, после чего среди ободритов появился Рорик, который тоже потерпел поражение от Людовика. В конце концов венды подчинились победителю, но многие из них предпочли крещению и онемечиванию эмиграцию на восток. Часть этих эмигрантов, оказавшаяся сначала в Ладоге, а потом и в Новгороде, сохранила память о собы-

¹ А. Пересвет. Был ли Рюрик западным славянином? *Интерет*.

² У городища в истоках Волхова оснований называться Рюриковым не больше, чем у киевской крепости V–VII веков — городом Кия.

тиях своей полабской истории, нашедших независимое отражение в Ксантеннских анналах, а народное творчество превратило со временем эту память в эпическое наследие новгородской земли.

Но почему именно это предание заинтересовало автора «Повести»? Чем приглянулся ему далекий незнакомый викинг Рорик?

Во-первых, на самом деле героя предания датского конунга звали Hrørek [хрёрек], что по-русски ближе всего передается вариантом Рёрек. Ксантенский монах за отсутствием в латыни подходящей буквы, аналогичной датской *ø* [ě], заменил ее буквой *o* [o]. Над устной традицией вендов, сохраненной в Новгороде, такие ограничения не довлели, и она вполне могла сохранить более правильное произношение Рёрек.

Во-вторых, имя датского конунга Рёрек удачно оказалось похожим на... действительно существовавший титул предводителей варягов руси!

Конечный компонент -rik [-рик], заимствованный у кельтов, означал в древнегерманских языках «повелитель, владыка»¹. Нельзя ли предположить, что первый компонент *Рю-/Ру-* (в разных летописях встречается разное написание: Рюрик и Рурик) есть простое укорочение от *русь*. В зависимости от происхождения самого этнонима русь изначально титул мог звучать: [росрик, руотрик, руѳрик] — или как-то похоже. Но после появления вендского предания этот титул сливается с именем его героя Рёрека и вновь открытый мифический Рюрик, сохранивший атрибуты и предводителя руси, и варяжского конунга, превращается волей автора «Повести» в родоначальника первой княжеской династии Киевской Руси. Так славная «династия рюриковичей» начинает долгое путешествие по станицам отечественной истории, обрастая разными выдуманными подробностями и даже портретами.

¹ В верхненемецких диалектах этот компонент превратился в -rich [-рих], и мы сталкиваемся с ним во многих германских именах, от древних: Германарих, Аларих, Теодорих — до современных: Генрих, Ульрих, Дитрих (причем Дитрих ← Теодорих ← Теудрик).

— Бэрримор, каково твое мнение об историчности Рюрика? Помню, помню и сразу поясняю по-английски: historicity of Ruric.

— Это бессмыслица, сэр!¹

— Совершенно с тобой согласен.

На самом деле, несмотря на кажущееся совпадение позиций моей и Бэрримора, историчность «князя Рюрика» ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно. Слишком ничтожная он личность согласно тексту самой «Повести». Ничего не совершил, ничего после себя не оставил — что искать археологам, непонятно. Зато его преемник Вещий Олег столько наворотил, так наследил в истории, что, казалось бы, не заметить его следов невозможно. Тем не менее, археологи никаких следов «князя Олега» не находят!

Но сначала небольшое отступление. Строго говоря, автор «Повести» старается не называть Вещего Олега князем. Он, создающий генеалогию дома Рюриковичей и ратующий за наследование власти старшим сыном, не имеет на это морального права, хотя и не отказывает Олегу в принадлежности к княжескому роду. Но прочие летописи и историческая традиция вообще не приняли этих условностей, и Вещий Олег вошел в историю как полноправный князь, предводитель княжеской дружины и властелин Русской земли. Этой же традиции следует Пушкин в «Песни о Вещем Олеге»:

С дружиной своей в цареградской броне

Князь по полю едет на верном коне

(выделено мной. — В.Е.).

Итак, Вещий Олег выступает на исторической сцене как полноправный князь и правитель Руси. И тогда совершенно поразителен факт: правитель Руси по имени Олег не упомянут, ни добром, ни худом, ни в одном византийском документе! И это при том что, согласно «Повести», тот неод-

¹ Подозреваю, что Бэрримор воспринял мою сентенцию как нечто вроде history of rural city, то есть «историю сельского города». Ну да бог с ним.

нократно победоносно ходил на Константинополь, взимал с византийцев немалую дань, даже прибил свой щит на «врата Цареграда» и, самое главное, заключил с Византией договор «мира и любви». Конечно, в подробностях расписывать свое поражение византийские хронисты не обязаны, но совсем не упоминать факт набега, разрушений, выплаты контрибуции было не в их правилах. Наконец, где византийский экземпляр договора «мира и любви» с Вещим Олегом?

Ну ладно, не удосужились греки помянуть недобрым словом Олега. Бог им судья. Но не могла же «потерять» Вещего Олега археология. А ведь, получается, потеряла и никак не может найти! На закладке *«Города и дани Олега»* и еще в нескольких местах наших *«Размышлений»* мы с тобой, мой злопамятный читатель, уже не раз отмечали, что Олег во множестве ставил города, собирал обильную дань со всех окрестных племен и привозил богатую добычу из покоренного Константинополя. Разве не резонен вопрос: где эти **города Олега**? Их нет! Во время, которое отводит Олегу *«Повесть»* на княжение в Киеве, а это, как ты помнишь, мой еще не оправившийся от изумления читатель, период длительностью ни много, ни мало в тридцать три года, **археологически не существует самой «матери городам русским», не говоря уже о многих других якобы поставленных Олегом городах!**

В том, что упоминаемые *«Повестью»* в «договоре Олега» города археологически возникают чуть ли не на век позже датировок в тексте, мы уже знаем из *«Размышлений»*. Посмотрим теперь, что нам говорит современная археология конкретно Киева.

Киевщина была плотно заселена на протяжении большей части своей истории. Случались недолгие перерывы после опустошительных нашествий степняков: сарматов, гуннов, авар — но благодатная земля притягивала людей и вновь быстро заселялась. Примерно в VI–VII веке на Замковой горе возникает небольшое поселение, возможно крепость. Археологи «с подачи» Б. Рыбакова называют ее «городом Кия». Однако к VIII веку «город Кия» приходит в полный упадок и по существу перестает существовать. Археологи не опреде-

ляют народ, построивший эту крепостцу. Также не известно, кто ее разрушил. Но о втором можно строить весьма правдоподобные догадки. Окончание жизни «города Кия» примерно совпадает по времени с началом «хазарского ига». На месте небольшой крепости появляется большой разбросанный город или, точнее, конгломерат поселений, не имеющих ни общей планировки, ни какой-либо фортификации. Киев растет, как на дрожжах, но не ввысь, а вширь и своим сельским видом становится похожим на Итиль или Булгар, столицы соответственно Хазарии и Волжской Булгарии. В этом виде Киев живет, может быть функционируя в качестве столицы Руси, почти два века: IX и почти весь X, не испытывая желания отгородиться от мира крепкими валами и стенами. Ничего необычного в этом нет, точно так же живет столица Хазарии, так же живут и другие центры ее вассальных владений, в частности Булгар и Киев. Первый настоящий город с городской планировкой и мощной фортификацией появляется на месте Киева только к концу X века. Археологи называли его соответственно времени возникновения «городом Владимира».

На самом деле «город Владимира» тоже маловат для столицы такого государства, каким предстает Русь в «Повести» к концу X века. Общая площадь поселения внутри городских стен не превышала 10 гектаров, что значительно меньше не то что Константинополя, но и большинства европейских столиц. По хронологии «Повести» Владимир I, построивший этот город, княжил в Киеве около 35 лет. Зато его сын Ярослав Мудрый, который был киевским князем примерно столько же, отстроил новый город, «город Ярослава», площадью 70 гектаров (всемеро больше!) и превратил свою столицу в один из самых больших и красивейших городов мира. К этому еще можно добавить, что Ярослав Мудрый отправлял, подобно Вещему Олегу, войско на Константинополь. Но в отличие от Олега, поход был неудачен. Сын Ярослава Владимир не только не привез никакой добычи, но и потерял почти все войско, чем ввел страну в большие дополнительные расходы по восстановлению своей военной мощи.

Вещий Олег, опять же, если верить «Повести», княжил в Киеве почти столько же, сколько и упомянутые его преемники, а именно 33 года. Причем, в отличие от них, он правил в идеальных условиях: захватил Киев без боя и разрушений, в его правление не было пожаров и катаклизмов, Олег купался в деньгах, собирая дань со всех окрестных племен и народов, получал огромные контрибуции с Византии. Но нет «города Олега». За тридцать три года правления Олег для Киева палец о палец не ударил: ни городских стен, ни княжеских хором, вообще никаких следов! Нонсенс. Что же помешало ему отстроить Киев подобно Ярославу или, хотя бы, Владимиру? Ответ единствен и невероятно прост: **не было в Киеве никакого Вещего Олега!**

Но поскольку точно так же не оставили в киевской земле никаких следов своего пребывания ни Игорь, ни Ольга, ни Святослав, то столь же неизбежен вывод, что их тоже никогда не было в Киеве. И этот парадоксальный вывод, на самом деле, весьма логичен, потому что во времена их предполагаемых правлений самого Киева, каким он предстает в «Повести», тоже не было. Тут с археологией не поспоришь. Мы с тобой, верящий в археологию читатель, и не будем спорить. Вместо этого вспомним, что Лев Диакон отправляет удирающего после поражения 941 года Игоря домой, но не в Киев, а к Керченскому проливу; что у Константина Багрянородного Святослав сидит не в Киеве, а в каком-то Немогарде; наконец, что сама «Повесть» связывает Ольгу не только с Киевом, но и с Вышгородом, который, вероятно, и был ее настоящей резиденцией.

Однако вернемся к тексту «Повести». Что же мы имеем? Невнятный «князь Рюрик», не существовавший «князь Олег», да еще смехотворный «князь Каган»...

Российская и советская историография не приняла «князя Кагана» как реальное историческое лицо — слишком хорошо было известно, что *каган* не имя¹, а титул хазарских пра-

¹ Любопытно, что имя Хакон, произошедшее, возможно, от «кагана», было в ходу у норвежских конунгов примерно с XI века. Вероятно норвежцам пришелся по вкусу титул русского кагана Ярослава Мудрого, породнившегося со шведскими и норвежскими конунгами.

вителей, посему этот казус «Повести» до сих пор стыдливо обходится молчанием. Между «князем Каганом» и «князем Рюриком» или «князем Олегом» объективно разница только одна: про кагана было известно, что это не имя, а титул, а про рюрика и олега — нет. Этого оказалось достаточным, чтобы эти «князья» были признаны официальной историографией не только реальными лицами, но и основателями первой княжеской династии Руси. На самом же деле «Повесть» оснований для этого не дает. Мой неленивый читатель, замени везде в ее тексте князя *Рюрика* на просто *рюрика*, а князя *Олега* — на *олега*, имея в виду, что рюрик и олег суть титулы владык варягов руси, и текст «Повести» от этого ничуть не пострадает. При этом, разумеется, *синеус* и *трувор* тоже должны писаться со строчной буквы, а слова *рюрик с синеусом и трувором* следует понимать как «вождь с окружением и дружиной». Может быть в этом и есть разгадка странного указания «**тот** Олег» на закладке «*Города и да ни Олега*». Написание со строчной буквы «**тот олег**» имело бы хоть какой-то смысл, если олегов было несколько.

Итак, не останавливаясь на полпути, мы с тобой, мой целеустремленный читатель, принимаем олега как титул предводителя варягов руси, рангом пониже рюрика. Этимология олега тоже германская и совсем прозрачна. В древнегерманском языке слово *helgi* [‘эльгъ] имело смысл «священный». Как уже отмечалось выше, придыхание *h* русскоговорящими не произносилось. Оказавшийся в начале слова гласный [э] сначала по нормам старославянского языка йотировался и превратился в [е], а затем заменился на [о] по характерной уже для восточнославянского мене типа *един* → *один*. Так в ПВЛ появляется *Ол(ь)гъ*. В древнерусском оригинале текста «Повести» эта форма сохранилась в косвенных падежах, где регулярно встречаем *Олга*, *Олгови*. А именительный падеж *Ольг* со временем принял более свойственную русскому языку форму *Олег*.

В соответствии со своим значением титул хельг мог бы принадлежать жрецам руси. Но у древних германцев не было отдельных жрецов, а жреческие функции обычно исполнял

вождь. Этой комплексной роли вождя-жреца полностью соответствует князь *Олег*, получивший в «Повести» соответствующее прозвище-эпитет *Вещий*.

Хорошее подтверждение нашей догадке о титуле олег ([хел(ь)г]) дает уже упоминавшийся «Кембриджский документ». Главное, не считать [х-л-гу] документа, как это почему-то принято, именем собственным предводителя Руси. Иврит тоже не знал тогда и не пользуется до сих пор прописными буквами. Если признать [х-л-гу] титулом, то решаются сразу две проблемы.

Во-первых, снимается противоречие в датировках. Дело в том, что [х-л-гу] «Кембриджского документа» живет много позже Вещего Олега. Несовпадение столь вопиюще, что историкам приходится изобретать некоего Олега II, сына или племянника Олега Вещего, а Игоря за отсутствием для него места на сцене незаметно оттеснять за кулисы. Но если олег — титул, то ничего не надо изобретать и никого не нужно убирать со сцены, все и так сойдется. В 941 году поход на Византию возглавил **олег Игорь**. Каганом он так и не стал, таланта не хватило. Зато каганом заслужено становится его сын Святослав после победы над Хазарским каганатом.

Во-вторых, просто невероятно, что хазарин, автор «Кембриджского документа», действительно называет предводителя Руси по имени. Это совершенно нетипично и невероятно. Личные имена вообще мало кому интересны. Вспомним, у обстоятельного Константина Багрянородного нет ни одного имени русских владык, просто собирательное греческое *архонты*. Сам автор «Повести» не знает имени даже кагана хазар (князь Каган!). Соответственно глупо хотеть от простого хазарина знания личного имени предводителя Руси, которое ему «до лампочки» и упоминается-то в документе постольку поскольку. Согласись, мой объективный читатель, титул под его пером более уместен.

Тут полезно еще раз обратиться к дорожнику аль-Идрис, цитату из которого с описанием славного города Матрахи (Таматархи, Тмутаракани) мы с тобой, мой проникшийся сложностями арабской графики читатель, уже однажды

прочитали в «Измышлении о Руси Первой»: *«Ее [Матрахи, Тмутаракани] правители известны под названием Олуабас и прославлены благодаря силе, смелости и их воинственности и являются очень грозными для своих соседей».*

Название тмутараканских правителей олуабас Б. Рыбаков трактует как княжескую династию Ольговичей, родоначальник которой Олег Святославич княжил в Тмутаракани с 1074 по 1079 и с 1083 по 1094 гг. Правда, остается неясным, какое все это имеет отношение к XII веку, поскольку сам Рыбаков признает, что *«Русские летописные известия о Тмутаракани обрываются на 1094 г., когда Олег покинул город ради своей отчины Чернигова, и наши сведения о Тмутаракани в XII в. очень отрывочны».* Между тем текст аль-Идриси не дает оснований говорить о династии. Речь идет о «названии» правителей, которое более естественно понимать как титул. Но если олуабас не «Ольговичи», а титул, то не все тот же знакомый нам [х-л-гу]?!

Итак, олег — это титул. Но это еще не все. «Повесть» — это такие дебри, что чем дальше в них, тем больше можно наломать дров. О, кстати, не спросить ли Бэрримора, где добывают дрова для Баскервиль-холла? Хотя нет, я уже спрашивал. Ладно, не будем отрывать дворецкого от его графинчика с горькой настойкой и углубимся ломать дрова в дебри «Повести», где нас уже ожидает воевода Свенельд.

Впервые Свенельд появляется на страницах «Повести» под 945 годом: *«В год 945. В тот год сказала дружина Игорю: “Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам”»* — уже предводителем, которому подчиняются какие-то отроки. Судя по тому, что эти отроки одеты и вооружены лучше дружины Игоря, статус Свенельда весьма высок и соизмерим со статусом князя. Так что вряд ли Свенельд в 945 году молод. Скорее это уже зрелый муж, доказавший свое ратное умение и приобретший такой вес, что не только он сам, но и его дружина чувствуют себя независимыми от Игоря. Сходит со сцены Свенельд, где-то после 977 года, успев послужить последовательно Игорю, Ольге, Святосла-

ву и Ярополку. По долгожительству и активности на старости лет он достойная пара Вещему Олегу. Равно как и по неизвестности византийским хронистам.

В «Повести» Свенельд — главный воевода Святослава во время болгарской кампании. У Льва Диякона войском руси действительно предводительствует архонт Святослав (Σφενδοσθλαβος [сфендостлабос] — пока еще с «носовым е» на месте будущего восточнославянского **я**!), но два его воеводы — это Икмор и Сфенкел (или Сфангел). По некоторому сходству имен Сфенкела можно было бы отождествить со Свенельдом, но мешает то, что Сфенкел погиб в Болгарии, а Свенельд надолго пережил Святослава. Правда, мешает только в том случае, если... Свенельд — имя собственное. Если же *свенельд* — титул аналогичный более позднему *воевода*, то свято место пусто не бывает: король умер, да здравствует король — Свенельд умер, да здравствует свенельд! Мир праху имени Свенельд, которое норовит превратиться в титул свенельд так же, как ранее у нас с тобой, мой непредвзятый читатель, уже превратились в титулы Рюрик и Олег. После такого превращения становятся понятными и живучесть, и долгая трудоспособность «варяга». Как зайцы в рекламе батареек Duracell, свенельды, все на одно лицо, подменяют в «Повести» друг друга незаметно для читателя и даже, вероятно, для самого автора.

Признаюсь, мой не терпящий несправедливости читатель, я не первый, кто придумал, что свенельд — это титул, а не имя. Такую догадку выдвинул А. Дубовский¹, обратив внимание на многочисленные странности, связанные с этим персонажем в «Повести». Воспользовавшись аргументами Дубовского, я все же хотел бы несколько уточнить этимологию слова. На мой взгляд, боле точный перевод слова *свенельд*, вероятного древнегерманского *sveineld* [свейнельд] или *sveinheld* [свейнхельд], — это соответственно нечто вроде «старшина отроков» или «содержатель отроков», что вполне согласуется с той ролью, в которой впервые появляется Свенельд в «Повести».

¹ А. Дубовский. Свенельд. А был ли мальчик? Интернет-публикация.

Таким образом, ряд замен личных имен «Повести» титулами у нас продляется:

князь Рюрик	→	рюрик
князь Олег, княгиня Ольга	→	ольг, ольга
воевода Свенельд	→	свенельд

И тогда первым исторически достоверным правителем Руси, имеющим имя собственное, оказывается Игорь Старый. С него начинается родословную «Рюриковичей» митрополит Иларион в своем «Слове о Законе и Благодати», с него начинается история Киевской Руси в «Начальной киевской» летописи, вычлененной А. Шахматовым из «Повести» в качестве ее первичной основы, Игорь — первый правитель Руси, названный по имени византийскими хронистами. Мы не знаем, кем правил Игорь, где находилась его резиденция и подвластная ему Русь, но вероятно в его владения входили берега Керченского пролива. Именно здесь разыгрывается пролог драмы, описанной «Кембриджским документом», — вероломное нападение Игоря на хазарский Самкерц, и именно сюда, по свидетельству Льва Диакона, он убегает с жалкими остатками войска после ее последнего акта — страшного разгрома у малоазийских берегов.

Эпоха хельгов и свенельдов на Руси заканчивается принятием христианства последними хельгами руси — «князем Игорем» и «княгиней Ольгой». Процесс превращения рюриков руси сначала в каганов Киевской Руси, а затем в великих киевских князей пока неясен, потому что это, по существу, и есть процесс становления Киевской Руси, как он шел в реальности, а не на страницах «Повести». А вот этого мы, мой просвещенный читатель, оказывается, так и не знаем.

Чтобы довершить картину, коснемся еще двух «киевских князей» — Аскольда и Дира. Понятно, что если мы отказываем в историчности Вещему Олегу, то не видно причин не сделать то же самое с его невинно убиенными предшественниками. Вокруг этих имен накручено много всяких небылиц и вымыслов. То Аскольд и Дир — соправители в Киеве, то

Дир — преемник Аскольда. Аскольд то предводительствует набегом страшных безбожных язычников на Константинополь 860 года, то оказывается первым христианским правителем Руси. Дир то невзрачная проходящая фигура истории Руси, то величайший правитель восточных славян. На самом деле за всем этим ничего нет. Киев археологически не существует во времена Аскольда и Дира в ничуть не меньшей степени, чем он не существует во времена Вещего Олега. Византийцы так же не знают ни Аскольда, ни Дира, как не знают Олега. Изрядный шум вокруг свидетельства аль-Масуди о Дире Великом — не более чем лихие спекуляции. Во-первых, «царь Дира» в арабских текстах высосан из пальца. Надо обладать изрядной фантазией, чтобы в тексте Масуди прочитать именно «Дира». Во-вторых, этот «Дира» у Масуди живет почти на целый век (!) позже мифических Аскольда и Дира, и «мусульманские купцы прибывают в его землю с различного рода товарами». Восточные монеты вкладах на Киевщине появляются только с X века. Не ходили в Среднем Поднепровье арабские караваны в IX веке. Так что, оставив в стороне спекуляции, придется с ними вместе отбросить и Дира Киевского вместе с Аскольдом.

Однако дыма без огня не бывает. Откуда-то имена Аскольд и Дир выплыли и встали на вечный прикол на страницах «Повести». Вряд ли автор их просто выдумал. А может быть, это тоже какие-то титулы?

Нет, мой увлекающийся читатель, хватит титулов. По моему измышлению, Аскольд и Дир — это действительно имена, причем имеющие прямое отношение к скандинавам. Полагаю, что в летописных Аскольда и Дира превратились асы Скульд и Тюр (Тир) скандинавского эпоса. Сводные братья, сыновья великого Одина так неразлучной парочкой и переселились из саг в «Повесть». Что принесло их на днепровские берега? Во-первых, хорошая память Яна Вышати-ча, рассказами которого о далеком чудном новгородском севере заслушивались монахи Киевско-Печерского монастыря, а внимательнее всех Нестор. Во-вторых, скандинавская эпическая традиция, по которой Один поставил своего сына

Скольда первым конунгом Рейдготаланда, с которым я отождествляю Русь Первую, а Нестор с его стремлением «опрокидывать» в прошлое реалии его времени вполне мог отождествить Русь Киевскую.

В пользу такого объяснения говорит еще один персонаж, не попавший в «Повесть», но фигурирующий в новгородских летописных версиях призвания варягов. Там новгородцы поднимают восстание против тирании Рюрика, Рюрик восстание безжалостно подавляет и убивает его предводителя некого Вадима Храброго. По своему обыкновению летописи не считают нужным пояснять статус персонажей. Некоторые историки¹ считают Вадима новгородским «старшиной», другие даже князем. Я думаю, «общественное положение» Вадима было еще выше. **Вадим Храбрый** наших летописей — это сам **Воден Раудбарт** северогерманского эпоса, он же Один Рыжебородый скандинавских саг. Вероятно этот персонаж был занесен на новгородчину иммигрантами-ободритами вместе с Рёриком, да так в паре с ним и попал в новгородские летописи. Само имя Вадим — это балто-славянская переделка древнесаксонского Воден² (в верхнегерманском эпосе — Вотан, в скандинавском — Один), поскольку в литовском языке основа *vodim-* [водим-] означает «вожак, коновод». А что делать вожаку да коноводу без предводительствуемых им масс? Так появилось мнимое восстание против Рюрика, которое «по должности» возглавил новоявленный Вадим.

Но Вадим Храбрый, Рюрик, Аскольд и Дир — фигуры преходящие. Никакого существенного влияния на повествования они не оказали, не говоря уже о реальном вкладе в историю Киевской Руси. Хватит о них.

Да и вообще хватит, мой изможденный измышлениями читатель. Ты можешь наконец отдохнуть, да и мне пора на боковую.

¹ И вслед за ними М. Семенова в своей «Валькирии».

² Имя Водена англичане сохранили в названии среды: Wednesday [вензди] — «день Водена».

— Бэрримор! Наш гость уходит. Закрой за ним дверь, да запири покрепче.

— Но с тех пор, как в наших краях ликвидировали каторжную тюрьму, у нас не принято запирасть дверь на ночь.

— Ничего, запирай! А то читатель, чего доброго, надумает вернуться.

— А я полагал, гость останется ночевать. Миссис Бэрримор взбила перину в угловой комнате с видом на Гримпенскую...

— Вот и отлично! Пусть добавит ее к моей постели. Ужасно неудобные кровати в Баскервиль-холле.

Впрочем, это и вовсе не имеет отношения к делу. Все, все, все. На сегодня хватит.

До свидания, мой понуро бредущий во тьму читатель. Двери Баскервиль-холла надежно заперты, но мне все же кажется, что мы с тобой еще встретимся.

Глава 2

ЧИТАЯ ИБН ФАДЛАНА

ПРОЛОГ: В БАГДАДЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!..
Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, ко-
торых Ты облагодетельствовал, не тех, которые на-
ходятся под гневом, и не заблудших.

Коран. Из суры 1 «Открывающей Книгу»

Халиф аль-Муктадир Биллах с нетерпением ждал визи-
ря. Близилось время очередной аудиенции посольства Му-
хаммеда ибн Сулеймана, и халиф предвкушал удовольствие
от продолжения рассказа клиента посла досточтимого Ах-
меда ибн Фадлана, да продлит Аллах его пребывание в этом
мире за усердие, с которым он все время долгого путеше-
ствия в далекие северные страны записывал приключившие-
ся с ним чудеса, чтобы теперь услаждать ими высочайший
слух. Там, в холодных землях Яджуджа и Маджуджа¹, были
и полноводные реки, промерзающие от лютой стужи до са-
мого дна; и диковинные единороги — доказательство неис-
поведимости путей Всевышнего; и огромные ужасные ве-
ликаны, чьи бранные останки остаются вечным напомина-
нием об участии не пожелавших идти по дороге тех, которых
Он облагодетельствовал; и дикие племена, в своей убого-
сти или гордыне не принявшие слов Пророка и в наказание

¹ *Яджудж и Маджудж* — библейские Гог и Магог в арабской тра-
диции.

за это до сих пор едящие блох; и громадные рыбы, которые Всевышний в безграничном своем сердоболии раз в год посылает неверным голодающим народам; и великие правители, именуемые каганами, могущество и власть которых могла бы, пожалуй, сравниться с могуществом и властью халифов, да не допустит этого Аллах.

Визирь Али ибн аль-Фурат слегка согнулся перед халифом, скорее изобразил поклон, чем поклонился. Халиф позволял старому служаке эту непочтительность из-за его преклонных лет и радикулита — редкой в теплом и сухом багдадском климате болезни, сладить с которой не могли даже христианские врачи из Антиохии, с неизменным успехом пользовавшие самого халифа. Не разгибаясь, потому что разогнуться было еще мучительнее, чем изобразить протокольный поклон, визирь прошамкал беззубым ртом:

— Пожелает ли Повелитель правоверных в своей беспредельной милости выслушать отчет о работах в Самарре?

Ибн аль-Фурат знал, с каким нетерпением ждет халиф продолжения рассказа ибн Фадлана, но знал он также и о слабости халифа к восстановлению и реконструкции старых мечетей.

На основании собственного долгого опыта придворной службы — старик занимал должность визиря уже третий раз — знал он и как непредсказуем халиф. Светоч веры не поленился лично объездить и обследовать самые крупные мечети халифата и сам руководил реставрационными работами в иерусалимской мечети Куббат ас-Сахра, а спустя пять лет удостоил своим вниманием Святую Мечеть в Мекке.

Теперь, изрядно обрюзгший и ставший более ленивым на подъем, халиф нашел объект забот поближе, в самом Багдаде, и затеял бесконечную перестройку местной исламской святыни — Большой мечети в Самарре. Со свойственной ему педантичностью аль-Муктадир ежедневно требовал подробного отчета о ходе работ, но с возвращением посольства из Булгара интерес халифа к строительным работам за-

метно угас. Вот и сегодня на вопрос ибн аль-Фурата он недовольно поморщился:

— Потом, потом, давай посольство!

Не разгибаясь, что вполне соответствовало и протоколу и естеству больной спины, визирь попятился к двери, и уже через полминуты у ног халифа склонились посол Мухаммед ибн Сулейман и ибн Фадлан. Собственно ибн Сулейману делать тут было совершенно нечего, поскольку послом он был номинальным, лично в путешествии участия не принимал, а потому и рассказать ничего не мог, но присутствовал как лицо протокольное и старался сохранять подобающую статусу важность.

Все функции номинального посла закончились в самые первые дни деятельности посольства получением посольских «подъемных» и «дарственных», после чего этих денег уже не видел никто, в том числе и ибн Фадлан, которому данное обстоятельство чуть не стоило головы по достижении цели посольства. Но об этом ибн Фадлан благоразумно в своем рассказе халифу умолчал, потому как Мухаммед ибн Сулейман, лицо хоть и протокольное, но вполне реальное, сидел рядом в халифских покоях и слушал не менее внимательно, чем сам халиф, но, в отличие от того, отнюдь не расслабленно и не ради услаждения.

Ибн Фадлан привычно присел на принесенный с собой и расстеленный на полу прямо перед халифом молитвенный коврик и разложил на мраморном полу свитки путевых записок, уже пронумерованные, переписанные и прошедшие первую черновую авторскую обработку. Перед ложем халифа на пышном, но далеко не первой свежести персидском ковре устроились визирь и посол.

— Ну же, начинай, во имя Аллаха, велик Он и всевышен! — нетерпеливой скороговоркой подогнал рассказчика халиф.

— Слушаю и повинуюсь во имя Аллаха всемилостивого и милосердного! — уткнулся лбом в лежащий на полу свиток ибн Фадлан и начал дозволенные речи...

ПРЕДЛОГ:
ВНОВЬ ПОД КРЫШЕЙ БАСКЕРВИЛЬ-ХОЛЛА

И когда приходил к ним посланник от Аллаха, подтверждая истинность того, что с ними, часть из тех, кому даровано было писание, отбрасывали писание Аллаха за свои спины, как будто бы они не знают, и они последовали за тем, что читали шайтаны, в царство Сулеймана.

Коран. Из суры 2 «Корова»

В конце первой четверти X века, когда Ахмед Фадланович вел дозволенные речи перед багдадским халифом, «Сказки тысячи и одной ночи» еще не были известны миру, в том числе арабскому, но рискну предположить, что только что описанная гипотетическая сцена, имея она место в действительности, могла бы стать одним из многочисленных источников этого будущего шедевра средневековой арабской прозы.

Однако мы не будем слушать дозволенные Ахмеду Фадлановичу речи и вообще покинем покои аббасидского халифа. Арабская мудрость утверждает, что чем дальше голова от султана, тем ближе она к собственной шее. А по моему глубокому убеждению именно там ей и место.

Собственно, нам вовсе нет нужды вникать в арабскую речь и исходить слюнями, глядя, как халиф поглощает горы персиков и гранатов, вытирает стекающий с рук кроваво-красный сок о чалму визиря, удобно маячившую прямо перед ним, и причмокивает от удовольствия, доставляемого то ли речами ибн Фадлана, то ли сладостью фруктов. Вместо этого мы с тобой, мой виртуальный читатель, вновь усядемся в прокопченной и уже ставшей привычной воображаемой гостиной Баскервиль-холла (я же обещал тебе, мой недоверчивый читатель, что мы снова встретимся!¹) и начнем само-

¹ См. главу «Читая «Повесть временных лет»».

стоятельно не спеша читать перевод записок ибн Фадлана на родной русский язык. Так мы не будем зависеть ни от халифских капризов, ни от непростых нюансов придворного этикета, ни от еще более сложных правил арабского языка, помноженных на дефекты пергамента и дикции рассказчика. Кроме того, отвязавшись от роли клиентов аль-Муктадира и слушателей ибн Фадлана, мы вольны пропускать неинтересные места записок последнего и даже вообще читать их вразнобой. Одно лишь плохо, мой привыкший к удобствам читатель: следуя веяниям времени, чета Бэрриморов отправилась греть старые кости на канарских пляжах, поэтому потчевать нас овсянкой теперь будет некому, а в подвалы Баскервильхолла мне пришлось спускаться самому.

Боже, таких сырых, вонючих и захламленных лабиринтов не найти больше нигде! После четверти часа блуждания в крошечной тьме, я так и не нашел ничего, содержащего хоть каплю алкоголя в любом его проявлении, и уже хотел несолоно хлебавши вылезать обратно, как мой башмак задел нечто, звякнувшее весьма и весьма стеклянно. Не сразу рука нащупала горлышко бутылки, оказавшейся непомерно тяжелой, настолько тяжелой, что я с трудом вытащил ее наверх — интересно стало, что за тяжесть может храниться в обычной стеклотаре. Однако по внимательном рассмотрении эта тяжеленная стеклотара оказалась совсем не обычной. В моих руках была покрытая плесенью тыквообразная бутылка из почти черного непрозрачного стекла с огромной деревянной пробкой, которая сама собой с тихим «чпоком» выскочила из горлышка, и из бутылки потянулась тонкая струйка грязно-серого дымка. Я немедленно загнал пробку обратно и судорожно дернулся искать противогаз. Но прежде чем до моего сознания дошла вся бессмысленность этого порыва, откуда-то сверху раздалось громкое:

— Ап-п-п-чхи! — И замогильный голос прогундо-сил: — О величайший, достойнейший, прекраснейший, умнейший и добрейший из величайших, достойнейших, прекраснейших, умнейших и добрейших! Не закрывай, во имя Пророка, да прославятся твое и его имена в веках, этой бутылки, пока я не воссоединюсь!.. Ап-п-п-чхи!

Я поднял глаза и обмер. Надо мной под прокопченным потолком болталась, как надутый водородом шарик, голова в затейливо накрученной грязной чалме. Тела не было, только плавающая отдельно и чуть дрожащая ладошка вежливо прикрывала рот головы, корчившейся в позывах чихания.

Чуть придя в себя и лишь слегка заикаясь, я спросил:

— Т-ты кто? Уж не Ха-хот-табыч ли?

— Он, он самый, Гасан Абдурахман ибн Хоттаб Ибн... и так далее, — согласно закивала голова и из-за отсутствия шеи завертелась под потолком, еще больше смахивая на воздушный шарик. Потом она вдруг прекратила вертеться, уставилась на меня проникновенным взглядом и нежно проворковала: — Пробочку-то, дорогой, отпусти, во имя Аллаха милостивого и милосердного, не придерживай. А то как-то неудобно, понимаешь, голова здесь, а тело там... Ап-п-п-чхи!

С этим громогласным «апчхи» пробка вылетела из бутылки, больно ударив меня по руке, и воссоединившийся с телом Хоттабыч плавно спланировал в ближайшее кресло. Дело принимало занятный оборот. Я присел напротив и спросил, стараясь сохранить серьезность:

— Ну что, будешь служить мне?

— Еще чего! — закачалась чалма.

— Почему это?

— А с чего бы, о никчемнейший из никчемнейших, я должен тебе служить? Ап-пчхи!

Вот так метаморфозы! Как быстро величайший, достойнейший, прекраснейший, умнейший и добрейший превратился сначала в просто дорогого, а затем вдруг без всякого перехода в никчемнейшего. После такого делай добро людям... Хотя при чем тут люди? Передо мной сидел и, кажется, нагло ухмылялся джин.

— Ну как... Вроде так полагается.

— Хрен тебе, о глупейший из глупейших! Я обязан служить только величайшему, достойнейшему, прекраснейшему, умнейшему и добрейшему из величайших, достойнейших, прекраснейших, умнейших и добрейших — Сулейману ибн Дауду, мир с ними обоими.

— А как же Володька Костыльков, пардон, Волька ибн Алеша?

— О, Волька ибн Алеша, да пребудет он во здравии, — Хоттабыч молитвенно сложил руки у носа, — освободил меня от печати Сулеймана ибн Дауда, еще один мир с ними, всеми троими! А ты что, шайтан из шайтанов? Думаешь ты освободил меня? Очень надо было! Если ты заметил, о, заносчивейший из заносчивейших, пробку-то я сам открыл. Изнутри. Без твоей помощи. Любопытство, так сказать...

Вот чертов джинн! Любопытно, видите ли, ему стало. Да катился бы он... Но джин только самодовольно усмехнулся:

— Спокойней, спокойней, о, неврастеничнейший из неврастеничнейших! Я же тебя без рентгена насквозь вижу и мысли твои читаю, как если бы они были написаны золотом на тончайшем шелке рукой искуснейшего из каллиграфов, когда-либо писавших Книгу. Никуда я не покачусь. Дело в том, о, несведущий из несведущих, мне тоже интересно знать, что рассказал Повелителю правоверных досточтимый Ахмед ибн Фадлан, да пребудет на нем высочайшее благословение.

Хоттабыч поудобнее устроился в кресле, явно намереваясь присоединиться к тебе, мой ничего не подозревающий читатель. Джинн прикрыл глаза, и гостиная Баскервидь-холла тут же наполнилась скрежещущими звуками, как будто никуда не уезжавший Бэрримор непрерывно открывал и одновременно закрывал дверцы сотни разошедшихся буфетов с настойками и наливками. Да, храпеть джинны умеют! Ладно, пусть пока дрыхнет старикашка, а там поглядим.

Итак, кажется, мы будем читать ибн Фадлана втроем: я, ты, мой вернувшийся ко мне читатель, и Хоттабыч. Поскольку теперь в гостиной Баскервиль-холла некому налить в воображаемые бокалы вонючего древнего пойла из тутошних подвалов, да пропадут они пропадом, мы будем обсасывать самые занятные места записок ибн Фадлана, посасывая при этом вместо протухшего эля свежий баночный «ПИТ». Зато ты, мой суетливый читатель, по-прежнему можешь время от времени покидать нас с Хоттабычем по своим делам и в

любое удобное для тебя время возвращаться обратно (не забыв принести новую упаковку пива!), а я все так же буду терпеливо дожидаться тебя, чтобы продолжить прерванное чтение. Но прежде чем приступить к новому этапу самообразования, полезно напомнить тебе, мой не чересчур эрудированный читатель, об обстоятельствах появления на свет нашего читива.

В глубоко чтимом мною многотомном издании — Большой советской энциклопедии (в дальнейшем мы опять будем пользоваться аббревиатурой БСЭ) — об ибн Фадлане можно прочитать следующее:

«Ибн Фадлан Ахмед ибн Аббас, арабский путешественник и писатель 1-й пол. 10 в. В 921—922 в качестве секретаря посольства аббасидского халифа Муктадира (правил 908—932) совершил путешествие через Бухару и Хорезм к царю волжских болгар. Яркое описание путешествия посольства, а также Хорезма, огузов, башкир, болгар, руссов и др. отличается богатством фактического фольклорно-этнографического материала. Книга написана в форме рассказа. Первоначальный текст книги И. Ф. утерян. Сокращённая редакция, использованная ещё в 13 в. арабским учёным Якутом, была найдена в Мешхеде в 1923».

Давай, мой старательный читатель, запомним имя рассказчика ибн Фадлана, нам еще придется обращаться непосредственно к нему. Но, невзирая на авторитет БСЭ, мы будем величать его не Якутом, а Йакутом, чтобы не возникало лишних недоразумений: к обитателям республики Саха он никакого отношения не имел, что, кстати, следует из соответствующей статьи все той же БСЭ:

«Йакут ар-Руми ибн Абдаллах аль-Хамави Абу Абдаллах Шихаб-ад-дин (1179—20.8.1229, Халеб), арабский филолог, историк, географ и писатель. По происхождению грек из Малой Азии. объездил побережье и острова Персидского залива, юг Аравийского полуострова, Сирию, Палестину, Египет, Хорезм, Ирак. Придерживался хариджитских взглядов... Йакут — автор биографического “Словаря литераторов” (около 1100 жизнеописаний арабских литерато-

ров и учёных 7 — начала 13 вв.) и топонимического “Словаря стран”, обобщившего арабскую географическую литературу домонгольского периода».

А теперь откроем записки ибн Фадлана, чтобы он тоже имел возможность представить самого себя и свой труд. Он это сделал таким вот образом:

«Это — книга Ахмеда ибн Фадлана ибн аль-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, клиента Мухаммеда ибн Сулеймана, посла аль-Муктадира к царю славян, в которой он сообщает о том, что он сам видел в стране турок, хазар, русов, славян, башикир и других [народов], по части различий их верований, истории их царей, положения многих из их дел».

Не вдаваясь в сложности трактовки термина «клиент», чаще всего простоты ради ибн Фадлана называют секретарем посольства, иногда достаивая даже звания посла, коим он по-видимому фактически и был. Однако нам с тобой, мой поверхностный читатель, мало дела до общественного положения посла, досточтимого Мухаммеда Сулеймановича, и его клиента, чуть менее досточтимого Ахмеда Фадлановича. Нам куда интереснее, что видел этот самый клиент, он же автор записок, в 922 году в странах русов и славян, именно на этом мы сконцентрируем наше с тобой, а если проснется наш джин, то и Хоттабычево внимание. И сразу отметим в качестве важного момента, что в перечне народов, которым выпала честь быть посещенными ибн Фадланом, есть и русы, и славяне — по отдельности. То есть у ибн Фадлана русы и славяне не одно и то же. В этом, кстати говоря, он не оригинален. Славян и русов считают различными народами большинство арабских авторов. Отчетливо противопоставляет русов славянам и византийский император Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении империей», написанном в середине X века, то есть спустя примерно четверть века после путешествия ибн Фадлана. Нам с тобой, мой уже привыкающий к похрапыванию Хоттабыча читатель, еще придется обращаться к творчеству этого венценосца.

Чтобы с чего-то начать наши чтения, попробуем уцепиться, мой хваткий читатель, за первое попавшиеся «ключевые» слова, встретившиеся в приведенной выше цитате — это некий **царь славян**, к которому направлялось арабское посольство. И... тут же убедимся, что это совсем не простое дело. Информации об этом скользком субъекте практически никакой, даже с именем царя полная неразбериха. Но ведь ты, мой любознательный читатель, и пришел в наш воображаемый Баскервиль-холл, чтобы разбираться в исторических неразберихах. Что ж, начнем наши разборы.

ЗАЛОГ: ЦИТАТЫ И ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТА

Всякая пища была дозволена сынам Исраила¹ кроме того, что запретил Исраил сам себе раньше, чем была ниспослана Тора². Скажи: «Принесите же Тору и читайте ее, если вы правдивы!»

Коран. Из суры 3 «Семейство Имрана»³

Об имени царя славян

— Хоттабыч, как звали царя славян?

Джинн испуганно вздрагивает во сне, открывает один глаз и ехидно шамкает:

— О, недостойнейший из Волек, даже столь всезнающий географ как я не знает такого народа *славяне*.

Наглый старикан, славян он, видите ли, не знает! Придется вправить мозги хамящему супер-супер-аксакалу⁴:

— Ну да, конечно, свои познания в географии ты проявил в полной мере на экзамене Вольки ибн Алеши.

¹ *Исраил* — библейский Израиль (Иаков) в Коране.

² *Тора* — Пятикнижие, первые пять книг Ветхого завета. Авторство приписывается Моисею.

³ *Имран* — библейский Аарон в Коране.

⁴ Так, на минуточку, трехтысячелетнему. Ведь Хоттабыч, по его словам, служил еще царю Соломону Давидовичу (Сулейман ибн Дауду), царствовавшему примерно за тысячу лет до н.э.

Хоттабыч заметно краснеет и немедленно лезет в бутылку. Молча. В прямом смысле. Однако этот трюк потерявшему форму джинну не удастся, в конце концов он бросает бесплодное занятие и просто растворяется в сигаретном дыму. Итак, Хоттабыч от ответа увильнул. И ладно, зато освободилось кресло, на которое можно удобно положить ноги.

Если у Хоттабыча ответа на мой вопрос не нашлось, что он неуклюже пытался скрыть неуместным апломбом, то у ибн Фадлана, как и полагается хорошему придворному, на этот простой вопрос имеется сразу несколько ответов, разбросанных по тексту его записок. Первый в порядке появления ответ находим в самом их начале: *«...когда прибыло письмо аль-Хасана сына Балтавара, царя славян, к повелителю правоверных аль-Муктадиру, в котором он просит его о присылке к нему [людей] их тех, кто научил бы его вере, преподал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвигнул бы для него минбар¹, чтобы совершалась на нем молитва за него [царя] в его городе и во всем его государстве, и просит его о постройке крепости, чтобы он укрестился в ней от царей, своих противников, то он получил согласие на то, о чем просил...»*

Итак, согласно первому ответу ибн Фадлана славянского царя вроде бы звали Хасаном Балтаваровичем. Ответ, прямо скажем, странен, потому что Хасан имя вовсе не славянское, а арабское. Правда, ты, мой ушлый читатель, можешь возразить, что обычной практикой при переходе в ислам было принятие обращаемым арабского имени. Такая практика, вероятно заимствованная исламом у христианства, действительно имела место. Один из широко известных примеров — принятие при крещении Владимиром Крестителем христианского имени Василий. У Ибн Фадлана найдем и другие примеры нареkania вновь обращенных арабскими именами. Но, судя по только что процитированному отрывку, славянский царь пока еще не принял ислам, а только намеревается это сделать и потому просит оказать в этом помощь багдадского халифа как большого авторитета в подобных делах. Так

¹ *Минбар* — кафедра в мечети для чтения вслух Корана.

что арабское имя Хасан у славянского царя остается совершенно неуместным и потому загадочным. Что ж, поинтересуемся другими ответами.

Второе имя царя славян у ибн Фадлана всплывает при описании страны гузов¹. Провожая посольство халифа, командующий войском гузов Атрак созывает своих подручных и держит перед ними такую речь: «Он [Атрак] сказал им [своим подручным]: *“Истинно, вот эти послы царя арабов к моему свату (зятю) Алмушу сыну Шилки и не хорошо было бы, если бы я отпустил их иначе, как после совета с вами”*».

На сей раз объект посольства Хасан Балтаварович оказывается Алмушем Шилкичем, причем в устах не какого-то случайного человека, а довольно близкого его родственника: свата, шурина или тестя. Кому же верить? Право, не знаю. Вероятно пока придется не верить никому в надежде, что по прибытии к царю славян ибн Фадлан наконец разберется с этим вопросом на месте.

Однако там вопрос запутывается еще больше. В земле славян выясняется, что у царя еще до прибытия посольства уже имелся свой минбар, на котором, правда, по простоте душевной самого царя и местных муэдзинов (они же, надо думать, по совместительству местные шаманы) вместо хвалы Аллаху провозглашалась хвала самому царю: *«До моего [Ибн Фадлана] прибытия на его [царя славян] минбаре уже провозглашали за него хутбу: “О, Аллах! сохрани в благополучии царя Балтавара, царя Булгара”*».

И вот, благодаря мягко говоря нескромности славянского царя и «нештатному» использованию им походного минбара, мы с изумлением узнаем, что, оказывается, во-первых, славянский царь царствовал не в Киевской Руси, не в Великой Моравии и не в дунайской Болгарии, а в Булгаре, то есть волжской Булгарии, и, во-вторых, звали его не Хасан и не Алмуш, а Балтавар! То, что речь идет именно о волжской Булгарии, сомнений не вызывает. Багдадское посольст-

¹ Гузы — тюркские племена огузской ветви. ибн Фадлан зовет их гузами и турками. В русских летописях известны также как торки.

во прибыло туда через Хорасан, Бухару, Хорезм, Ургенч, а затем вдоль восточного берега Волги, не переправляясь через нее, по землям гузов, печенегов и башкир.

Итак, мы имеем некоего Хасана, который одновременно Алмуш и Балтавар, — царя славян, которые одновременно булгары. И, что удивительно, самого ибн Фадлана эта путаница совершенно не смущает. Может быть потому, что все равно вскоре новообращенный царь «славян» отряхивает прах языческих имен со своих обильно смазанных бараньим жиром сапог и принимает-таки новое имя, в самом деле арабское, но не Хасан, а... Джафар, выказывая тем самым, что он не чужд подхалимажа, так как Джафаром звали самого багдадского халифа: *«Он [царь славян] сказал: “Подобает ли, чтобы я назывался его [аль-Муктадира] именем?” Я [Ибн Фадлан] сказал: “Да”. Он сказал: “Итак, я уже дал себе имя Джафар...”»*.

Что ж, может быть ибн Фадлану вопрос представляется исчерпанным, но мне почему-то не хочется на этом ставить точку. Во-первых, вместо мелкого вопросика об имени славянского царя во весь рост встает громадный вопрос: что за «славяне» жили в волжской Булгарии? Ответ на него достоин отдельного обсуждения. А пока еще чуть-чуть помусолим имя царя этих «славян».

Велико небрежение древних личными именами! Во время наших прошлых посиделок в Баскервиль-холле я уже обращал твое внимание, мой незадачливый читатель, что в древности личные имена вообще мало кого интересовали. Русский летописец не знает имен хазарских каганов и греческих царей, то есть византийских императоров. В свою очередь константинопольских императоров не интересуют имена русских князей, им вполне хватает собирательного *архонты*. Точно так же арабам «до лампочки» личные имена царей славян, турок, русов и прочих неверных, даже если к такому царю отправляется посольство!

Заметим однако, что перед именем Хасан в приведенной выше цитате стоит определенный артикль *аль*. Это наводит на мысль, что Хасан не личное имя, а прозвище или

эпитет, рожденные в арабской среде. По-арабски **хасан** означает что-то вроде «красавец». Сам царь «славян» скорее всего и знать не знал, что он *хасан*, хотя, весьма вероятно, в неотразимости собственной красоты не сомневался несмотря на тучность и огромное пузо.

Слово **алмуш** тоже хочет казаться не личным именем, а титулом, причем венгерского происхождения. Истории известен венгерский хан второй половины IX века Алмуш, возможно разоривший Киев и оставивший след в «Повести временных лет» под именем Олмы. В венгерском языке до сих пор сохранилось слово **аломоши** в значении «хан, предводитель каравана».

Также титулом, но уже родного булгаро-тюркского происхождения, может быть и **балтавар**. По крайней мере наш царь «славян», почитаемый российскими татарами-мусульманами не меньше, чем св. Владимир Креститель русскими-православными, именуется в разных татарских источниках то этельбером, то элтабаром, так что балтавар может рассматриваться как простое искажение тюркского титула в арабской передаче. Не исключено, что само слово **балтавар** что-нибудь значило по-булгарски в своем нарицательном качестве¹. Но такого сорта этимологические изыскания я оставляю тебе, мой свободно говорящий хотя бы на одном из тюркских языков читатель, а сам обращаюсь к самому ибн Фадлану за еще одним подтверждением того, что титулы в устах древних гораздо более естественны, чем личные имена. Вот что мы находим в его записках о повелителях гузов: *«Царя турок гузов называют Ябгу или вернее это — название повелителя, и каждый, кто царствует над этим племенем, этим именем называется. А заместителя его называют Кударкин. И таким образом каждый, кто замещает какого-либо их главаря, называется Кударкин».*

А чем булгары лучше гузов? Точно так же царя булгар называют *алмушем* или *балтаваром*, причем *«каждый кто царствует над этим племенем [булгарами], этим именем [Алмушем или Балтаваром] называется»*, пока... не возьмет

¹ Например, в казахском языке *балта* — «топор».

себе личное имя, позаимствовав его, например, у багдадского халифа.

В конце концов далеко не у всех древних народов вообще были в ходу личные имена. Такое «продвинутое» по древним меркам общество как римское вполне обходилось всего дюжиной личных мужских имен и вовсе не испытывало необходимости в женских! Даже в историю римляне входили не именами, а, как какие-нибудь собаки, кличками. Например, первого римского императора Гая Юлия большинство населения нашей планеты, если и знает, то только по прозвищу Цезарь.

Здесь нам с тобой, мой непоседливый читатель, полезно вернуться чуть-чуть назад, к мимоходом упомянутому св. Владимиру, при личном крещении принявшему христианское имя Василий, и вспомнить, что имя это — одновременно и в не меньшей степени титул, причем царский, поскольку слово восходит к греческому βασιλεὺς — «царь, василевс». Скорее всего сам князь трактовал свое новое имя именно как титул. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в обиходе им, судя по нашим летописям, не пользовался, а более всего то, что лигатура в виде трезубца из прописных греческих букв ΒΑΣΥΛΕ, входящих в слово βασιλεὺς, стала неофициальным символом всей династии правителей Киевской Руси¹.

О славянах ибн Фадлана

— Хоттабыч, почему ибн Фадлан звал болгар славянами?

Из сигаретного дыма неспешно сублимируется недовольное лицо джинна, и откуда-то из ниоткуда раздается его скрипучий голос:

— О, склеротичнейший из Волек, я уже говорил тебе, что нет такого народа *славяне*!

¹ Часто присваиваемое «трезубцу» наименование «знака Рюриковичей» — чистая спекуляция. Даже если принять историчность самого Рюрика, что само по себе весьма и весьма сомнительно, нет никаких оснований связывать его с «трезубцем», изображения которого до XI века, то есть до Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого неизвестны. Заметим мимоходом, что с учетом сказанного вполне логичным выглядит принятие «трезубца» в качестве государственного герба самостийной Украиной, в столице которой Киеве он и родился тысячу лет назад.

— Бестолковый джинн, я тебя не спрашиваю, был или не был такой народ, я тебе русским языком задаю вопрос, почему ибн Фадлан звал болгар славянами? Могу даже, поднапрягшись, по-арабски повторить: *ас-сакалиба*, мать твою!

Хоттабыч неожиданно грустнеет.

— О, никчемнейший из знатоков арабского языка, у меня никогда не было... мамы.

Из глаза старого джинна вытекает огромная слезища и начинает неспешно пробивать дорожку через покрывающую лицо корку грязи. Приходится быстренько промокнуть старику непрошеную влагу своим носовым платком, чтобы борода не намокла и не потеряла своих волшебных свойств. Чертов старикашка даже не замечает моей дружеской услуги, так он расстроен из-за своего сиротства. Да и Бог (то есть Аллах) с ним! Платок уже не отстирать, так что вернемся к ибн Фадлану, который на протяжении всех своих путевых заметок последовательно именует народ, к которому отправилось багдадское посольство, **славянами** (*ас-сакалиба*), а их многоименного царя соответственно **царем славян** (*малик ас-сакалиба*). Но мы с тобой, мой уже начавший оправляться от потрясения читатель, убедились — и с нами согласны все ученые и специалисты, — что речь идет вовсе не о славянах, а о волжских булгарах. Откуда пошла такая путаница? Мне без всякой помощи Хоттабыча удалось разыскать три объяснения.

Объяснение первое. Давно, в позапрошлом веке, А. Гаркави высказал предположение, что еще до прихода болгар в устье Камы на Волге жили славяне, которые и оставались основным населением волжской Булгарии. Поэтому наш Хасан-Джафар-Алмуш-Балтавар был на самом деле повелителем не только болгар, но и славян. Действительно, атрибуция поволжской именьковской археологической культуры как славянской, казалось бы, дает основания для такого предположения.

Но та же археология возражает против него. Именьковская культура существовала с V по VII век, и никаких оснований предполагать массовое славянское население на волж-

ских и камских берегах в первой половине X века у нас нет. Даже если славяне жили в царстве Хасана-Джафара-Алмуша-Балтавара, тот был все же в первую очередь царем **булгар**, которые и составляли окружение царя. Соответственно только с булгарами и могло иметь дело арабское посольство.

Объяснение второе. Арабы, не слишком хорошо зная этнический состав обитателей прикаспийских и причерноморских степей, всех их чохом называли славянами. Тут же дается ссылка на византийских греков, которые, будучи лучше арабов осведомленными об обитателях этого региона, тоже часто пользовались собирательным *скифы*, когда никаких скифов там уже в помине не было. Отчасти это было данью традиции, отчасти следствием простого обобщения. Северные Прикаспье и Причерноморье еще со скифских времен греки именовали Великой Скифией, поэтому все обитатели этой территории независимо от этнической принадлежности тоже именовались скифами точно так же, как мы сегодня называем европейцами всех жителей Европы: немцев, французов, венгров, чехов, литовцев и представителей многих других народов.

У этого объяснения есть только одна, но существенная слабость. Вполне понятно, почему у греков интересующий нас регион звался Скифией. Когда греческие пионеры-мореходы основывали свои колонии на северных берегах Черного моря, основным населением тех мест были именно скифы. А вот почему арабы в качестве обобщающего понятия для жителей тех же краев выбрали именно славян, объяснить невозможно. Основные сведения о северном Причерноморье арабы получали через тех же греков. С северным Прикаспьем они имели краткое непосредственное знакомство во время войн с Хазарией. Но оба эти источника их сведений, косвенный и прямой, никак не должны были дать им основания считать славян основным населением этого региона.

Объяснение третье. Выдвинутое недавно Д. Мишиным¹, оно заключается в том, что неразбериху породил сам

¹ Д.Е. Мишин. Сакалиба славяне в исламском мире. М., 2002.

Хасан-Джафар-Алмуш-Балтавар, самочинно назвавшись царем славян в письме к багдадскому халифу. Версия строится на интересном наблюдении. Как ты помнишь, мой не зевающий читатель, миссия ибн Фадлана была ответной. Заваруха началась с того, что ко двору багдадского халифа неожиданно-негаданно прибыло посольство с письмом от того самого царя «славян». Мишин выдвигает предположение, что в этом письме сам Алмуш-Балтавар назвал себя царем «славян», чтобы придать себе политического веса. Он дескать так велик и могуч, что повелевает славянами, и потому самому халифу если и не ровня, то по крайней мере достойный партнер в стратегическом союзе против Хазарии. Простодушные арабы поверили ему на слово, и поэтому ибн Фадлан величает его славянским царем, а его подданных, уже как следствие, славянами.

Любопытная версия, но не более того. Во-первых, письмо к халифу было написано по-арабски, и соответственно не самим Алмушем-Балтаваром и не его приближенными. Автор письма мог быть, судя по всему, только посол царя «славян», хазарский мусульманин Абдаллах ибн Башту, единственный человек в посольстве, владевший арабским языком. Можно смело предположить, что ибн Башту был купцом, поскольку должен был бывать и в Багдаде, и в Булгаре, а также знать не только арабский, но и болгарский язык. Не будучи подданным Алмуша-Балтавара как хазарин и хорошо ориентируясь в положении дел в Прикаспье как купец, ибн Башту вряд ли стал именовать своего доверителя в письме царем славян. В любом случае, ибн Башту сам непосредственно вел переговоры в Багдаде и безусловно мог прояснить данный вопрос устно. Но даже если по каким-то лишь ему ведомым причинам хазарин посчитал необходимым «запудрить» арабам мозги относительно подданных Хасана-Алмуша-Балтавара и был настолько умен, что ему это удалось в Багдаде, насколько же глупым должен был быть ибн Фадлан, чтобы, самолично добравшись до этих мнимых «славян» и немалое время покантовавшись среди них, так и остаться в полном неведении?!

Не знаю, как тебя, мой непривередливый читатель, а меня все три перечисленные объяснения не устраивают. Зато у меня есть четвертое, собственное, на мой взгляд, самое простое и потому самое естественное.

Ответ, по-моему, весьма прозрачен: арабы просто-напросто путали **булгар** и **болгар**, волжскую Булгарию и дунайскую Болгарию! Имея более чем смутные представления о Поволжье, они были неплохо осведомлены о соседях Византии, причем речь идет не об абстрактном знании, а об активном использовании этих соседей против Константинополя в своих целях. **Арабы знали, что в (дунайской) Болгарии живут славяне** (в X веке так оно и есть!) и ничего не знали о населении (волжской) Булгарии. Но если арабы не различали Болгарию дунайскую и Булгарию волжскую, для них было естественным предположить, что посольство, направляясь на Волгу в Булгарию, едет к славянам. А поскольку с настоящими славянами ибн Фадлан непосредственно никогда не сталкивался, его личные контакты с булгарами не могли дать ему повода усомниться в этом предположении.

Подтверждение моей версии дает не кто-нибудь, а тот самый Йакут, пересказчик и комментатор записок ибн Фадлана, в одном из своих комментариев:

«Между Итилем, городом хазар, и Булгаром дорогой по степи около месяца, а поднимаются к нему по реке Итиль около двух месяцев, а при спуске [по реке] около двадцати дней. А от Булгара до ближайшей границы Византии около десяти переездов, и от него же до Куйабы, города русов, двадцать дней, а от Булгара до Баиджирд двадцать пять переездов».

Если ты, мой педантичный читатель, попробуешь положить «географию» Йакута на карту России, тебе придется искать другой глобус.

Первая фраза цитаты о расстояниях между Итилем и Булгаром — честное изложение ибн Фадлана, здесь нет никаких сомнений, что речь идет о волжской Булгарии. Между столицами Хазарии и Булгарии посуху вдоль Волги прямой немногим более 900 километров, а по руслу Волги (Итиля) примерно 940. Цифры, приводимые Йакутом в первом пред-

ложении со слов ибн Фадлана, вполне согласуются с реальной географией.

Но уже начало второго предложения — отсебятина Йакута. ибн Фадлан вообще нигде не упоминает Византию, в его миссии она абсолютно ни при чем. Так что вставка Йакута о византийской границе — типичное «они свою грамотность показать хочуть» и... садятся при этом в лужу! Никогда, даже на пике могущества Византии, не приближались ее границы к Булгару на **десять переходов**. Не могла быть Византия к Булгару ближе, чем Хазария, до которой пути **около месяца**. Несусветная чушь? Да, если речь идет о волжской Булгарии, и... географическая реальность, если — о **дунайской Болгарии!**

Далее в том же предложении помянут город русов Киев, традиционно именуемый арабами Куябой, который, согласно Йакуту, находится на расстоянии 20 дней пути от Булгара¹. Поскольку между Булгаром и Киевом 1400 километров, этот путь на самом деле должен занимать примерно вдвое (!) больше времени². Но снова, если речь не о Булгарии, а Болгарии, не о Волге, а Дунае, то оценки Йакута вполне адекватны.

Ни на каком самом быстроходном скакуне не проскакать от Дуная до Башкирии за двадцать пять дней, разве что на почтовых перекладных. Значит, в конце цитаты словами «от Булгара до Башджирд двадцать пять переездов» Йакут вновь честно возвращается к тексту и данным ибн Фадлана о расстоянии между Булгаром и башкирами.

Вот такой вот винегрет. Так что заметь себе, мой не дающий провести себя читатель, **эрудированный географ Йакут продолжает путать дунайскую Болгарию и волжскую Болгарию аж в конце XII века**, так что же взять с бедного ибн Фадлана, не географа и двумя с лишним веками раньше?!

Здесь, мой разбрасывающийся читатель, весьма удачное место, чтобы, запивая пивом «якутский винегрет», чуть-чуть отвлечься и малость порассуждать.

¹ Здесь Йакут вероятно повторяет данные аль-Идриси.

² См. Ю. Ткаченко. Квантовая теория урбанизации Древней Руси.
<http://idrisi.narod.ru/quantum.htm>.

Во-первых, комментарий Йакута служит хорошим примером того, как древние обходились с «цитированием». Как Бог на душу положит. Нахватавались отовсюду, где чего-либо можно было ухватить, и либо валили все без разбору в кучу, либо, что еще хуже, переосмысливали и компилировали. Такая компиляция сама по себе — вполне нормальная вещь. Но беда, если она подается, неважно самим автором или его распространителями, как историческое свидетельство, как априорная истина. Результатом такой «подачи» стала, как ты уже знаешь, мой давний читатель, «Повесть временных лет» — первая на Руси беллетристика на историческую тему, которую почему-то, **вопреки желанию автора, писавшего повесть и назвавшего ее повестью (!)**, до сих пор ученые мужи считают летописью и на ее основе воссоздают выдуманное прошлое древней Руси.

Во-вторых, считаю необходимым обратить твое внимание, мой наостривший ухо читатель, что о Киеве упоминает не ибн Фадлан, а Йакут. О русах у нас речь впереди, но для меня вопрос о Киеве слишком важен и болезнен, чтобы дотерпеть до более подходящего места. В своих предыдущих авторских расследованиях я для себя пришел к поначалу ошеломившему меня самого выводу, что Киев как город, как столица одноименной Руси, возникает лишь в X веке. Соответственно все «князья» и «княгини» от Кия до Святослава, если они вообще существовали, княжили не в Киеве, а где-то в иных местах. Может быть, это и перебор, но у ибн Фадлана в первой четверти X века и в самом деле про Киев ни слова, а вот в XII веке Йакут уже не считает для себя возможным его не упомянуть, Киев XII века — действительно большой и известный город.

О доверии ибн Фадлану

— Хоттабыч, можно ли верить ибн Фадлану?

— О, неразумнейший из Волек, своим вопросом ты обижаешь достовернейшего из писателей и достойнейшего из клиентов почтеннейшего из послов величайшего из халифов!

Хоттабыч опять краснеет, на сей раз от обиды, и вновь по привычке делает попытку гордо удалиться в бутылку, но вовремя спохватывается и небольшим торнадо лихо упаковывается в пустую банку из-под «ПИТа». Оказывается, джины не чураются технического прогресса!

Но по существу вопроса от шагающего в ногу с прогрессом Хоттабыча опять никакого проку, в оценке ибн Фадлана он явно субъективен и пристрастен. Но и при более объективном взгляде на поставленный вопрос ты, мой объективный читатель, можешь мне сказать, что и тебе вопрос кажется бессмысленным, ведь ибн Фадлан писал путевые заметки, описывал то, что видел сам, своими глазами. Разве можно не верить очевидцу?

Не верить очевидцу можно. Например, следователи-криминалисты далеко не всегда доверяют свидетельствам очевидцев и правильно делают. Свидетели могут неумышленно заблуждаться или умышленно вводить следствие в заблуждение. А верить или не верить ибн Фадлану, решать придется тебе самому, мой самостоятельный читатель. В любом случае прежде чем двигаться дальше, необходимо ответить на вопрос, который я задал Хоттабычу в начале раздела.

Первый сигнал тем, кто склонен безоговорочно верить ибн Фадлану как очевидцу, рассказывающего от первого лица виденное им самим своими глазами, звучит уже в самом начале путешествия, в Ургенче, то есть в местах отнюдь не столь отдаленных от Багдада, чтобы их считать экзотическими: *«Итак, мы остались в аль-Джурджании [Ургенче] много дней. И замерзла река Джайхун [Амударья] от начала до конца ее и была толщина льда семнадцать четвертей...»*

Не знаю, достигает ли глубина Амударьи в районе Ургенча семнадцати четвертей¹, но в любом случае льда такой толщины на ней быть не могло. Курьезно, что в этом месте во лжи ибн Фадлана уличает не кто-нибудь иной как Йакут: *«...а это — ложь [(!) — В.Е.] с его [ибн Фадлана] стороны,*

¹ Как не знаю и каковы «четверти» ибн Фадлана. Русская четверть в разное время имела длину от 18 см до полуметра. Соответственные этим длинам толщины льда — от 3 до 8 метров.

так как самое большое на сколько река замерзает, это пять четвертей, и это бывает редко, а обычно это две четверти или три. Это я сам видел и спрашивал об этом жителей этой страны».

Второй звонок тихо тренькает в стране гузов, выведших, если верить ибн Фадлану, потрясающую породу овец: *«Чаще всего пасутся овцы на снегу, выбивая копытами и разыскивая траву. А если они не находят ее, то они грызут снег и до крайности жиреют. А когда бывает лето, то они едят траву и худеют».*

Мне бы таких овец! С ними только наше коротенькое северное лето как-то перебиться, а уж долгой снежной да вьюжной зимой они свое возьмут, такие курдюки себе нажрут! Развел бы их на даче — забот не знал. Во бизнес!

Конечно, может быть, это всего лишь описка ибн Фадлана или переписчика. Но где гарантия, что она единственная?

Но ладно, в конце концов речь об обыкновенных овцах. Никакой экзотики. То ли дело единорог, которого ибн Фадлан, оказывается, тоже встретил в своем путешествии по диким степям Приуралья: *«В ней [степи] есть животное меньшее, чем верблюд, по величине, но выше быка. Голова его, это — голова барашка, а хвост — хвост быка, тело его — тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посередине головы один рог толстый круглый; по мере того, как он приближается к кончику, он становится все тоньше, пока не сделается подобным наконечнику копыя. Из рогов иной имеет в длину от пяти локтей до трех локтей в соответствии с большим или меньшим размером животного. Оно питается листьями деревьев, имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под всадником был рысак, то рысак ищет спасения от него в усиленном бегстве, а если оно всадника догонит, то хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздухе и встречает его своим рогом, и не перестает делать таким образом, пока не убьет его».*

Вот такое вот фантастическое животное с двухметровым¹ рогом!

Но не только в дикой степи встречались чудеса автору записок, кое-что он приберег и для почти цивилизованной, уже созревшей для обращения в ислам Булгарии: *«В первую же ночь, которую мы переночевали в его [царя славян] стране, я увидел перед заходом солнца, как небесный горизонт сильно покраснел, и услышал в атмосфере сильный шум и ворчанье громкое. Тогда я поднял голову и вижу облако, подобное огню, недалеко от меня, и вижу, что ворчанье и шумы идут от него, и в нем видны подобия людей и лошадей, и в отдаленных фигурах, которые в облаке похожи на людей, видны копыта и мечи, которые то казались мне совершенно ясными, то лишь кажущимися. И я увидел другой кусок, подобный этим фигурам, в котором также я увидел мужей, лошадей и оружие, и начал этот кусок нападать на тот кусок, как нападёт эскадрон кавалерии на другой эскадрон. Мы же испугались этого и начали просить и молить, а жители смеются над нами и удивляются тому, что мы делаем... И таким образом это дело продолжалось некоторую часть ночи... Мы спросили об этом царя, и он сообщил, что его предки говорили, что эти всадники принадлежат к верующим и неверующим джиннам, и они сражаются каждый вечер, и что они не прекращают этого с тех пор, как они живут здесь, каждую ночь».*

Впечатляет? Еще как! Если это просто гроза, то неужели ибн Фадлан никогда раньше не видел гроз? Или в Поволжье грозы какие-то особенные? Вроде бы нет. Может быть для тех мест характерны какие-то неординарные природные явления? Тоже вроде бы нет. Но даже если поверить, что в X веке на территории Булгара действительно еженощно происходило нечто столь удивительное, то как объяснить невероятную осведомленность новообращенного Джафара, и тем более его не помышлявших об исламе предков, в мусуль-

¹ Опять для оценки могу привести лишь длину русского локтя — около полуметра.

манской мифологии, в частности не просто существовании джиннов, но и их подразделении на верующих и неверующих (в Аллаха)? Или же слова, вложенные ибн Фадланом в уста царя «славян», на самом деле принадлежат ему самому? Но, опять же, можно ли тогда верить рассказчику в остальном?

Еще один жирный штришок к портрету беспристрастного наблюдателя и объективного писателя: *«У них много купцов, которые отправляются в землю турков, причем привозят овец, и в страну, называемую Вису, причем привозят соболей и черных лисиц. Мы видели у них домочадцев одного “дома” в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам, которые известны под именем аль-Баранджар».*

Если со страной Вису, снабжающей булгар песцами и чернобурками, более-менее ясно: это весь наших летописей, предки вепсов, то аль-Баранджар — интереснейшая загадка ибн Фадлана достойная отдельного раздела, которые еще ожидает тебя, мой терпеливый читатель. Определенный артикль аль указывает на то, что это не просто домочадцы некоего «дома», это — народ, племя. В то, что они поголовно (все пять тысяч!) мусульмане, поверить невозможно. Да и не нужно. ибн Фадлан явно привирает, в чем тут же сам проговаривается: *«Для них [баранджарцев] построили мечеть из дерева, чтобы они молились в ней. Они не умеют читать, так что толпа делает (повторяя) то, как молятся другие».*

Таким же образом можно обратить в ислам (христианство, буддизм и пр.) стадо обезьян. Они будут подражать молящимся еще лучше.

И далее еще одно невольное признание ибн Фадлана в обмане, а заодно и пример принятия арабских имен обращаемыми в ислам: *«...как-то под моим [Ибн Фадлана] руководством принял ислам один человек [из баранджарцев] по имени Талут. Итак, я назвал его “Абдаллахом”, он же сказал: “Я хочу, чтобы ты назвал меня своим собственным именем Мухаммад”, и я это сделал. И приняли ислам его жена и*

его мать и его дети и всех их стали называть Мухаммадом. Я научил его произнесению: “Хвала Аллаху” и “Скажи: он Аллах един”, и радость его от этих двух сур была больше, чем его радость, если бы он сделался царем славян».

Хорошо же были обращены баранджарцы, если ибн Фадлану пришлось лично заниматься этим еще раз, по крайней мере в отношении целой семьи! Что же касается последней фразы цитаты, то она, вновь заставляет представить себе стадо обезьян, после чего ее хочется слегка перефразировать: *«Я дал ему [шимпанзе или орангутангу] банан и апельсин, и радость его от этих двух фруктов была больше, чем его радость, если бы он сделался царем славян».*

Да и вообще, каким образом мог уже давно перейти в мусульманство народ, живущий, судя по тому, что он упомянут рядом с весью, еще севернее только-только созревших для обращения болгар? Здесь автор записок безусловно выдает желаемое за действительное... во имя Аллаха, что простительно ему как истинному мусульманину. Однако где же, где объективный очевидец?

Но все это вместе взятое — цветочки. Ягодки, точнее ягодицы, и притом громадные, впереди. О них, и не только о них, рассказывает ибн Фадлану сам царь «славян»: *«И он [царь славян] сказал: “Прибыла ко мне толпа купцов, которые сказали: “О царь, следовал по воде какой-то человек, такой, что если он из народа близкого от нас, то мы не можем оставаться жить в этих поселениях, и не остается ничего другого, как переселиться”. Итак, я поехал верхом вместе с ними к реке, и вот, вижу, что в нем, меряя моим локтем, двенадцать локтей, и у него голова по величине — самый большой котел, какой только бывает, и нос больше четверти, а оба глаза огромны, а пальцы каждый больше четверти... И начали мы говорить с ним, а он не говорил нам ничего, но только смотрел на нас... Жил он у меня некоторое время. Бывало, не взглянет на него мальчик без того, чтобы не умереть, и беременная — без того, чтобы не выбросить своего плода. А если он овладеет человеком, то сжимает его обеими своими руками, пока не убь-*

ет. Когда же я увидел это, я повесил его на высокое дерево, пока он не умер...»

Ты, мой брюзжащий читатель, скажешь, что я передерживаю, что это не свидетельство очевидца, самого ибн Фадлана, а рассказ Хасана-Алмуша-Балтавара-Джафара, а тот мог наплести чего угодно. Конечно. Но читаем дальше: «... Если ты хочешь посмотреть на его кости и его голову, то я отправлюсь с тобою, чтобы ты посмотрел на них”. Я [Ибн Фадлан] же сказал: “Клянусь Аллахом, я очень хочу этого”. Итак, он поехал со мной верхом к большому лесу, в котором были огромные деревья. И вот уже разложился на дереве..., а голова его под деревом, и я увидел, что голова его подобна большой кадке, ребра его подобны самым большим сухим плодовым веткам пальм, и таковы же кости его голеней и обеих его локтевых костей. Я же изумился ему и удалился».

Итак, ибн Фадлан подтверждает слова царя «славян» как свидетель. Дальше больше. По словам царя, он справлялся об этом великане у народа Вису, который живет в трех месяцах пути на север, то есть все той же летописной веси, и получил от них такой ответ: «Этот человек из числа Яджжудж и Маджжудж, а они от нас на расстоянии трех месяцев, между нами и ими помещается море, на берегу которого действительно они находятся, и они, подобно скотам, совокупаются друг с другом. Аллах могучий и великий выводит для них каждый день рыбу из моря, и вот, приходит каждый из них, и с ним имеется нож, и отрезывает себе от нее столько, сколько достаточно ему и достаточно для его семьи. Если же он возьмет сверх того количества, которое их удовлетворяет, то заболит живот у него, и также у его семьи заболят животы, а иногда он умирает и умирают они все. Когда же они возьмут от рыбы то, что им нужно, она поворачивается и уходит в море. Итак, они каждый день этим живут. А между нами и ими море, которое находится у них с одной стороны, а горы, окружающие их, с других сторон, и стена также поместилась между ними и воротами, из которых они обычно выходили. А когда Аллах могучий и великий захочет вывести их в оби-

таемые земли, то он произведет для них раскрытие преграды и высыхание моря, и прекратится для них рыба».

Вот такая вставочка из Синдбада-морехода, приписанная бедной веси, которая, оказывается, знала не только про Аллаха, но и про Гога и Магога, а также и сугубо мусульманский миф о стене, выстроенной Александром Македонским, чтобы изолировать эту парочку от цивилизованного мира! Не иначе как баранджарцы, согласно ибн Фадлану, мусульмане с солидным стажем, успели научить кое-чему своих диких северных соседей. Воистину чудны дела твои, Господи. То есть, *Аллах акбар!*

Так при всем величии Аллаха нам с тобой, мой неподкупный читатель, становится ясно, что безоговорочно во всем верить рассказчику нельзя. Но во многом можно. Наиболее правдивы, что и естественно, попутные наблюдения ибн Фадлана, не отягощенные дидактикой и нарочитым стремлением к экзотике. Например, он мимоходом уловил слишком долгую длительность в Булгаре летнего дня по тому, что трудно стало соблюдать правильные интервалы между молитвами, в частности вечерней и утренней.

«Он [муэдзин] сообщил, что он вот уже месяц как не спит, боясь, чтобы не пропустить утренней молитвы, и это потому, что человек ставит котелок на огонь во время захода солнца, потом он читает утреннюю молитву и для котелка не приходит время закипеть... День у них очень длинный, именно в продолжение некоторой части года он длинен, а ночь коротка, потом ночь длинна, а день короткий».

Правдивы описания флоры Булгара, быта и пищи булгар. Так что будем читать дальше, уже зная, кем оказались у ибн Фадлана «славяне» и оценив фантазию автора записок.

О русах

— Эй, Хоттабыч, хватит дрыхнуть! — Я щелкаю ногтем по банке из-под «ПИТа», жестяные бока которой мерно раздуваются и опадают в такт похрапыванию уютно устроившегося внутри Хоттабыча. — Расскажи-ка нам, о наивсеведающий, что ты знаешь о русах?

Храп прекращается, из банки вытягивается тоненькая струйка дыма и в меня укоризненно вперяется один единственный глаз с полусонно прикрытым веком. Похоже все остальное ленивый старикан извлекать из банки не собирается. Глаз тихо закрывается и вновь втягивается в баночное нутро, из которого раздается несколько гнусавых звуков, в которых с трудом угадывается:

— О, назойливейший из назойливейших...

Не в состоянии побороть искушение, я впечатываю гнусаво ворчащую банку каблуком в пол, после чего ворчанье затихает, зато вскоре из плоской банки вновь раздается могучий храп. Ничем этого джинна не проберешь! Ну и пусть дрыхнет зараза, все равно ничегошеньки он не знает: о славянах не слыхал, на Руси не бывал...

Ибн Фадлан тоже не бывал на Руси, слыхом не слыхал ни о Киеве, ни о каком-либо другом городе русов, но он, в отличие от Хоттабыча, видел живых русских купцов, приплывавших в Булгарию по торговым делам, даже общался с ними. Описание русов и их нравов составляет заметную часть его записок. Итак, каковы же они, русы начала X века?

Если ты еще не забыл, мой считающий ворон читатель, русы и славяне у ибн Фадлана — вовсе не одно и то же. К этому можно добавить, что не только у него, но и многих других арабских авторов. У ранее упомянутого Константина Багрянородного русы (*ροοι*) также противопоставляются славянам (*σκλαвиниям*). Правда, понимание славян у византийского императора гораздо ближе к нашему нынешнему, зато с русами — просто кошмар! Судя по приводимым Константином названиям днепровских порогов на языке русов, они какие-то германцы, может быть, скандинавы. Вообще сие письменное свидетельство византийского императора — один из сильнейших аргументов норманистов, считающих русь «Повести временных лет» скандинавами. С тем большим интересом вчитаемся в описание русов ибн Фадланом, видевшим их, если не врет, своими глазами: «Он [Ибн Фадлан] сказал: я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и высадились на реке Атиль [Волге]».

Теперь, читая ибн Фадлана, мы с тобой, мой настороженный читатель, все время будем помнить о Багрянородном и примерять к русам ибн Фадлана скандинавские мерки.

Начнем с первого впечатления рассказчика: *«И я [Ибн Фадлан] не видел людей с более совершенными телами, чем они [русы]. Они подобны пальмам, румяны, красны».*

Как видим, первое впечатление весьма благоприятно. Потому и часто цитируется. Общепринято, что румянность и краснота русов являются загаром белокожих людей, непривычным для араба. Эта предполагаемая белокожесть русов — один из расхожих аргументов норманнистов в пользу их скандинавского происхождения. Может быть, хотя сам загар не более чем догадка, а белокожими были не только скандинавы. А если не скандинавы, то кто?

Следующая часть описания внешности русов цитируется уже гораздо реже: *«И от края ногтей кого-либо из русов до его шеи имеется собрание деревьев и изображений (вещей, людей?) и тому подобного».*

То есть характерная черта русов — татуировка по всему телу. Вряд ли это типично для скандинавов, да и вообще любого народа. Татуировка, скорее всего, — черта не национальная, а профессиональная, ведь ибн Фадлан общался с купцами, приплывшими в Булгар по Волге, то есть моряками. Тем не менее, знатокам истории «тату» есть, над чем поразмыслить: скандинавы эти татуированные русы или нет?

Теперь перейдем к одежде, сначала мужской: *«Они [русы] не носят ни курток, ни кафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок, причем одна из его рук выходит из нее. С каждым из них имеется секира и меч и нож, и он никогда не расстаётся с тем, о чем мы сейчас упомянули. Мечи их плоские, с бороздками, франкские».*

К сожалению никаких ученых комментариев к фадлановской «кисе» я не видел. Так что о мужской одежде русов нам с тобой, заинтригованный читатель, остается только делать самостоятельные выводы на основании самого описания. Судя по нему, «киса» похожа на греческую хламиду

или римский солдатский плащ *sagum* [сагум]. Сравнение с последним представляется более уместным, так как вооружены русы были до зубов и экипированы скорее как профессиональные солдаты, чем мирные купцы.

Итак, одежда мужской части русов на скандинавскую не больно-то похожа. Мужчины одевались на греко-римский манер. Зато их вооружение вполне похоже на типичное вооружение викингов, хотя было ли что-либо в вооружении характерным только для викингов? И этот вопрос следовало бы прокомментировать специалистам по вооружению раннего средневековья. И все же судя по мужской одежде: скорее не скандинавы?

Теперь об одежде женской: *«А что касается каждой женщины из их числа, то на груди ее прикреплено кольцо или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, в соответствии с денежными средствами ее мужа и с количеством их. И у каждого кольца — коробочка, у которой нож, также прикрепленный на груди. На шеях у женщин несколько рядов монист из золота и серебра, так как, если человек владеет десятью тысячами дирхемов, то он справляет свой жене одно монисто в один ряд, а если владеет двадцатью тысячами, то справляет ей два мониста, и таким образом каждые десять тысяч, которые у него прибавляются, прибавляются в виде одного мониста у его жены, так что на шее какой-нибудь из них бывает много рядов монист. Самое лучшее из украшений у русов, это зеленые бусы из той керамики, которая находится на кораблях. Они заключают торговые контракты относительно них, покупают одну бусину за дирхем и нанизывают, как ожерелья, для своих жен».*

Читаешь описание, и перед мысленным взором встает такая цыганка, увешанная монистами с предостерегающе поблескивающим на груди ножом. Только вот что за кольцо с коробочкой? Так же, как в случае с загаром, существует общепринятое мнение, что кольцо и коробочкой на груди каждой женщины ибн Фадлан называет коробчатую фибулу, которая тоже рассматривается как скандинавский элемент

одежды. Действительно, женский скандинавский костюм включал фибулы, правда не одну, а две, и чаще черепаховидные, чем коробчатые. Но дело даже не в этом. Фибула — ординарная застежка, предшественница «английской булавки», широко известная с эпохи бронзы во всем мире. Без сомнения ибн Фадлану тоже. Так что фибулу он должен был бы назвать фибулой, застежкой или булавкой, но никак не коробочкой.

Зато в большем соответствии с описанием ибн Фадлана скандинавские женщины носили нитки янтарных бус и подвешенный к одной из фибул небольшой нож. Таким образом, хотя и здесь не все однозначно, женский наряд вроде бы больше мужского походит на скандинавский. То есть женщины русов скандинавки?

Но... По словам самого же ибн Фадлана женщины русов — это рабыни и наложницы, привезенные ими в Булгар на продажу. Да это и естественно, вряд ли купцы предпринимали далекие торговые путешествия с семьями. А если «женщины русов», виденные ибн Фадланом, — это захваченные в разбойничьем набеге или купленные-перекупленные рабыни, то они **не обязаны были быть той же «национальности», что и их господа, сами русы!** Скорее наоборот. Тогда, если женщины русов скандинавки, то тогда сами русы — не скандинавы?

Теперь посвятим некоторое время нравам русов, и, да простит меня мой незлобивый читатель, не только русов. Уж больно яркие и выразительны у ибн Фадлана характеристики некоторых других народов. Грех такое пропустить.

Начнем однако все же с особенностей русов, причем таких, которые вообще обходятся молчанием любителями цитировать ибн Фадлана: *«Они [русы] грязнейшие из тварей Аллаха, — они не очищаются от испражнений, ни от мочи, и не омываются от половой нечистоты и не моют своих рук после еды, но они как блуждающие ослы...»*

«Грязнейшие из тварей Аллаха» и «блуждающие ослы» — сильно сказано! Впрочем, эмоциональный накал снижает сам же ибн Фадлан, который ранее практиче-

ски теми же словами характеризовал гузов: *«Вместе с тем они [гузы] как блуждающие ослы, не изъявляют покорности Аллаху, не обращаются к разуму и не поклоняются ничему, но называют своих наибольших старцев господами... Они не очищаются от экскрементов и от урины и не омываются от половой нечистоты и не делают другого чего-либо подобного. Они не имеют никакого дела с водой, особенно зимой».*

Заставить бы этого чистоплюя-араба поймать дело с водой в тридцатиградусный мороз! А на блуждающих ослов вообще особого внимания обращать не стоит, это обычный арабский штамп по отношению к заблудшим душам не воспринявших ислам. Однако «грязнейшие из тварей Аллаха» — это серьезнее. Вообще-то все встречавшиеся ибн Фадлану народы особой чистоплотностью, по арабским понятиям, не отличались: *«...и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башигирд [башкиры]. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из турок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отсекает ему голову, берет ее с собой, а его самого оставляет».*

Но все-таки русам по этой части ибн Фадлан оказывает сомнительную честь, выводя их в лидеры: гузы — просто **грязные**, башкиры — **самые грязные**, а вот русы — **грязнейшие!** Несколько скрашивает впечатление лишь то, что в других «номинациях» у ибн Фадлана иные лидеры. Поинтересуемся ими для развлечения тебя, мой засыпающий под храп Хоттабыча читатель: *«Женщины их [гузов] не закрываются от их мужчин и... не закрывают ничего из своего тела от кого-либо из людей. И действительно, как-то в один из дней мы остановились у человека из их числа и уселись, и жена этого человека вместе с нами. И вот, между тем, как она с нами разговаривала, вот она открыла свой “фардж” и почесала его в то время, как мы смотрели на нее. Тогда мы закрыли свои лица и сказали: “Прости господи!” Муж же ее засмеялся и сказал переводчику: “Скажи им, — мы открываем его в вашем присутствии и вы видите его, а она*

охраняет его так, что к нему нет доступа. Это лучше, чем если она закроет его и уступит его кому-либо”».

Или: «Они [башкиры] бреют свои бороды и едят вшей, когда какая-нибудь из них будет изловлена. Кто-либо из них детально исследует шов своей куртки и разгрызает вшей своими зубами».

Попутно не могу не обратить твое внимание, мой сразу проснувшийся читатель, на еще одну яркую заметку о верованиях древних башкир: «...каждый из них [башкир] вырезает кусок дерева величиной с фалл и вешает его на себя, и если захочет отправиться в путешествие или встретит врага, то целует его, поклоняется ему и говорит: “О, господин, сделай мне то-то и то-то”. И вот я [Ибн Фадлан] сказал переводчику: “Спроси кого-либо из них, какое у них оправдание этому и почему он сделал это своим богом?” Он сказал: “Потому, что я вышел из подобного этому и не знаю относительно себя самого иного творца, кроме этого”». По-моему, достойный ответ! Тут невольно вспоминается анекдот-поговорка о том, что у русских хорошо получается только то, что они делают не руками. Не проявление ли это башкирского субстрата? Однако ладно, шуточки в сторону. Пора вернуться к русам.

Следующая характеристика их нравов тоже не из числа часто цитируемых: «Они [русы] прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле [Волге], а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается их в одном таком доме десять или двадцать, — меньше или больше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ним сидят девушки — восторг для купцов. И вот один из них сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении одни против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и застает его сочетающимся с ней, и рус не оставляет ее, или же удовлетворяет отчасти свою потребность».

Что это, половая распущенность? Вряд ли, скорее простота нравов и особенности быта. Вроде бы из только что

прочитанного следует, что все русы, будучи приезжими в Булгаре, живут вместе со своими наложницами в больших общих домах. Подробностей ибн Фадлан не приводит, так что трудно понять, то ли это восточные постоянные дворы, то ли скандинавские «большие дома». Скорее все же первое, потому что в доме, похоже, всего одна комната, в которой у каждого руса только по лавке. Куда тут денешься, когда вся жизнь на виду? В этом русы ничем не лучше и не хуже других народов того времени, так что вряд ли эта цитата поможет в определении их этнического лица. По крайней мере ничего скандинавского здесь не проглядывает. Так все же скандинавы или нет?

Вообще-то, если русы действительно такие редкостные грязнули, грязнее гузов и башкир, то пусть уж тогда они будут скандинавами, так им и надо. Ан нет, далее неожиданно выясняется, что ибн Фадлан опять наврал, и русы вовсе не столь безнадежны в смысле личной гигиены: *«И у них [русов] обязательно каждый день умывать свои лица и свои головы посредством самой грязной воды, какая только бывает... а именно так, что девушка приходит каждый день утром, неся большую лохань с водой, и подносит ее своему господину. Итак, он моет в ней свои обе руки и свое лицо и все свои волосы. И он моет их и вычесывает их гребнем в лохань. Потом он сморкается и плюет в нее и не оставляет ничего из грязи, но все это делает в эту воду. И когда он окончит то, что ему нужно, девушка несет лохань к тому, кто сидит рядом с ним, и тот делает подобно тому, как делает его товарищ. И она не перестает переносить ее от одного к другому, пока не обойдет ею всех находящихся в этом доме, и каждый из них сморкается и плюет и моет свое лицо и свои волосы в ней».*

Все-таки русы моются, хотя и довольно оригинальным способом, явно **экономя воду**. Интересно, с чего бы экономить воду скандинавам, да еще и морякам, большую часть жизни проводящим на воде? Скорее так умывались бы обитатели южных засушливых степей, чем изобилующих водой и снегом северных краев. Значит, не скандинавы?

Теперь о верованиях русов: «И как только приезжают их корабли... каждый из них выходит и несет с собою хлеб, мясо, лук, молоко и набид¹, пока не подойдет к высокой воткнутой деревяшке, у которой имеется лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее (куска дерева) маленькие изображения, а позади этих изображений стоят высокие деревянные, воткнутые в землю. Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом он говорит ему: “О, мой господин, я приехал из отдаленной страны и со мною девушек столько-то и столько-то голов и соболей столько-то и столько-то шкур”, пока не сообщит всего, что он привез с собою из своих товаров — “и я пришел к тебе с этим даром”; — потом он оставляет то, что было с ним, перед этой деревяшкой, — “и вот, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца с многочисленными динарами и дирхемами, и чтобы он купил у меня, как я пожелаю, и не прекословил бы мне в том, что я скажу”. Потом он уходит. И вот, если для него продажа его бывает затруднительна и пребывание его задерживается, то он опять приходит с подарком во второй и третий раз, а если все же оказывается трудным сделать то, что он хочет, то он несет к каждому изображению из числа этих маленьких изображений по подарку и просит их о ходатайстве и говорит: “Это жены нашего господина и дочери его и сыновья его”. И он не перестает обращаться к одному изображению за другим, прося их и моля у них о ходатайстве и униженно кланяясь перед ними. Иногда же продажа бывает для него легка, так что он продаст. Тогда он говорит: “Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и мне следует вознаградить его”. И вот, он берет известное число овец или рогатого скота и убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся несет и бросает перед этой большой деревяшкой и маленькими, которые находятся вокруг нее, и вешает головы рогатого скота или овец на эти деревянные, воткнутые в землю. Когда же наступает ночь, приходят собаки и съедают

¹ Набид — напиток, обычно подразумевается хмельной.

все это. И говорит тот, кто это сделал: “Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар”».

На первый взгляд картина напоминает зарисовку из «Повести временных лет» об идолах, установленных Владимиром в Киеве. Однако похожесть лишь внешняя. Здесь речь скорее не о политеистическом пантеоне, а о простейшем культе предков, о семейных богах. Аналогии такому древнейшему языческому культу следует искать не столько в «Повести», сколько в Ветхом завете. Можно поискать и в Скандинавии, но зачем ходить так далеко, если схожие верования были повсеместно?

В последней цитате достоин отдельного внимания перечень товаров, которые привозят русы в Булгар. Это девушки, то есть рабыни, соболя и шкуры (меха?). Непонятно с овцами и рогатым скотом, объект ли это продажи или покупки в торговле. Знать бы еще, откуда брались невольники и невольницы, но в целом, пожалуй, товары на продажу у русов северного происхождения. Все-таки скандинавы?

Однако еще пара заметок о нравах русов: *«И если кто-нибудь из них заболит, то они забивают для него шалаши в стороне от себя и бросают его в нем, и помещают с ним некоторое количество хлеба и воды, и не приближаются к нему и не говорят с ним, но посещают его каждые три дня, особенно если он неимуций или невольник. Если же он выздоровеет и встанет, он возвращается к ним, а если умрет, то они сжигают его. Если же он был невольником, они оставляют его в его положении, так что его съедают собаки и хищные птицы».*

Как видим, никакой заботы о больных сотоварищах русы не проявляют. Если это национальная черта, то чья? Скандинавская?

Общеизвестно, что важной этнической характеристикой является похоронный обряд. К счастью, ибн Фадлан подробно описал похороны одного знатного руса. Учитывая важность обряда и пространность описания похорон у ибн Фадлана, целесообразно посвятить ему отдельный раздел.

О похоронах знатного руса

— Хоттабыч, как положено хоронить покойников?

Я колочу плоской храпящей банкой из-под «ПИТа» об пол, и из ее нутра живенько материализуется джинн, целиком, если не считать нехватки одной туфли, но насквозь пропахший пивом и, кажется, изрядно навеселе.

— О, бестолковейший из бестолковейших, хвала Аллаху — Господу миров, ибо нет божества, достойного поклонения, кроме одного лишь Аллаха, у Которого нет сотоварища, а Мухаммед — Его раб и посланник, да ниспошлет Аллах благословение не него самого, членов его семьи и всех его сподвижников!..

— Послушай, сподвижник, а нельзя ли покороче?

Хоттабыч косится на меня красноватым глазом и набирает в легкие побольше воздуха. Приходится выразительно щелкнуть пивной банкой. Джинн тут же выпускает воздух, лихо ныряет в свою банку, и из ее недр доносится его замогильный обиженный голос:

— О, необразованнейший из необразованнейших, читай книгу досточтимого Абду-Рахмана бин Абдуллах Аль-Гайса, да одарит его Аллах своей милостью¹.

Но мы с тобой, мой не разбрасывающийся вниманием читатель, не станем отвлекаться от ибн Фадлана. А тот пишет: *«А это бывает так, что для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут мертвого в него и сжигают корабль...»*

Сжигание покойника в корабле! Этот обряд мы еще помусолим, но по первому впечатлению, мой потирающий руки читатель, столь характерный обряд тяжелой гирей плюхается на норманнистскую чашу весов, и антинорманнистская чаша взмывает в поднебесную высь. Точно скандинавы?

¹ Хоттабыч вероятно имеет в виду книгу: *Абду-Рахман бин Абдуллах Аль-Гайс*. Джаназа: мусульманский похоронный обряд (перевод с арабского). Ижевск, 1999.

Однако продолжим цитату: «...а для богатого поступают так: собирают его деньги и делят их на три трети, — одна треть остается для его семьи, одну треть употребляют на то, чтобы для него на нее сшить одежды, и одну треть, чтобы приготовить на нее набид, который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, так что иногда кто-либо из них умирает, держа чашу в своей руке».

Надо же, оказывается, напиваться на поминках до смерти русские умели еще более тысячи лет назад! А кто сомневался? Но нам любопытны подробности, и... их есть у ибн Фадлана! Сам сильно заинтересовавшийся необычным обрядом, араб описывает похороны одного из главарей русов со всеми деталями. Те столь живописны и многочисленны, что несмотря на большой объем я не буду комкать и кромсать цитату: «...дошло до меня [Ибн Фадлана] известие о смерти одного выдающегося мужа из их числа. И вот они положили его в его могиле и покрыли ее крышей над ним на десять дней, пока не закончили кройки его одежд и их сшивания... (наконец) говорит его семья его девушкам и его отрокам: "Кто из вас умрет вместе с ним?" Говорит кто-либо из них: "Я". И если он сказал это, то это уже обязательно, так что ему уже нельзя обратиться вспять. И если бы он захотел этого, то этого не допустили бы. И большинство из тех, кто поступает так, это девушки. И вот, когда умер этот муж, о котором я упомянул раньше, то сказали его девушкам: "Кто умрет вместе с ним?" И сказала одна из них: "Я". И поручили ее двум девушкам, чтобы они оберегали ее и были бы с нею, где бы она ни ходила, до того даже, что они иногда мыли ей ноги своими руками. И принялись родственники за его дело, — кройку одежды для него, за приготовление того, что ему нужно. А девушка каждый день пела и пела, веселясь, радуясь будущему. Когда же пришел день, в который будет сожжен он и девушка, я пришел к реке, на которой находился его корабль. И вот, вижу, что он уже вытасен на берег и для него поставлены че-

тыре подпорки из дерева... и поставлено также вокруг корабля нечто вроде больших помостов... Потом корабль был проташен дальше, пока не был помещен на эти деревянные сооружения. И они начали уходить и приходить, и говорили речью, которой я не понимаю. А мертвый был далеко в своей могиле [еще раньше, сразу после смерти, покойник был помещен во временную могилу-склеп на все время подготовки тризны]... Потом они принесли скамью, и поместили ее на корабле и покрыли ее стегаными матрацами и парчой византийской и подушками из парчи византийской, и пришла женщина старуха, которую называют ангел смерти, и разостлала на скамье постилки, о которых мы упомянули. И она руководит обшиванием его и приготовлением его, и она убивает девушек. И я увидел, что она ведьма, толстая и мрачная. Когда же они прибыли к его могиле, они удалили в сторону землю с деревянной покрышки и удалили в сторону это дерево и извлекли мертвого в изаре, в котором он умер, и вот, я увидел, что он уже почернел от холода... А они еще прежде поместили с ним в его могиле набид и некий плод и тунбур. Итак, они вынули все это, и вот он не завонял, и не изменилось у него ничего, кроме его цвета. Итак, они надели на него шаровары и гетры, и сапоги, и куртку, и парчовый кафтан с пуговицами из золота, и надели ему на голову шапку из парчи, соболевую».

Здесь мы чуть-чуть прервемся, чтобы еще раз обратить наше внимание на одежду, в которой знатный рус вступает в иной мир. Шаровары, гетры и парчовый кафтан с золотыми пуговицами как-то не вяжутся в моем представлении с образом варяга. Такие одежды более к лицу запорожскому казаку, если бы не парчово-соболиная «шапка Мономаха», которая, впрочем, тоже не кажется атрибутом одежды викинга. Какие же это скандинавы?

Но дальше, дальше... «И они понесли его, пока не внесли его в ту кабину, которая имеется на корабле, и посадили его на матрац, и подперли его подушками, и принесли набид и плод и благовонное растение и положили его вместе с ним. И принесли хлеба, и мяса, и луку, и бросили его перед

ним, и принесли собаку, и разрезали ее на две части, и бросили в корабле. Потом принесли все его оружие и положили к его боку. Потом взяли двух лошадей и гоняли их обеих, пока они обе не вспотели. Потом они разрезали их обеих мечом и бросили их мясо в корабле, потом привели двух коров и разрезали их обеих также и бросили их обеих в корабле. Потом доставили петуха и курицу, и убили их, и бросили их обоих в нем. А девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин юрты и говорит ей: "Скажи своему господину: "право же, я сделала это из любви к тебе". Когда же пришло время после полудня, в пятницу, привели девушку к чему-то, что они уже раньше сделали наподобие обвязки больших ворот, и она поставила обе свои ноги на руки мужей и она поднялась над этой обвязкой, обозревая окрестность, и говорила нечто на своем языке, после чего ее спустили, потом подняли ее во второй раз, причем она совершила то же действие, что и в первый раз, потом ее опустили и подняли в третий раз, причем она совершила то же, что сделала два раза. Потом подали ей курицу, она же отрезала ее голову и забросила ее. Они взяли эту курицу и бросили ее в корабле. Я же спросил у переводчика о том, что она сделала, а он сказал: "Она сказала в первый раз, когда ее подняли: вот я вижу моего отца и мою мать — и сказала во второй раз: вот все мои умершие родственники сидящие — и сказала в третий раз: вот я вижу моего господина сидящим в саду, а сад красив, зелен, и с ним мужи и отроки, и вот он зовет меня, так ведите же к нему". И они прошли с ней в направлении к кораблю. И вот она сняла два браслета, бывших на ней, и дала их оба той женщине, которая называется ангел смерти, той, которая убивает ее. И девушка сняла два ножных кольца, бывших на ней, и дала их оба тем двум девушкам, которые перед этим служили ей, а они обе дочери женщины, известной под именем ангела смерти. Потом ее подняли на корабль, но еще не ввели ее в кабину, и пришли мужи, неся с собой щиты и деревянные, и подали ей кубком набид, и вот она пела над ним и выпила

его. Переводчик же сказал мне, что она прощается этим со своими подругами. Потом дан был ей другой кубок, и она взяла его и затянула песню, причем старуха побуждала ее к питью его и чтобы войти в кабину, в которой находится ее господин. И вот я увидел, что она уже заколебалась и хотела войти в кабину, но всунула свою голову между ней и кораблем, старуха же схватила ее голову и всунула голову в кабину и вошла вместе с девушкой, а мужи начали ударять деревяшками по щитам, чтобы не был слышен звук ее крика, причем взволновались бы другие девушки, и перестали бы искать смерти вместе со своими господами. Потом вошли в палатку шесть мужей и совокупились все с девушкой. Потом положили ее на бок рядом с ее господином и двое схватили обе ее ноги, двое обе ее руки, и наложив старуха, называемая ангелом смерти, ей вокруг шеи веревку, расходящуюся в противоположные стороны, и дала ее двум мужам, чтобы они оба тянули ее, и она подошла, держа в руке кинжал с широким лезвием, и вот начала втыкать его между ее ребрами и вынимать его, в то время, как оба мужа душили ее веревкой пока она не умерла. Потом подошел ближайший родственник этого мертвеца, взял деревяшку и зажег ее у огня, потом он, будучи голым, пошел задом... к кораблю... зажженная деревяшка в одной его руке, а другая его рука лежала на заднем проходе, пока не зажег сложенного дерева, бывшего под кораблем. Потом подошли люди с кусками дерева для подпалки и дровами, и с каждым из них деревяшка (лучина?), конец которой он перед тем воспламенил, чтобы бросить ее в эти куски дерева (подпал). И принимается огонь за дрова, потом за корабль, потом за кабину и за мужа, и за девушку, и за все, что в ней находилось. Подул большой, ужасающий ветер, и усилилось пламя огня, и разгорелось неукротимое воспламенение огня».

Что же можно почерпнуть из этого пространного описания? Много и ничего.

В числе жертвенных животных упоминаются: собака, пара лошадей (лошадь и конь?), пара коров (корова и бык?), петух с курицей и курица еще раз отдельно. Все как-то не-

выразительно. Можно ли говорить на основании одной лишней курицы об особом отношении русов к отряду куриных? Константин Багрянородный говорит о гадании на петухах как однозначно характерной черте русов: *«На этом острове [острове св. Григория на Днестре] они [росы] совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг дуба, а другие — кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми»*.

Кусочки хлеба и мясо, полностью совпадающие у Багрянородного и ибн Фадлана, могут рассматриваться как подтверждение того, что речь идет об одних и тех же русах, то есть скандинавах. Но, как справедливо примечает Багрянородный, это то, «что имеет каждый», простейшая еда, которую едят все независимо от национальности, что практически дезавуирует свидетельство для этнической детерминации. То же самое можно сказать о петухе и курице ибн Фадлана. Хотя может быть как раз «лишняя» третья курица (или петух?), у которой предназначенная в жертву девушка отрезала и забросила куда-то голову, и была «гадательной»? Но, опять же, не видно причины считать гадание на петухах каким-то скандинавским обычаем. Скорее уж кельтским.

Ибн Фадлан подчеркивает, что все жертвенная живность была разрублена мечом на две части и в таком виде оставлена на корабле. Я никогда не слышал о такой особенности скандинавских похоронных обрядов «эпохи викингов», хотя, конечно, не будучи специалистом археологом, могу ошибаться (тем более что ошибаются и специалисты).

Теперь об «ангеле смерти». Тут вообще все непонятно. Из текста ибн Фадлана следует, что приканчивающая обреченных старуха — профессиональная наследственная шаманка. Она и ее дочери, которые помогают старухе и со временем примут должность, кормятся с жертв. Спрашивается, возят ли русы везде с собой этих профессионалок вместе с

их потомством, отнимая тем самым на кораблях драгоценное место у товаров? Как-то не верится в такое. Или шаманки местные? Но тогда чей обычай описывает ибн Фадлан: пришедших купцов-русов или местных «славян»-булгар?

То же самое в отношении разнузданной поминальной оргии. До сих пор со слов самого ибн Фадлана складывалось впечатление, что все русы живут в больших домах, чем-то вроде постоянных дворов для купцов, где моются в общей лохани и по мере желаяния сокупаются со своими наложницами. Но вот обреченная девушка «...уходя и приходя входит в одну за другой из юрт, причем с ней соединяется хозяин юрты». Откуда взялись юрты, и куда делись общие дома? Ясно, что юрты — это нечто другое, поскольку в каждой есть свой хозяин. Потому напрашивается вопрос, пошла ли девушка «по рукам» русов или местных жителей? Если русов, то почему они оказались в юртах, а не на постоянном дворе? Если аборигенов, то какой в этом вообще смысл, почему вдруг блудливые хозяева юрт озаботились загробным будущим девушки и, стараясь уйти от ответственности, учат ее обманывать мертвого хозяина: «Скажи своему господину: “право же, я сделала это из любви к тебе”»?

В общем сплошные нескладушки. Невольно снова и снова задаешься вопросом, что здесь свидетельство очевидца, а что — очередные охотящиеся за всадниками единороги и летающие по ночному небу ифриты? Можно ли отделить во всем этом зерна от плевел? Не знаю. Вне сомнений ли сам факт, что тело умершего сжигается в корабле и вместе с кораблем, и последний служит вместо дров для погребального костра? Ведь все знают, что обряд кремации в корабле — это истинно нордический обычай, характерный только для викингов. Поэтому если знатного руса сжигают в корабле, то он безусловно скандинав, и тут ничего не попишешь.

Попишешь. Все не столь просто. Ахейцы, осаждавшие Трои, тоже сжигали тела своих павших героев в кораблях еще за две тысячи лет до викингов. Тем не менее вряд ли этот обычай можно назвать общегреческим. Равно как нельзя назвать его и общескандинавским. На берегах Скандина-

вии обряд кремации в ладье появляется очень локально в пространстве и времени: в шведском Упланде (нынешняя центральная Швеция) так называемого вендельского периода (VI–VIII века н.э.). Обряд появляется в готовом сформировавшемся виде, генезис его неясен, что заставляет предполагать, что он был занесен сюда извне. Откуда? Неизвестно. Можно лишь строить догадки.

Почему ахейцы, для которых корабли были единственным средством вернуться домой, все же сжигали их с телами своих мертвых? Да потому что не находили другого выхода. В безлесных окрестностях Трои древесина кораблей была единственным горючим материалом для погребального костра. (Ахилл, жалея свой корабль, уломал Агамемнона приостановить военные действия и отрядить все греческое войско на доставку дров для кремации друга Патрокла из далекого леса.) Так же, как в случае с ахейцами, мне кажется, «скандинавский» обряд сжигания тела в ладье мог родиться только в среде путешественников-моряков и только там, где нет лесов, где трудно найти достаточно дров для погребального костра. То есть **никак не в Скандинавии**. Не буду настаивать на том, что его родиной были именно степи Северного Причерноморья, а изобретателями любимые мною готы или более широко «черноморская русь» — ты мой любящий пофантазировать читатель, можешь сам поискать свои альтернативы.

Конечно, речь идет не о кремации вообще, кремация как похоронный обряд был свойствен многим народам Европы, включая, в частности, всех германцев и всех славян. Безусловно сжигание покойников было данью традиции, но, как и всякая сакральная традиция, она имела свое философское обоснование, которое один из русов, посмеиваясь в усы над глупым, по его мнению, арабом, поведал через переводчика ибн Фадлану: *«Вы, арабы, глупы... Воистину, вы берете самого любимого для вас человека и из вас самого уважаемого вами и бросаете его в землю, и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас... По любви господина его к нему вот уже послал он ветер, так что он унесет его за час».*

Здесь не место для дискуссии о преимуществах и недостатках кремации и ингумации тем более что русы переходят к очень интересному и важному для нас этапу похорон: «...они построили на месте этого корабля, который вытащили из реки, нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга, написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились».

Ах, Фадланыч, Фадланыч, лентяй чертов!! Ну как же ты так?! Что стоило переписать эти имена? Представляешь, мой затаивший дыхание читатель, что было бы, если бы записал бестолковый араб хотя бы имя царя русов. Например, было бы это нечто похожее на *Хельги*, тогда заткнулись бы антинорманисты, потому что Хельги — форма оригинальная скандинавская, а значит, русы говорили по-скандинавски, и супротив такого явно факта, недвусмысленно подтверждающего Константина Багрянородного, «права не покажешь». А если бы записал Фадланыч что-то вроде *Олег*, то пришлось бы заткнуться норманистам, ведь форма Олег уже адаптирована в некой ненорманнской среде, другой вопрос славянской, финской, аланской или готской. Да и мне не с руки было бы вякать, что никакого Вещего Олега никогда в природе не существовало. А если бы он написал...

Впрочем, чего вилами по воде водить да душу травить. Ничего не написал ибн Фадлан, поленился, и мы так никогда и не узнаем, что за имена вырезали русы на столбе над курганом... А ведь мог, мог, подлый арабишка, когда хотел! В Ургенче подметил и записал, редиска, нехороший человек: «*Потом говорит [житель Ургенча]: паканд, что значит "хлеб"*». И сразу ясно, что жители Ургенча говорили на фарси (персидском). И у гузов честно отработал халифов хлеб: «*Гузы говорят "бир Тенгри", следовательно они — турки*». Верно подмечено, действительно турки. Какие могут быть сомнения!¹

¹ *Бир Тенгри* — «один Тенгри» (турк.), что ибн Фадлан переводит как «Бог един» с явной намеренной подменой имени общетюркского божества неба Тенгри абстрактным Богом, читай Аллахом.

А вот на каком языке говорили русы, из-за небрежности ибн Фадлана так навсегда и осталось бы тайной, если бы не Константин Багрянородный. Но и того, даром что император, перепроверить тоже было бы неплохо. Увы!

Как бы то ни было, несомненный факт, что у русов было **письменность**. Какая? Если бы ибн Фадлан не поленился скопировать надпись над курганом, то мы бы знали и это. А так опять полная неопределенность. Поскольку Кирилл и Мефодий ко времени путешествия ибн Фадлана на Волгу уже давно почил в бозе, надпись вполне могла быть сделана кириллицей или глаголицей. Но могла и быть вырезана рунами, младшим футарком, который продолжал бытовать в Скандинавии X века.

Что ж, посетовав еще раз на разгильдяйство ибн Фадлана продолжим чтение. Тем более что умолчав имя царя русов, ибн Фадлан достаточно выразительно, хотя и поверхностно, описал его образ жизни.

Об образе жизни русского царя

— Эй, Хоттабыч, сколько жен положено султану? — привычно стучу пивной банкой с храпящим джинном об пол.

В ответ доносится гнусавое мычание, в котором смутно угадывается мелодия из «Кавказской пленницы»: «Если б я был султан, я б имел трех жен...».

— А чего так мало? Твой любимый Сулейман Давидович звона, три сотни ублажал, не считая еще семьсот наложниц.

Банка перестает мычать, и из нее доносится душераздирающий вздох:

— Тем и погубил Иудею и Израиль, мир с ними обоими.

В пивной банке слышится какая-то возня, затем заикающийся голос добавляет:

— Во имя Ивана Т-таранова всеб-благого и... — фраза завершается мощным всхрапом.

Однако в истории, в отличие от географии, Хоттабыч не такой уж и профан! Тонко подметил про Соломона: когда слишком много наследников, дело добром не кончается.

Так и князь-Креститель, Владимир бишь Красное Солнышко, сам собрал Русь, да сам по сути дела и предопределил ее развал, наплодив дюжину сыновей от множества жен. Впрочем, князем Владимира я назвал по привычке. На самом деле звался он не князем, а каганом, поверим в этом такому авторитету как киевский митрополит Иларион и другим лучше знавшим титул владыки аборигенам¹. Правда, ибн Фадлан владыку русов называет и не каганом, и не князем, а более абстрактно царем, и посвящает порядкам в его дворце целый абзац.

«К обычаям царя русов относится то, что вместе с ним в его дворце находятся четыреста мужей из числа богатейшей, его сподвижников, и находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты, сражаясь за него. И с каждым из них девушка, которая служит ему и моет ему голову и prepares ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, которую он употребляет как наложницу. И эти четыреста мужей сидят под его ложем (престолом). А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет как наложницу одну из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы выше упомянули. И он не спускается со своего ложа, так что, если он захочет удовлетворить потребность, то он удовлетворяет ее в тазу, а если он захочет поехать верхом, то лошадь его подводится к ложу, так что он садится на нее верхом с него. А если он захочет сойти с лошади, то подводится его лошадь к ложу настолько, чтобы он сошел со своей лошади. У него есть заместитель, который управляет войсками и нападает на врагов и замещает его у его подданных».

¹ Каганами Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого митрополит Киевский Иларион называет в своем «Слове о Законе и Благодати», однако во всех современных изданиях этого памятника XI века, самого древнего из дошедших до нас, слово *каган* бессовестно заменено на *князь*. Мнение же аборигенов выражено в известном граффити на стене Софийского собора в Киеве «*Спаси кагана нашего...*».

Легенда первых монет Киевской Руси, отчеканенных Владимиром I, включала слова: «ВЛАДИМИР НА СТОЛЕ». Традиционно понимая этот стол как престол (отсюда **сто́льный** град, **столица**), представляешь себе княжеский трон — большое такое кресло с высокой спинкой, бархатной подушкой, инкрустированное золотом-серебром и усыпанное всякими там яхонтами да смарагдами. И сидит на нем... Ах, как бедна моя фантазия! На самом деле стол русского царя, то есть кагана времен ибн Фадлана, — это сооружение, на котором сей царь не сидит и даже не возлежит, а живет постоянно, не покидая его вместе со своими сорока наложницами. «Стол» этот находится во дворце, надо думать немалом, если в нем под тем самым «столом» постоянно живут четырехста (!) «мужей из числа богатырей, его сподвижников», а при каждом из них еще обретаются по паре наложниц.

И куда только смотрят археологи?! Никак не могут найти в Киеве этот замечательный «стол», а заодно и сам великолепный дворец русских каганов. Правда, почему в Киеве? Вновь по привычке: о Киеве у ибн Фадлана нет ни слова.

На самом деле, если отбросить сарказм, в процитированном абзаце много непонятного. Неясно, откуда получил эту информацию ибн Фадлан, никакого намека на место действия, то есть местонахождение столицы русов, да и сам текст абзаца выглядит как компиляция двух других мест. Из предшествующего описания жизни прибывших в Булгар русских купцов взято мытье наложницей головы хозяина и прилюдные совокупления. Из похорон знатного руса перекочевали человеческие жертвы покойному царю из его окружения. Наконец наличие заместителя царя, «который управляет войсками и нападает на врагов и замещает его у его подданных» повторяет нравы двора кагана хазарского, описанные тут же, через пару абзацев: *«Что же касается царя хазар, которого называют хакан, то, право же, он не показывается иначе, как раз в каждые четыре месяца появляясь в почетном отдалении. Его называют великий хакан, а заместителя его называют хакан-бех. Это тот, кто предводительствует войсками и управляет ими, руководит делами государства*

и заботится он нем и появляется перед народом, и ему изъявляют покорность цари, находящиеся с ним по соседству... Его замещает муж, называемый кундур-хакан, а этого замещает также муж, называемый джавишгар».

Наличие рядышком авторских описаний двух дворов каганов, русского и хазарского, невольно наталкивает на сравнения. Не в пользу русского владыки. Хазарского кагана называют великим, а русского — нет. У хазарского кагана иерархия из трех заместителей (бех, кундур-хан и джавишгар), а у русского — всего один заместитель, даже должности специальной за ним не числится. То же самое с наложницами. Подумаешь сорок! У хазарского кагана их целых шестьдесят, не считая двадцати пяти «официальных» жен из покоренных народов, да и весь этот гарем не ютится на царском «столе», а каждая жена и даже наложница живет в своем отдельном «дворце»: *«И обычай царя хазар тот, что у него двадцать пять жен, причем каждая жена из их числа — это дочь кого-либо из царей, соперничающих с ним, которую он берет себе волей или неволей. И у него девушек наложниц для его постели шестьдесят, и только такие, которые отличаются красотой. И каждая из жен и наложниц находится в отдельном дворце, — у нее есть помещение в виде купола, покрытое тиком, и вокруг каждого купола есть пространство для прогулок. И у каждой из них есть евнух, который ее стережет. Итак, если хакан захочет употребить одну из них как наложницу, он посылает к евнуху, который ее стережет, и евнух является с ней быстрее мгновения ока, чтобы он положил ее в свою постель, причем евнух останавливается у дверей “купола” царя. Когда же царь использовал ее как наложницу, евнух берет ее за руку и удаляется, и не оставляет ее после этого ни на одно мгновение».*

Наконец, у хазарского кагана есть своя столица на Волге: *«У царя хазар есть огромный город на реке Атиль».* А у царя русов ни одного достойного упоминания городка. Конечно этот печальный факт можно отнести на счет скрытности русов или, поскольку таковой черты за русами ибн Фадлан не заметил, объяснить тем, что окончание записок уте-

ряно, тем более что описание жизни хазарского кагана взято уже не из столько текста ибн Фадлана, сколько из добавок Йакута. Но и добавки на этом тоже, увы, кончаются.

О баранджарцах

— Эй, Хоттабыч, мир с тобой единственным! — Вновь безжалостно пинаю банку из-под «ПИТа», отчего иерихонская труба хоттабычева храпа переходит в такой режим экономики децибелов, что я наконец могу перекричать производимый ею рев: — Расскажи-ка нам, о наивсезнающий, да лопнет твоя носоглотка от храпа, что ты знаешь об *аль-баранджар*?

Вопреки ожиданию храп тут же прекращается, из банки слышится какая-то возня, но наружу джинн не показывается. Похоже, из банки его и калачом не выманишь. Да и сто лет бы его не видеть! Я готов поговорить с банкой, ибо, смею заметить, для русского человека диалог с бутылкой или банкой совершенно нормален и привычен. Непривычно только то, что банка его поддерживает не слишком трезвым голосом, в данном случае голосом Хоттабыча:

— О, беспокойнейший из беспокойнейших, ты вероятно имел в виду аль-Баланджар? Так знай же, о бестолковейший из бестолковейших, что это не менее как город в Хазарии, по мнению многих достойных знатоков — ее первая столица. Почтенный ибн Асам аль-Куфи сообщал, что под Баланджаром погиб, сражаясь с хазарами, Муслим ибн Рабиа, отправленный в страны Армении по приказанию халифа Османа, да пребудет он во здравии... то есть в покое, но зато Абдурахман ибн Рабиа углубился в страну Баланджар, обратил многие ее города к закону Мухамеда, да будет почтенно и почитаемо все его потомство, и вернулся в Дербент, мир с ними обоими... нет... четверыми... пятерыми!

Джинн продолжает поражать. На этот раз приятно. Несмотря на некоторые трудности с арифметикой он демонстрирует незаурядные энциклопедические познания! Кстати, а не заглянуть ли нам в БСЭ? Как там сказал Хоттабыч, баланджар? Так, посмотрим на *Б...* есть такое!

«Баланджар (беленджер) — тюркоязычные болгарские племена, упоминаемые в арабских источниках с середины VI в. Пришли из Зауралья на Северный Кавказ. В начале 630-х годов основали одноименные государство и столицу. Завоеваны Хазарским каганатом, часть населения переселилась в Булгарию Волжско-Камскую».

Оказывается, Хоттабыч нам изложил «официальную» версию, закреплённую энциклопедическим авторитетом. Заключается она в том, что где-то на территории современного Дагестана жило-поживало в VI–VII веках некое племя, которое построило город и создало свое небольшое государство. И все они, племя, государство и город, назывались Баланджар. В конце первой трети VIII века поочередно завоевываемое то хазарами, то арабами, государство и город Баланджар перестают существовать. Племя баланджар тоже исчезает из истории, но в X веке вновь возникает в волжско-камской Булгарии под именем баранджар.

В пользу этой «официальной» версии есть только косвенные соображения, но их несколько. Во-первых, сходство названий *баранджар* ибн Фадлана и *баланджар* арабских документов VI–VII веков. Во-вторых, переселение в VIII веке на среднюю Волгу из соседних краев самих булгар. В-третьих, ранняя, если верить ибн Фадлану, исламизация баранджарцев, что вроде бы хорошо согласуется с покорением северокавказского Баланджара арабами.

Но не меньше косвенных доводов можно выдвинуть и против.

Во-первых, почему *л* превратилось в *р*? С гласными буквами у арабов всегда была путаница, так как они их вообще не пишут. Могут путаться и согласные, если они похожи и отличаются только диакритическими точками. Однако это не относится к паре *лям* [л] и *ра* [р], их спутать в середине слова¹ невозможно. Тождество **баланджар** = **баранджар** постулировано без каких-либо серьезных оснований.

¹ Начертание арабских букв варьируется в начале, середине и конце слов.

Во-вторых, далеко не очевидно, что государство и город Баланджар были населены протобулгарами тюрками. Гораздо больше оснований предполагать там аланское население. Ат-Табари, например, прямо противопоставляет жителей города тюркам. Кстати, в энциклопедии племя баланджар названо тюркоязычным и болгарским именно потому, что отождествлено с баранджарцами ибн Фадлана, то есть опять-таки и «тюркоязычие» и «протобулгарство» баланджарцев суть следствия все того же сомнительного постулата.

В-третьих, последние находки археологов в Баланджаре, в частности церковные строения, позволяют считать население города не исламским, а вплоть до VIII века христианским (монофизитского толка).

Тем не менее утверждение, что фадлановские баранджарцы идентичны хазарским баланджарцам, общепринято. Так же почему-то общепринято (у ибн Фадлана этого нет!), что располагались баранджарцы за Камой. Вот пара курьезных примеров.

Местные краеведы из татарского христианского села Красный Баран (иначе Крещен Баран) в Закамье считают, что название села не имеет никакого отношения к баранам, а произошло как раз от названия племени баранджар, когда-то якобы обитавшего именно на тамошних землях. Село действительно необыкновенное: в нем татарская речь совместилась с православием и обычаями, которых нет ни у татар, ни у русских. Но при чем тут и баранджарцы, и баланджарцы? Впрочем, я бы на месте краснобаранских краеведов, наверное, утверждал бы то же самое или даже придумал что-нибудь покруче: глядишь, и повалят туристы, успевай только денежку грести.

А еще один краевед предложил для герба города Набережные Челны белую юрту на седом камне и шест с рогами барана, поскольку... у предков краеведа из племени баранджар баран якобы был... священным животным. Вот такое существенное дополнение к явно неполным запискам ибн Фадлана. Откуда взято? Да оттуда же, с того же потолка, высосано из того же пальца. И даже не пытайся, мой неангажированный читатель, обращаться к здравому смыслу,

дескать как баран мог быть священным животным у народа, основной пищей которого была баранина? Здравый смысл тут совершенно ни при чем.

Вообще все эти истории с фадлановскими баланджарцами смахивают на большой курьез. Большой, но неинтересный. А вот я предложу тебе, мой заскучавший читатель, нечто дух захватывающее.

Итак, БАРАНДЖАР. Вслушайся в музыку этого слова, мой не лишенный музыкального слуха читатель. Так записал этноним ибн Фадлан. По-арабски. Но как звучало это слово в устах самих баранджарцев? Мы этого не знаем и никогда не узнаем, но кто может запретить нам с тобой, мой свободомыслящий читатель, пофантазировать на этот счет?

В арабском языке нет буквы **в**, и арабы передают ее на письме через **б**. Типична для арабского и замена мягкого **г** на **дж**¹. Предположив такие типичные для арабского языка замены, остается только восстановить обратной заменой то исходное слово, из которого родилось *баранджар* ибн Фадлана. Прodelав эту несложную процедуру, получим *варангяр*. Уже что-то проклюнулось, но не будем торопиться, запомним это *варангяр* и сопоставим с тем, что баранджарцы всплывают у ибн Фадлана непосредственно вслед за упоминанием «народа Вису», то есть нашей летописной веси («У них много купцов, которые отправляются... в страну, называемую Вису... Мы видели у них домочадцев одного “дома”... которые известны под именем аль-Баранджар»). Итак, название **варангяр** плюс, судя по месту упоминания, предполагаемое соседство с весью... Уж не **варяги** (по-скандинавски *varangjar* [варангяр]!) ли это?! Черт возьми, если это так, то мои черноморские варяги² прямо на глазах бледнеют и мельчают перед **волжскими варягами-мусульманами** ибн Фадлана, а я, честное слово, готов прямо лопнуть от зависти! Если это так, то краснобаранским краеведам придется придумывать другую этимологию их села, а краеведу из

¹ Ср. Гог и Магог = Яджудж и Маджудж.

² См. главу «Читая «Повесть временных лет», а также В. Егоров. Русь и снова Русь.

Набережных Челнов другой герб. Но это их частные проблемы. А наша с тобой, если это так, глобальная проблема, мой незакомплексованный читатель, — это переосмысление не только записок ибн Фадлана, но и всей истории среднего Поволжья начала средневековья.

Говоря о своих баранджарцах, ибн Фадлан называет имя одного из домочадцев «дома» Баранджар — **Талут**. Но давай, мой воодушевленный первым успехом читатель, продолжим обратные замены. В арабском нет гласной *о*, в заимствованных словах она традиционно заменяется на *у*, так что арабское *талут* вполне могло получиться из исходного **талот**, которое полностью идентично финскому *talot* [талот], что как раз и означает «домá»! И все окончательно запутывается: не обратил ли ибн Фадлан в ислам все «дома» баранджарцев? Кто эти баранджарцы: тюркские мигранты из теплого Баланджара, пассионарии холодной Скандинавии или горячие финские парни? Во всяком случае имя Талут не производит впечатления ни тюркского (булгарского), ни варяжского¹. Зато слово *дом* в тексте есть, и применил его ибн Фадлан только по отношению к баранджарцам, единственный раз в своих записках. Вот и ломай себе голову, мой растерявшийся читатель! Хоттабыч тебе не помощник — от храпа аксакала пивная банка елозит по полу, словно мобильник с надрывающимся виброзвонком. Однако храп старого хрыча изрядно надоел! Что-то с этим джином надо делать. Проще всего, пожалуй, вернуть его на место. Ничего не поделаешь, придется оторвать свой зад от просиженного кресла, чтобы от добротного пинка храпящая банка изпод «ПИТа», протренькав ксилофонным «стаккато» на каменным ступенькам подвальной лестницы, исчезла во мраке Баскервильского подземелья вместе с Хоттабычем. Мир с ними обоими!

¹ Вообще не следует упускать из виду, что оно может быть арабским, поскольку Талутом в Коране зовется библейский царь Саул. Но тогда та же история, что и ранее с Хасаном: откуда у баранджарца могло взяться арабское имя до обращения в ислам? Тем более что после обращения он становится не Талутом-Саулом, а Абдулой-Мухамедом.

О посланник! Пусть тебя не печалят те, которые устремляются к неверию из тех, что говорят: «Мы уверовали!» своими устами, а сердца их не уверовали...

Коран. Из суры 4 «Женщины»

— Хоттабыч, были ли русы скандинавами?

И вот она, блаженная тишина в ответ! Хвала Аллаху, хотя бы с этим, то есть Хоттабычем, разобрались. Хуже дело с русами. Итак, **были ли русы скандинавами?** Вряд ли записки ибн Фадлана дают однозначный ответ на этот вопрос.

На Западе давно общепринята норманистская в привычной нам терминологии точка зрения, что русь «Повести», росы Багрянородного и русы ибн Фадлана — это древние шведы, они же викинги, они же варяги. Там эта точка зрения настолько общепринята, что уже обыгрывается Голливудом. В некоем американском фильме (названия не скажу, как всегда случайно наткнулся на него, прыгая по телевизионным каналам в поисках спасения от рекламы) молодой араб попадает на Волгу, может быть в составе посольства (начала не видел, не знаю), и сюжетно все сильно смахивает на ибн Фадлана. Единственное «но» первой части фильма — это то, что голливудский герой слишком молод и, конечно же, красив. Оставляем в стороне красоту, в конце концов, это категория субъективная. А вот возраст... В моем представлении ибн Фадлан не мог быть столь молодым, все-таки выступал, в жизни, а не на экране, в качестве фактического посла, без сомнения был широко эрудированным человеком, авторитетом в вопросах веры. В остальном все окей. Даже интересно. Но вот на экране появляются русы, и... о, Господи, о, Голливуд! Какие там «кисы»? Какая татуировка? Где шаровары, гетры, сапоги и парчовый кафтан с золотыми пуговицами? Где соболиные шапки? На экране возникают одетые чуть ли не в шкуры дикари, с гривами волос и косматыми

бородами. А между тем из описания ибн Фадлана вовсе не складывается впечатления, что русы волосаты и бородаты. Более того, византийский историк Лев Диакон так описывает всего через полвека после ибн Фадлана одного из «типичных русов» — князя Святослава: *«Видом он [Святослав] был таков: среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знатность рода... В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином, посреди них вставленным»*.

Согласись, мой справедливый читатель, на этом портрете Святослав, лысый, но с характерным украинским оселедцем, безбородый, но с длинными усами скорее похож на запорожского казака, чем скандинавского викинга.

А между тем голливудский сюжет накручивает новые крутые повороты. После одного из них русы неожиданно срываются на родину, конечно же в Скандинавию, и зачем-то прихватывают с собой бедолагу араба¹. Но самое удивительное, что вместо того чтобы сесть на корабли и поплыть вверх по Волге, они пускаются в дальний путь... на лошадях. Каково? Дело даже не в том, можно ли вообще на лошади доскакать от Татарстана до Швеции или Дании, Голливуду это раз плюнуть, а в том, что исторические русы **не ездили верхом!** Этот факт подтверждается тем же Львом Диаконем в отношении Святослава и его русского войска, которое **не умело воевать в конном строю** даже полвека спустя. Он подтверждается и другими арабскими авторами, которые в один голос утверждали, что русы передвигаются

¹ Далее сюжет со свойственной Голливуду легкостью переводится на рельсы «Беовульфа», английского эпоса VIII века, повествующего о временах еще более ранних, то есть действие перескакивает с Волги в Данию и при этом мгновенно, но незаметно для простого зрителя проваливается из X века в VI–VII века. Типично для Голливуда, по-прежнему захватывающе по сюжету, однако уже слишком далеко от записок ибн Фадлана.

и воюют **только на кораблях**. Наконец, то же самое пишет хазарский каган, который, не пуская русов через устье Волги в Каспийское море, тем самым, по его утверждению, спасает от их безобразий арабский мир, поскольку, к великому счастью для этого мира, напасть посуху русы не могут, **потому что не ездят на конях**.

Конечно, Голливуд он и есть Голливуд, никому ничем не обязанный, в том числе и соблюдать историческую правду в своих кинофильмах. (Хотя, честно говоря, хотелось бы. Ленты-то художественно неплохи, а технически просто прекрасны, и для огромного большинства обывателей, не склонных предаваться чтению, они — единственный источник представлений о прошлом.) Но беда в том, что и ученый люд не гарантирован от той же беды. Вот и в случае с ибн Фадланом: как уперлись в сожжение бранных останков знатного руса в корабле, так и все, на остальное и смотреть не хотят. Может быть это остальное и кажется мелочами, одежда да татуировка, но в совокупности с нравами и обычаями эти мелочи своей массой уже способны если и не уравновесить пресловутую корабельную кремацию, то по крайней мере заметно поколебать чаши весов. А самое главное, не надо забывать два важных обстоятельства.

Во-первых, все тот же вопрос: насколько можно верить ибн Фадлану? Что в его записках зерна, а что плевели? Что единороги, а что реальность? Вопрос без ответа, но вопрос!

Во-вторых, снова заостряю твое внимание, мой отвлекшийся на кино читатель, на том, кто такие у ибн Фадлана *аль-Баранджар*? Если, например, признать баранджарцев, как предлагал я, варягами, то следует иметь в виду потрясающий факт: **ибн Фадлан нигде не говорит, что русы (ар-Рус) и варяги (аль-Баранджар) — это одно и то же или хотя бы нечто похожее, родственное, большее, чем просто соседи**, и это притом что он лично общался с теми и другими!

Местоительство своих аль-Баранджар ибн Фадлан не указал. Правда, этому может быть неожиданное объяснение, о котором речь пойдет в следующей главе. То, что баранд-

жарцы упоминаются вслед за весью, может быть важным, а может и ничего не значить. Особой стройностью и порядком изложение записок не отличается. Но если все же соседство баранджарцев с весью у ибн Фадлана не случайно, оно прекрасно согласуется с современными представлениями археологов о том, что к началу X века скандинавы освоили верхнее Поволжье в районе Ярославля (Тимирево) и Ростова (Сарское городище). Эти ярославские и ростовские скандинавы вполне могли бы быть баранджарцами ибн Фадлана. Сюда просится еще один комментарий Йакута: *«Итиль — имя огромной реки, подобной Тигру, в странах хазар. И протекает она по странам русов и Булгара»*.

Значит, Йакут считает, что русы живут на Волге, вероятно по соседству с булгарами. Правда, ценность этого утверждения не слишком велика. Во-первых, мы уже знаем, Йакут готов уличать во вранье ибн Фадлана, но и сам совет — недорого возьмет. Во-вторых, он признается, что сделал этот вывод сам из записок ибн Фадлана. Но другого вывода не может сделать никто, прочитавший эти записки. Как иначе русы могут приплывать в Булгар на кораблях по Волге?

Но если русы не баранджарцы, то есть не варяги, то где они должны были обитать? В Киеве? Ладно бы, но это же не на Волге, а на Днепре! Ладно бы, но почему в Киеве не найден «дворец» русского владыки начала X века? Ведь, коли верить ибн Фадлану, сооружение-то было о-го-го! Да что там какой-то дворец, до сих пор не найдены города, столицы: ни «город Игоря», ни «город Ольги», ни «город Святослава»! Археологически городская история Киева начинается только с «города Владимира», то есть с самого конца X века.

И еще о баранджарцах-баланджарцах. Можно допустить, что ибн Фадлану вовсе не обязательно было встречаться с ними, чтобы сделать персонажами своего повествования. Он просто не мог их не упомянуть.

Знаменитая «История» ат-Табари появилась где-то в 914–915 годы, то есть **перед путешествием ибн Фадлана**. К сожалению, она до нас не дошла и известна только в изложении Балами, визиря саманидского правителя Хорасана, на

персидском языке. В этом переводе-изложении Балами оставил потомкам в частности следующий пассаж.

«Был в те времена [речь идет о 644 годе (!)] в Баб-аль-Аб-вабе [Дербенте] правитель по имени Шахрияр [иначе Шах-рбараз], который согласился заключить мир с ар-Рахманом [командующий арабским войском Абд ар-Рахман ибн Рабия] с условием, что не будет платить тому дани, объясняя это следующим. По словам Шахрияра, его владения находятся между двумя врагами: хазарами и русами, которые на самом деле представляют собой извергов всего мира, в частности арабского. Никто кроме его народа не может противостоять им, поэтому вместо выплаты дани Шахрияр со своим народом и своим оружием будет бороться с русами, не давая им выйти за пределы своей станы, и это должно рассматриваться арабами в качестве ежегодной дани. Разобравшись в вопросе, Умар [второй из начальных Праведных халифов Умар ибн аль-Хаттаб, правил в 633–644 гг.] лично решил принять предложение Шахрияра, поскольку к тому времени стало нормой позволять владыкам стран, расположенных в горных долинах, вместо выплаты дани сдерживать своими силами напор неверных, охраняя от них мусульманский мир [в ранге «пограничного начальника»]. Однако ар-Рахман предложил одним смелым рейдом покорить обитателей долин и городов в них и обратить их всех в мусульманство, на что Шахрияр возразил, что с этим народом лучше не связываться. Тогда ар-Рахман заявил, что он тем не менее отправится в поход, потому что за страной русов и джуран находится государство и многие города, называемые Баланджар, а еще далее за ними находится стена, воздвигнутая далеко на востоке Искандером Двурогим против Яджуджа и Маджуджа. И ар-Рахман вторгся со своим войском через горные проходы вглубь страны Баланджар на 200 парсангов, обратил множество их городов в ислам и вернулся обратно в Дербент».

Большинство историков считают этот пассаж анахронизмом и полагают, что текст относится не к VII, а X веку и отражает представления арабского мира о русах после их на-

падения на Бердаа. Возможно, это и так. Правда, остаются две странности. Во-первых, странно точное указание 644 года, откуда-то оно взялось? Во-вторых, захват русами Бердаа имел место в 945 году, то есть после того, как ат-Табари закончил свой труд. Правда, остается возможность того, что автором процитированного пассажа является не ат-Табари, а его «соавтор» Балами, для которого события в Бердаа были еще довольно свежим прошлым.

Любопытно, как факт, что даже если мы имеем дело со вставкой Балами X века, тот безусловно считал русов обитателями Северного Кавказа. Этот отдельный вопрос, очень интересный, но тонкий и даже, я бы сказал, опасный, к сожалению выходит за рамки повествования ибн-Фадлана. Поэтому оставим его, мой целеустремленный читатель, и, возвращаясь к нашим баланджарцам, обратим внимание на глубину проникновения доблестных войск ар-Рахмана на север за Кавказский хребет. 200 парсангов — это, между прочим, более тысячи километров! Если отложить на карте эту тысячу километров вверх от Дербента, то мы прямехонько попадем примерно в те края, где наш Хасан-Алмуш-Балтавар гостеприимно встречал халифское посольство. И выходит, что земля эта, согласно авторитетам ат-Табари и Балами, как раз та, на которой жили русы и баланджарцы! Так что достопочтенному ибн Фадлану совсем не обязательно было встречать в земле «славян» живых русов или баланджарцев, достаточно было почитать перед путешествием (или даже после него) ат-Табари. Дорисовать остальное достаточно богатой, как мы уже не раз имели возможность убедиться, фантазии автора не составляло труда. Правда, домыслить картину похорон знатного руса, пожалуй, выходит за пределы ее возможностей. Так что русов, скорее всего, ибн Фадлан действительно встречал, на русских похоронах мед-пиво пивал, а что касается баранджарцев... В принципе в записках ибн Фадлана об аль-баранджар нет ничего такого, что однозначно свидетельствовало бы о личных контактах. Здесь встречаем только устоявшиеся штампы без какой-либо этнографической конкретики, бросающейся в глаза при описании джурджан,

гузов, башкир, болгар или русов. Также следует принимать во внимание, что, с учетом процитированного пассажа ат-Табари, в представлении арабов того времени **баланджарцы должны быть большим обращенным в ислам народом** и, при этом, **соседями русов**, а те и другие вместе — преддверием обиталища Яджуджа и Маджуджа. И всего-то! Так что ибн Фадлан ничего особенного не придумывает, а просто честно следует этой установленной не им традиции. Это касается и единорогов, и ифритов, и баранджарцев, и Яджуджа с Маджуджем. Поэтому, наверное, все же ибн Фадлана, мой утомленный восточной премудростью читатель, тебе лучше читать не столько как этнографические заметки, сколько как волшебную сказку. И только. Точно так же, например, «Повесть временных лет» должна читаться как повесть, а не как летопись. В конце концов, согласись, мой уступчивый читатель, читать повесть, а тем более сказку интереснее. Не правда ли?

Но и сказке приходит конец (а кто слушал, да еще и слушался, — молодец!). Второй раунд наших с тобой чтений, мой может быть не готовый к такому финалу читатель, заканчивается. Пора и честь знать. За отсутствием Бэрримора я лично подам тебе зонтик и запру за тобой дверь. Прощай, мой верный приходящий в себя под морозящим дождем читатель, мир тебе в нашем отнюдь не мирном мире! Доведется ли нам встретиться вновь? Надеюсь, что да. Но уже без нашедшего свое счастье в смятой пивной банке во глубине Баскервильских подвалов Хоттабыча и без далеких от нас в пространстве и времени халифа аль-Муктадира, посла Мухаммеда ибн Сулеймана и его клиента Ахмеда ибн Фадлана, мир с ними со всеми!..

ЧИТАЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

ЗАВЛЕЧЕНИЕ

Это третья наша с тобой встреча, мой закаленный читатель-подвижник, в сумрачной гостиной Баскервиль-холла. Мы уже промурыжили под обиженное бормотанье Бэрримора начало «Повести временных лет», а затем под демонический храп старика Хоттабыча путевые записки ибн Фадлана о его путешествии к поволжским «славянам». И вот с моей стороны новое завлечение в Баскервиль-холл, теперь на Константина VII Багрянородного, византийского императора середины X века.

Сей император вошел в историю скорее как заслуживающий внимания писатель, чем заслуживший уважение монарх, потому видимо и его труд «Об управлении империей», к которому мы обращаем свои взоры, представляет скорее интерес познающему историю, чем пользу постигающему азы самодержавия. Во всяком случае, основному адресату, сыну Роману, этот труд не помог: тот был сначала оттеснен от трона своим тезкой дедом, а затем после всего трех с небольшим лет царствования и вовсе лишен власти военачальником Никифором Фокой. Судьба Романа, впрочем, была весьма типичной для правителей Византии, в частности из македонской династии, о которой для тебя, мой уже привыкший к точности читатель, даю справку, для чего у нас, как и прежде, под рукой разные энциклопедии, в том числе Большая советская (далее БСЭ):

«Македонская династия — династия византийских императоров (867–1056). К М. д. принадлежали: Василий I Ма-

кедонянин (правил в 867–886), происходил из крестьян фемы Македония (отсюда его прозвище и название династии); Лев VI (886–912); Александр (брат Льва VI) (912–913); Константин VII Багрянородный (сын Льва VI) (913–959); Роман I Лакапин (тесть Константина VII) (920–944) — соправитель Константина VII, узурпировавший фактически всю власть; Роман II (сын Константина VII) (959–963); Никифор II Фока (963–969) захватил престол в результате мятежа малоазийской военной знати, женился на вдове Романа II; Иоанн I Цимисхий (969–976) пришёл к власти после аристократического переворота, женился на дочери Константина VII; Василий II Болгаробойца (сын Романа II) (976–1025); Константин VIII (брат Василия II) (1025–28); Роман III Аргир (1-й муж Зои, дочери Константина VIII) (1028–34); Михаил IV Пафлагон (2-й муж Зои) (1034–41); Михаил V Калафат (племянник Михаила IV, усыновленный Зоей) (1041–42); Зоя и Феодора (дочери Константина VIII) (1042); Константин IX Мономах (3-й муж Зои) (1042–55); Феодора (1055–56).

Наш интерес к «багряно урожденному» Константину Львовичу объясняется очень просто: он правил во времена становления Киевской Руси, и его свидетельства, касающиеся этого процесса, чрезвычайно ценны. Ценность эта к тому же многократно усиливается тем печальным фактом, что документов такого рода в распоряжении историков ничтожно мало. Практически все наши представления о Киевской Руси и процессах образования русского государства основаны на единственном источнике — «Повести временных лет», который у нас почему-то считается летописью. В наших предыдущих совместных чтениях я убеждал тебя, мой неискушенный читатель, что это не летопись, а беллетристика на исторические темы, которая ни в коем случае не может служить надежным основанием для реконструкции реальной истории становления Киевской Руси. Тем не менее, за неимением других отечественных источников того времени к этому художественному произведению я все же вынужден буду время от времени обращаться, по-прежнему на-

зывая просто «Повестью» все с той же целью подчеркнуть его беллетристический характер и, к тому же, следуя намерениям самого его автора, не раз подчеркивавшего в тексте, что пишет он **повесть**.

Вследствие недостаточности местных исторических источников особенно ценным становится все, что написано о Киевской Руси за ее пределами. Ценность написанного «иностранными» авторами тем больше, что вследствие естественной отстраненности их свидетельства не ангажированы, лишены апологетики и пристрастности «Повести», не испытывают постоянного давления заранее выстроенного сюжета, а потому в целом более достоверны. После записок ибн Фадлана 922 года следующими такими документами оказываются два труда Константина Багрянородного «О церемониях при византийском дворе» и «Об управлении империей», соответственно времени правления самого императора относимые к середине X века.

Труд «О церемониях при византийском дворе» интересен только тем, что подтверждает реальность существования княгини Ольги «Повести», прием которой в константинопольском дворце описан как один из примеров византийских придворных церемоний. Попутно полезно заметить, что вся Македонская династия правила параллельно с первыми реальными князьями и княгинями древней Руси: Роман Лакапин был искусителем и экзекутором¹ Игоря, Константин VII — современником гостившей у него Ольги, а Иоанн Цимисхий — противником и победителем Святослава. «О церемониях при византийском дворе», труд сам по себе скучный до нудности, мы с тобой, мой вечно куда-то спешащий читатель, даже не будем открывать, а из всего творческого наследия Багрянородного возьмем только одну главу из другого опуса, «Об управлении империей», девятую, целиком посвященную древней руси, или росам, как они по ви-

¹ Согласно «Кембиджскому анониму», соблазненный Лакапином Игорь вероломно напал на Хазарию, потерпел поражение и был вынужден хазарским военачальником обратить оружие против соблазнителя, после чего все тот же Лакапин устроил Игорю показательную порку «греческим огнем».

зантийской традиции называются в самом тексте, которая так и озаглавлена: «О росах, отправляющихся с моноксилами¹ из России в Константинополь». Поскольку она не из самых коротких, мы с тобой, мой рациональный читатель, позволим себе, как это уже практиковали раньше, делать только наиболее важные и интересные извлечения... для последующих развлечений. Хотя, какие уж тут развлечения без Бэрримора с его разнообразными, но быстро иссякающими наливочками и миссис Бэрримор с ее однообразными, но неиссякаемыми закусочками к ним? Наш дворецкий, который и раньше не отличался хорошим слухом, вряд ли услышит наши призывы с канарских пляжей, возвращаться с которых на промозглую родину он явно не спешит. Зато по старой памяти к нам на огонек неожиданно заглянул доктор Ватсон, еще не забывший времена героической борьбы с Баскервильским псом. Интересно, что на сей раз повлекло его в гримпенские топи девонширской глухомани? Я конечно не Шерлок Холмс, но судя по физиономии Ватсона, которую тот старательно прячет в широкий шарф, доктор просто сбежал от своего старого друга, изрядно покусанный его пчелами — новым увлечением ушедшего на покой великого сыщика. Что ж, джентльмены, не будем обращать внимание на личности, тем более пребывающие не в лучшем своем виде.

— Заходите, доктор, раздевайтесь. *How do you do!*²

— *Hi foul scribbler! Oh, shits, my muffler is sooty!*³

О, времена, о нравы! Образцовый английский джентльмен, не успев войти, ругается, как последний извозчик. Впрочем, действительно у нас грязновато. Огонек Баскервиль-холла, на который заглянул мой коллега по писательскому ремеслу, сильно чадит из-за давно не чищенной каминной трубы. Да и подмести некому. А что поделаешь? Придется все это Ватсону проглотить. Благо, чем все это запить, у нас найдется.

¹ *Моноксилы* — дословно по-гречески «однодеревки» — лодки, основа которых выдалбливалась из ствола одного большого дерева.

² *Здравствуйте! (Англ.)*

³ *Привет, мерзкий писака! Ах, черт возьми, мой шарф весь в саже! (англ.)*

— It is not worth bothering, doctor, everything is sooty here. You've just daubed your beard as well¹.

— Oh, my beard! — Ватсон бросается к зеркалу, на ходу опрокидывая колченогий столик, уставленный пивными банками. — Oh, my Lord, I'm all beered now!²

— Тем более не стоит беспокоиться! Здесь все в саже и пиве, так что без церемоний садитесь, доктор, и наливайте себе. «ПИТ» — это, конечно, не портер, не гиннесс и даже не эль. Он... гораздо лучше.

А ты, мой слегка недовольный виртуальный читатель, изволь подвинуться и освободить джентльмену место у камина. Это древнее сооружение, хоть и чадит, но немного греет. Тебе же вследствие твоей виртуальности сырость не страшна, не то что изнеженным англичанам вроде Ватсона и теплолюбивым джинам вроде Хоттабыча.

Ну вот, кажется все худо-бедно устроились. Можно с книгой «Об управлении империей» в руках погружаться в стародавние времена, болтающиеся где-то почти посерединке между современностью и Рождеством Христовым.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ

Полдюжины императорских загадок

Да будет известно, мой вертящийся в продавленном, протертом и вообще неудобном кресле гостиней Баскервиль-холла гость, что с этих самых слов багрянородный писатель начинал все главы штудируемого нами труда, в том числе и открытую нами девятую: «*Да будет известно, что приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендостлав,*

¹ Не стоит беспокоиться, доктор, тут все в саже. Вы только что испачкали свои усы и бороду. (Англ.)

² О, моя борода... О, Боже, да теперь я весь в пиве! (Англ.). Здесь английский юмор Ватсона дополняется хорошей игрой слов: beard [биэд] — «борода» и beered [биэд] — «залит пивом».

сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда».

И уже в первом предложении мы с тобой, мой еще толком не усевшийся читатель, встречаемся с **первой загадкой** императора — Внешней Росией (ἐξω Ῥωσία), загадкой достойной самого Шерлока Холмса, в нашем случае в лице доктора Ватсона, к сожалению, порядком искусанном.

Советско-росийская официальная история вслед за А. Насоновым всегда стремилась отождествить Русскую землю «в узком смысле» с некой «внутренней» Русью, включавшей Киев, Чернигов, Переяславль и их окрестности, и противопоставляла ей «внешнюю» Русь Багрянородного, в которую отходили в первую очередь Новгород, а также все прочие города за пределами собственно Русской земли «в узком смысле». Между тем оригинальный текст Багрянородного, прочти его еще раз, мой не признающий авторитетов читатель, упорно противится такой трактовке. Константин недвусмысленно включает во «внешнюю Росию» не только один из основных городов Русской земли «в узком смысле» — Чернигов (Чернигога), но даже расположенный всего в 15 километрах от Киева Вышгород (Вусеград)! Попытки спасти положение утверждениями типа того, что «внешняя» Русь Багрянородного *«противопоставлена не Киеву, а самому Константинополю (приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы)»*¹, лишь усугубляют дело, поскольку на самом деле, если читать текст непредвзято, сам Киев тоже противопоставлен Константинополю, ведь именно оттуда в конечном счете, как следует из дальнейшего текста, отправляются моноксилы в Византию. То есть, как ни верти, Киев наравне с другими городами тоже должен входить во «внешнюю Росию». Если не подгонять решение под ответ, то следует признать, что вся Русь, которую мы зовем Киевской, в самом широком ее смысле, определяется Константином Багрянородным как «внешняя». Что неизбежно порождает вопрос, который мы не преминем задать доктору Ватсону:

¹ К. Егоров. Образование Киевской Руси // <http://oldru.narod.ru>.

— Где же тогда располагалась предполагаемая «внутренняя» Русь?

— Wel-l-l — I guess it has been situated— inside, hasn't it?¹

И вдруг без всякого перехода доктор добавляет на достаточно понятном русском языке:

— Не будете ли любезны передать еще баночку?

Вот на что, мой обомлевший читатель, способен в соответствующих дозах «ПИТ»!

Баночку я, конечно, передам, но это же не решение вопроса. Решением могла бы быть все та же «черноморская Русь», вроде бы существовавшая где-то в районе Керченского пролива и, следовательно, расположенная ближе к Константинополю, чем Киевская. Та самая «внутренняя» приазовская Русь, из которой (а) Игорь захватил соседний Самкерц² и, понуждаемый победившим его Песахом, затем напал на Византию (по тексту «Кембриджского анонима»); в которую (б) он удирал после уничтожения его флота греческим огнем (по византийскому историку Льву Диякону³); которая (в) не имела права нападать на Корсунь (Херсонес Таврический) и, более того, должна была защищать Корсунь от черных булгар (по договору с Константинополем Игоря, а затем и Святослава).

В контексте пункта (в) этого перечня полезно обратить внимание на еще одну фразу, которая нам встретится далее по тексту: *«Росы, направляясь в Таврику, проходят от Днепра путь через Черную Булгарию и Хазарию...»* То есть на Корсунь приднепровская Русь и напасть-то не могла, не потревожив хазар и черных булгар, а уж защищать Херсонес от Черной Булгарии, территория которой лежала между Кие-

¹ Ну-у-у... Полагаю, что она располагалась... внутри, а разве нет? (англ.)

² Самкерц большинством ученых отождествляется с Таматархой (Тмутараканью), впрочем без обоснований и объяснений. Но Самкерцем могла быть современная Керчь («замок Керц»?). Более того, это наиболее вероятно, если Игорь нападал на этот загадочный Самкерц как раз из Таматархи.

³ У Льва Диякона Игорь удирает к Керченскому проливу, что, увы, не решает спор о его резиденции между Таматархой и Керчью, но явно исключает Киев.

вом и Крымом, и подавно. И тем не менее договор обязывает Игоря Херсонес защищать. Это было очевидно невозможным из Руси Киевской, то есть «внешней», но, вероятно, достаточно реальным из Руси «внутренней». Не могли же все поголовно правители Византии быть идиотами! Следовательно эта «внутренняя» Русь должна была существовать, скорее всего, **между** Херсонесом и черными булгарами, то есть на Черном или Азовском море.

— Вы правы, дорогой доктор, «внутренняя Россия» должна была быть **внутри** греческой ойкумены. И Керченский пролив, он же устье Русской реки у арабов, где греки основали свои первые колонии не позже VI века до н.э., вполне подходит для этой цели.

Здесь же, в первой цитате нас ждет и **вторая загадка** — Немогарда (Νεμογάρδα). Общепринята трактовка Немогарды как Новгорода, либо как простого искажения привычного нам имени, либо как производного от *Невогарды, имея в виду древнее название Ладожского озера — Нево. Если принять, по одному или другому основанию, такое соответствие, то Багрянородный дает нам очень интересную и важную информацию: Святослав (Σφενδοσθλαβος) Игоревич княжил в Новгороде, о чем даже не заикается «Повесть». Так что же, традиция отсылать сына, будущего преемника великокняжеской власти, из Киева на «стажировку» в Новгород берет начало не со Святослава¹, а еще раньше, с его отца Игоря? Получается, что так. Точнее могло бы получиться при выполнении сразу двух условий: во-первых, если бы Святослав на самом деле княжил в Новгороде, и во-вторых, если бы Игорь действительно княжил в Киеве. Но, увы и ах, во времена, когда багрянородный монарх написал свой труд, Новгорода еще физически не существовало. Как утверждает неподкупная и равнодушная к буйствам национальных чувств археология, в то время будущий Господин Великий Новгород еще только-только зарождался, его и городом-то назвать было нельзя, а

¹ В «Повести» Святослав посылает в Новгород сына Владимира, а тот, заняв великокняжеский стол, в свою очередь отдает новгородское княжение сыну Ярославу.

уж на роль стольного града, княжеской резиденции младенец-Новгород не тянул и подавно. Так что Немогарда могла быть либо Ладогой, либо Рюриковым городищем, либо еще чем-нибудь, о чем мы даже не подозреваем. Однако еще интересней вопрос: где княжил сам архонт Игорь (αρχωντος Ἰγῳρ)? Вот этого Константин так нам и не сказал. Жаль! А то бы мы наконец узнали, где все-таки располагалась «внутренняя Россия», была ли она все же приднепровской, таинственной приазовской или какой-нибудь еще Русью.

Крепость **Милиниска** первой цитаты почти единодушно трактуется специалистами как Смоленск, причем, судя по археологическим данным, речь идет не о современном Смоленске, а о Гнездове. Не вызывает сомнений и отождествление **Чернигоги** с Черниговым, а **Вусеграда** с Вышгородом. Не идентифицированы однозначно **Телиуцы**. Наиболее частое сопоставление их с Любечем выглядит абсолютно некорректно не только из-за явной непохожести названий, но, главное, потому, что археологически Любеч возникает не ранее XI века и во времена Багрянородного еще не существует даже «в проекте». Таким образом, перед нами уже **третья загадка** императора.

Как я уже отмечал в предыдущих своих исследованиях, автор «Повести» разбрасывает по просторам древней Руси множество городов, которых археологи упорно не находят. На самом деле для середины X века археология нам предоставляет столь ограниченный выбор реально существовавших на Руси городов, что для этих Телиуц по существу и выбирать-то нечего кроме Полоцка. Поразительно, но я нигде не встречал такого варианта сопоставления, хотя созвучность Теулицам Полоцка по крайней мере не хуже Любеча! А если еще добавить конъектуру Τεου... → Пов..., то есть предположить, что искривившаяся палочка от прописной **Π** превратилась в строчную **ε** при заглавном **Τ**, то Теулицы легко и непринужденно превращаются в Пулицы... Но тут я останавлиюсь, чтобы не вторгаться в чересчур профессиональную область и заодно пощадить чувства доктора Ватсона и твои, мой нахмурившийся читатель.

«Итак, все они [моноксилы] спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самват».

Четвертая загадка императора — Крепость Киева Самбат или Самват (Σαμβατας).

Сколько различных объяснений выдвинули ученые этому загадочному Самбату! Тут и чей-то «гадатель по звездам», и армянское имя Самбат, и еврейская река Самбатион, и даже «субботний рынок». Отдельно выделю объяснение из ивритского *шаббат* — «суббота», на почве которого я сам в свое время приложил руку к попыткам решения этой загадки, предложив этимологию из венгерского *szombat* [самбат] — «субботний → воскресный», производного как раз от *шаббат*. Весьма интересно и просто (а простота всегда привлекает!) объяснение Г. Мокеева, что *«Городец на Почайне и был назван Константином Багрянородным Самбатом очевидно по аналогии с портом Самбат в Константинополе за бухтой Золотой Рог (за Судом)»*. Наконец, весьма расхожее объяснение из якобы хазарского (булгарского) *Сам + Бат* — «высокая крепость». Бог знает, что за специалист в хазарско-булгарском языке это сказал и откуда он это взял? Но до чего же красиво! Ведь, если такая этимология соответствует истине, то по существу высокая крепость — это... Вышгород. Тут самое время вспомнить, мой следящий за научной литературой читатель, что первые русские археологические подтвержденные города располагались не на том месте, где находятся их современные преемники, а по соседству. Таковы пары Гнездово → Смоленск, Сарское городище → Ростов, Тимирево → Ярославль и Рюриково городище → Великий Новгород. Тогда почему бы не продолжить список парой Вышгород → Киев? Совсем не невозможно. По крайней мере, по совокупности всех известных летописных данных с большой степенью вероятности можно утверждать, что резиденцией княгини Ольги был именно Вышгород, в то время как присутствие ее и всех князей до Владимира I в Киеве остается под большим вопросом из-за более чем скромных результатов многолетних тщательных (еще бы!) археологических изысканий в киевской земле.

Но отождествлению Самбата с Вышгородом есть бросающееся в глаза препятствие, которое наверняка заметил доктор Ватсон.

— Так как же, доктор, заметили?

— Я заметил, что мне почему-то стало трудно выражаться.

— Еще бы, доктор, ведь Вы выражаетесь по-русски... Да не озирайтесь так испуганно, тут заметить Вашу оплошность просто некому.

— Хм, а этот Ваш развалившийся в кресле виртуальный читатель?

— Так он же плод фантазии, фантом. В любом случае, доктор, Вы можете целиком положиться на его скромность. Да и вообще о чем мы говорим? Обстановка у нас настолько дружески непринужденная, что не пора ли, доктор, перейти на «ты»?

— Ага, — доктор лихо закидывает за спину свой почерневший от сажи шарф, чтобы не мешал, и как ни в чем не бывало протягивает руку: — дай-ка еще пару банок!

— На здоровье, Джонни¹!

С Ватсоном все ясно, а вот не переоценил ли я твою скромность, мой может быть не слишком воспитанный, но безусловно внимательный читатель? Конечно, за скромность поручиться не могу, но в твоей наблюдательности я уверен: ты заметил то мешающее отождествлению Самбата с Вышгородом препятствие, которое миновало внимание простодушного Ватсона. Ну конечно, Вышгород встречался в этом же тексте предложением ранее под «своим» именем Вусеград! Действительно серьезное препятствие, только вряд ли достаточное, чтобы сразу отметить смелое предположение. Хотя оба имени, Вусеград и Самбат, расположились в соседних пассажах, те не образуют единого целого и относятся к разным смысловым группам, полученным, скорее всего, от разных информаторов и поэтому соединенных по смыслу с помощью вводного слова «итак». Недаром еще

¹ Это мало кто это знает, но полное имя доктора Ватсона — Джон Хэмиш. Кстати, Ватсон был ирландцем, так что «ПИТ», похоже, не уступает Murphy's.

Д. Оболенский выделял список городов в первом предложении как отдельную составную часть текста. Эkleктичность труда Багрянородного очевидна и общепризнана. Разнородность источников информации о Руси наглядно проявляется, например, в множественности названий Киева: то **Киова** в только что приведенной цитате, то **Киова** в следующей, то, как встретится еще далее, и вовсе **Киав**. Познания Константина о географии Поднепровья вряд ли сильно отличались от познаний доктора Ватсона, поэтому он тоже не мог заметить это «противоречие». А значит, появление в тексте Вышгорода под двумя разными именами вполне возможно. Тем более что на самом деле даже и не разными, а одним и тем же, но на двух разных языках, хазарском и славянском, что реально отражало этнический состав населения Киевщины X века.

«Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти водоемы впадают в реку Днепр, то и они из тамошних мест входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для оснастки и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву, который является крепостью-пактиотом россов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр».

Слово *пактиоты* обычно переводится как «данники». То есть славян Багрянородный представляет как данников россов, причем всех славян в совокупности, а именно (как уточняет сам автор): хорошо известных по нашим летописям **древлян** (Δερβλενίνοι), совершенно не известных нашим летописцам **лендзян** (Λεντζενίνοι) и **прочих славян**. Здесь есть над чем поразмыслить.

— Не правда ли, Джон? Да ладно тебе, я же шучу. И не вытирай подлокотник шарфом, не забывай, что он весь в саже. Да что же ты, Ванюша, опять дергаешься? Ничего страшного! В общем, забудем, не бери в голову.

Конечно же не все славяне были данниками россов. Вряд ли кто сомневается, что западные славяне — ободриты, лужичане, поляки, чехи и моравы — знать не знали этих самых россов и не могли быть их *пактиотами*. Правда, нельзя с уверенностью утверждать, что византийский император, хотя и неплохо для своего времени подкованный в географии, вообще знал об их существовании. Но ведь точно так же не были данниками россов и южные славяне: сербы, хорваты, болгары и македонцы. А этих славян византийцы не знать не могли, поскольку были их соседями и их тесное знакомство длилось уже не менее трех веков. Так что «славинии» Багрянородного скорее всего подразумевают только восточных славян и, на мой взгляд, могли бы быть сопоставлены со Славией арабских географов, которая как одна из трех «категорий» русов у арабов так или иначе противопоставлялась двум другим «категориям», Куябе и Артании.

Возможно точное значение слова *пактиот* не совсем соответствует русскому «данник». Допускаю, что Константину непросто было найти термин для однозначного отражения реальных взаимоотношений россов и славян. Эти отношения раскрываются самим текстом в двух местах. Первое — только что приведенная цитата. Славяне, срубившие монокилы, то есть одnodеревки, а точнее только их килевые одnodеревные основы, сплавляют их по Днепру к Киеву и там **продают** россам, которые достраивают эти основы, наращивая борта, приделывая уключины, мачты и так далее. Значит, между славянами и россами существовали определенные торговые отношения, скорее равноправные, чем просто даннические.

Второе место, характеризующее взаимоотношения между россами и славянами, встретится нам в свой черед, и тогда мы вновь вернемся к этому вопросу. А пока продолжим решение четвертой загадки, множественности названий Кие-

ва. А на самом деле может быть даже не Киева, а Киевщины? Мы уже читали, что «моноксилы сходятся в крепости Киоава», а теперь Константин уточняет, что они же, будучи подготовлены к сплаву по Днепру, «отправляются в Киову». Согласись, мой внимательный читатель, все это выглядит так, как будто эта Киова — название не города, а местности, страны. И это вполне созвучно принятому у арабов делению древней Руси на три области: Куябу, Славию и Артанию.

А теперь наступает очередь **пятой** и, пожалуй, самой интригующей **загадки** Багрянородного о «русском» языке середины X века.

«Прежде всего они [россы в моноксилах] приходят к первому порогу, нарекаемому Эссуни, что означает по-росски и по-славянски “Не спи”. Порог этот столь же узок, как пространство циканистирия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моноксилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая их шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки.

Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит “Островок порога”. Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает “Шум порога”, а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны.

Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноксилы по сию сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моноксилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает "Кипение воды", и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как "Малый порог"».

Не надо, мой обалдевший читатель, пытаться знаками показать мне, что ты давно перестал что-либо понимать. У меня самого голова идет кругом. Да и доктор даже не пытается изобразить понимание, отдавая все свое внимание российскому пиву. Поэтому отложим разбор этого интригующего места до третьей части, где посвятим отдельные разделы и днепровским порогам, и «русскому» языку.

«После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг дуба, а другие — кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми».

Эту цитату мы с тобой, мой памятливейший читатель, встречаем уже второй раз. Я ее приводил по случаю при чтении записок ибн Фадлана для сравнения верований и обрядов фадлановских русов с константиновскими росами. Они дейст-

вительно похожи. Ну и что? Максимум, что из чего следует, это возможная идентичность русов арабов с росами византийцев, в чем и так вряд ли кто сомневается. Важнее было бы извлечь какую-нибудь существенную информацию о самих росах, а это непросто. Жертвенная еда тривиальна, поскольку каждый жертвует часть пищи, которую ест сам. Неоправданно много уделялось внимания петушину жребию как якобы характерному обычаю россос. На самом деле этот обычай был весьма распространен среди разных народов, в частности европейских. Наиболее ранние известные его проявления связаны, пожалуй, с кельтами. Возможно именно благодаря потомкам кельтов в своеобразной форме этот обычай дожил вплоть до наших дней в Соединенных Штатах, где каждый год в День Благодарения режутся и съедаются миллионы индеек, но одна-единственная отпускается живой и невредимой лично президентом.

Единственным не подлежащим сомнению выводом может быть лишь один: **в середине X века росы Багрянородного были язычниками.** Но этот вывод оборачивается еще одной, уже **шестой загадкой императора.** По более раннему свидетельству другого константинопольского иерарха, патриарха Фотия, русь была крещена еще в конце второй трети IX века, почти сразу после знаменитого нападения на Константинополь 860 года. Язычество руси Константина может мирно ужиться с христианством руси Фотия, пожалуй, только при одном единственном условии, а именно если речь в этих двух случаях идет о разной руси. Например, о «внутренней», черноморской, ближней к Византии и потому давно крещеной, и «внешней», днепровской, от Византии удаленной и потому все еще пребывающей в язычестве. Ну что ж, пожалуй, мы имеем еще одно доказательство, что вся Киевская Русь, как мы с тобой, мой проницательный читатель, догадались несколько раньше, — Русь «внешняя».

«Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в поля, что именуется “кружением”, а именно — в Славинии

вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами россов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают их и отправляются в Романию».

А вот и второе место, где раскрываются некоторые подробности образа жизни россов и их взаимоотношений со славянами, выражаемых прижившимся в исторической науке термином *полюдь*. Этот термин на самом деле является глоссой, вошедшей в научный оборот именно из приведенной только что цитаты. Ах, да, тебе, мой читатель-дилетант, незнакомо слово *глосса*. Что ж, БСЭ по-прежнему под рукой: «*Глосса (от греч. glossa — язык, наречие, диалектное слово или выражение) перевод или толкование непонятого слова или выражения преимущественно в древних памятниках письменности... Т.н. Мальбергова Г., состоящая из отдельных франкских слов и выражений, присоединённых к латинскому тексту Салической правды, является самым древним памятником германского языка, а Рейхенауские Г., присоединённые к латинской Библии, — первым памятником французского языка. С 17 в. Г. начинают изучать как ценный материал для языковедения...*»

То есть, простыми словами, Константин пишет в тексте *полѹбѹ* как звуковое воспроизведение иностранного слова греческими буквами, поясняя его переводом *γύρα* — «кружение». Таким образом, византийский император первым донес до нас звучание древнего славянского слова и дал краткую характеристику существа *полюдь*. По Багрянородному, *полюдь* сводилось к «кормлению» россов в течение всей зимы в землях их пактиотов славян. Можно также догадываться, хотя прямо это не сказано, что кормлением как таковым дело не ограничивалось, иначе непонятно, откуда у россов по весне берутся товары, которые они везут торговать в Византию.

Более конкретно занятия росов в землях их пактиотов раскрывают арабские историки. Хотя они не используют тер-

мин *полюдь*е, вряд ли стоит сомневаться, что именно его они имеют в виду, когда согласно пишут: *«Всегда сто-двести из них [руси] ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся»* (Гардизи); *«русь не имеет пашен, а питается лишь тем, что привозит из земли славян»* (Ибн Русте); *«страна руси граничит с землей славян, первые нападают на вторых, расхищают их добро и захватывают их в плен»* (аль-Мукадасси). То есть, кормление кормлением, на зиму россы в спячку не впадали и зубы на полку не клали, но, отправляясь на *полюдь*е, видать, брали с собой большие сани, которые по возвращении в Киав наверняка оказывались не пустыми. Возможно именно такие сани княгини Ольги, сломавшиеся от переизбытка награбленного и потому брошенные в дороге, удостоились упоминания в «Повести».

Однако *полюдь*ю мы с тобой, мой заинтересовавшийся читатель, посвятим отдельный раздел наших «Развлечений», перейти к которым настало самое время.

Для меня рыться в энциклопедиях всегда было хорошим развлечением. Поскольку читать Константина Багрянородного мы перестали, с твоего разрешения, мой уступчивый читатель, теперь мы будем читать энциклопедии, и все наши совместные развлечения будут начинаться с энциклопедических цитат.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Развлечение днепровскими порогами

«Днепрогэс (им. В.И. Ленина) — гидроэлектростанция на р. Днепре, у г. Запорожья, ниже днепровских порогов. Построена по плану ГОЭЛРО. Установленная мощность ГЭС 650 мВт... Строительство Д. начато в 1927, первый агрегат пущен в мае 1932, торжественное открытие состоялось 10 октября 1932.... Напорный фронт общей длиной 1200 м образует Днепровское водохранилище...»

Вот так через тысячу лет после царствования Константина Львовича Багрянородного напорный фронт длиной в 1200 м, порожденный ударным фронтом первого плана развития народного хозяйства СССР длительностью в пять лет, похерил под водой знаменитые днепровские пороги, и теперь даже старики на берегах Славутича не вспомнят их названий. Страна Советов писала свою новую историю с чистого листа, высарав вместе с прошлым только что свергнутой русской монархии инсинуации византийского монарха, правившего аж тысячу лет назад. Но эти «инсинуации» вновь и вновь всплывают в бесконечном споре норманистов с антинорманистами в качестве неубиенного аргумента первых, от которого вторым оставалось только отмахиваться, стараясь сохранить хорошую мину.

— Джон, как ты относишься к театру?

— Давненько не бывал я в театрах. Помнится, как раз после завершения последнего дела Холмса смотрел «Пигмалион» Шоу¹. Там два старых идиота учили родному английскому языку бестолковую девицу. Умора!

— Весьма актуально. А не обучили ли они ее заодно и языку росов?

— Право, не помню. Я как-то больше в буфете... Кстати, пиво-то еще есть?

Не могу не побаловать тебя, мой в отличие от Ватсона обожающий театр читатель, примером такой талантливой антинорманнистской отмашки в исполнении Н. Васильевой. В своей книге «Русь и варяги» она пишет: «... *“Гиляндри и Варуфорос”*. Именно так, по свидетельству Константина Багрянородного, интеллигентного византийского императора, написавшего трактат *“Об управлении империей”*, назывались днепровские пороги по-русски. Константин приводит двойную систему названий, “по-русски” и “по-славянски”, из чего делали вывод (все те же Байер-Шлецер...), что русские названия — это скандинавские. Между тем назва-

¹ Согласно реконструкции «биографии» доктора Ватсона Л. Клиггером последний раз тот участвовал в расследованиях Холмса в 1914 г.. Б. Шоу написал «Пигмалиона» в 1913 г.

ние первого порога — “Не спи” звучит на “обоих языках” одинаково... Уж не напутал ли чего образованный византиец? Лучшие бы этот император вместо теории занимался практикой управления империей, а то, говорят, был он отравлен собственным сыном по наущению невестки — красотки Феофано, дочери трактирщика...».

Кажется, это проняло даже нашего сдержанного англичанина:

— Но это же... форменные сплетни! Так спорить неспортивно!

Разумеется, неспортивно. Зато очень типично:

— Чего там? Гилянтри и Варуфорос? Дурацкие названия! Ах, да, была там какая-то неприличная, пардон, история с отравлением и трактирщицей...

— Что вы говорите? Любопытно, любопытно, шарман! А что, эта Феофано действительно была красоткой? И дочь трактирщика? Да отстаньте вы со своими порогами! Так, о чем это мы? Ну, да, как же они его отравили?

В итоге из семи названий порогов два только упомянуты и тут же забыты, а выдернуто третье, самое удобное, чтобы тут же увести разговор в совершенно другую плоскость, подальше от порогов (хотя, возможно, и поближе к интересам автора?).

Еще один пример из той же книги: «... “свеоны” послы “Хакана Росов”. Имеется в виду сообщение Вертинских аналов 839 г. о задержанных на территории империи Каролингов неких послых Хакана росов, возвращавшихся от византийского императора. Эти послы, оказавшиеся, как писал хронист, по национальности свеонами, вызвали у норманистов большой ажиотаж: из этого краткого сообщения сделали вывод, что русы шведы!»

Патетика возвышается до трагического надрыва голоса с картинным всплеском рук:

— Право, господа, надо же такое ляпнуть! Ну, сами подумайте, послы русского кагана оказываются шведами, и эти придурки немцы делают вывод, что русь — это шведы! Каково?

— Действительно придурки! На то и немцы...

И вот, по углам прошуршали многозначительные смешки, мелькнули понимающие улыбки, и все, больше о послах ни слова. Неприлично, господа, неприлично!

Кстати, насчет приличий неплохо бы справиться у хорошо воспитанного англичанина:

— Это же элементарно, Ватсон! Дураку ясно, что если послы у кагана шведы, то его подданные никак шведами быть не могут! А что сказал бы в этом случае Шерлок Холмс?

— Дураку может быть и ясно, — как-то неуверенно начинает наш гость, — но я ничего не понимаю. Если послы были шведами, то наверно и послал их тоже шведский каган...

И вдруг спохватившись, Ватсон добавляет:

— Хотя Холмс, следуя своему дедуктивному методу, всегда предостерегал от очевидных, но поспешных выводов!

Ну что ж, разумно, Ватсон, разумно и достойно ученика Шерлока Холмса. Не будем спешить с очевидными выводами и спорить с Васильевой. Тем более что она и не спорит. Она играет, лицедействует и, надо признать, не бесталанно. Но все же лицедейство не наш профиль, мой любящий театр, но чтящий и историю читатель. Поэтому обратимся к более серьезным оппонентам Багрянородного, держащимся ближе к науке, чем лицедейству.

М. Брайчевский, развивая довольно модную в настоящее время точку зрения Г. Вернадского о сарматском происхождении руси, выдвигает принципиально новый тезис, что *«их [«росских» названий днепровских порогов у Константина Багрянородного] объяснение следует искать не в скандинавской, а в иранской филологии»*. Что и делает.

Самое ценное, на мой взгляд, в рассуждениях Брайчевского — это указание на то, что порядок описания порогов у Багрянородного не соответствует реальной последовательности их расположения по руслу Днепра. Не совпадает и общее количество порогов: семь у Багрянородного против девяти в действительности. Этот факт, на который до Брайчевского не обращалось должного внимания, существенно снижает ценность всего свидетельства константинопольского императора и заставляет с большим скептицизмом относиться

к приводимым им собственно названиям порогов. Видимо рассматриваемый фрагмент текста не является копией или переводом на греческий какого-либо письменного документа, например путеводителя, или хотя бы путевых заметок, а представляет собой фиксацию устных рассказов по памяти каких-то путешественников. Соответственно не приходится ожидать и большой точности в фонетической передаче и семантических комментариях названий упомянутых порогов.

Для наглядности и твоего удобства, мой привередливый читатель, все названия порогов и их нумерация сведены ниже в общую таблицу:

№ у КБ	Название «по-росски»	Название «по-славянски»	Комментарий Багрянородного	Современное название	Факт. порядок
1	<i>Эссули</i>	<i>Эссули</i>	<i>Не сли</i>	Будило	7
2	<i>Ульворси</i>	<i>Островунипраг</i>	<i>Порог с островом</i>	Вовнигский	6
3	—	<i>Геландри</i>	<i>Шум порога</i>	Звонецкий	4
4	<i>Айфор</i>	<i>Неасит</i>	<i>Гнездовые пеликанов</i>	Ненасытец	5
5	<i>Варуфорос</i>	<i>Вулнипраг</i>	<i>Порог с большим озером</i>	Вольный	9
6	<i>Леанти</i>	<i>Веруци</i>	<i>Кипение воды</i>	Сурской	2
7	<i>Струкун</i>	<i>Напрези</i>	<i>Малый порог</i>	Кодацкий	1

Неспешно двигаясь вдоль этой таблицы, мы с тобой, мой ехидный читатель, будем сравнивать общепринятые скандинавские этимологии названий всех порогов с «сарматскими», предложенными М. Брайчевским. Кроме того, позволю себе с твоего позволения добавить кое-где от себя варианты объяснений названий порогов из готского языка. Последнее объясняется не только моей личной давней привязанностью к готам, но и еще одним обстоятельством.

На острове Готланд в Пильгорде (Pilgård) есть рунический камень с такой вот надписью, датируемой концом X века: «*Эти ярко окрашенные камни воздвигли Хегбьярн и его братья Родвисл, Эйстейн и Эдмунд в память о Равне к югу от Руфстайна. Они достигли Айфура*». Здесь, по предположению В. Краузе, Айфур — это порог Айфор Багряно-

родного, а Руфстайн, что по-шведски означает «рваный камень», — название каменной отмели этого порога. Из текста явствует, что четверо братьев с Готланда добрались до днепровских порогов и даже прошли как минимум часть их, до самого свирепого, Ненасытца. О том, что случилось потом, можно лишь гадать, ясно только, что в конце концов братья благополучно вернулись домой и посчитали сам факт достижения порогов достойным воздвижения памятных камней. Также немаловажно, что примерно тем же временем датируются самые ранние находки скандинавских мечей в районе днепровских порогов.

Конечно, достижение готландцами днепровских порогов в конце X века еще не основание, чтобы утверждать, что «росские» названия Багрянородного середины X века следует выводить из готландского языка. Да и готландский язык конца X века — это уже не известный науке готский язык Ульфилы IV века, хотя все еще и не шведский язык, который был навязан жителям Готланда не ранее конца XVII века в результате шведской оккупации в ходе Северных войн. И все же, надеюсь, ты, мой всепрощающий читатель, позволишь мне эту небольшую вольность.

Итак, рассматриваем все пороги в порядке Багрянородного, проводя при этом заочную дуэль норманнистов с М. Брайчевским, местами сопровождая ее моими комментариями из готского, но как бы «вне конкурса», не вмешиваясь в поединок грандов.

Что ж, открываем по банке пива (смелее, Джонни, смелее!) и вперед.

Эссуни (Не спи). Багрянородный дает одно название в качестве как «росского», так и «славянского». Пока что для этого якобы общего имени ничего лучше славянской этимологии «не спи» с учетом старославянской формы корня глагола *сънать* не предложено. Ни одной приличной скандинавской этимологии нет. Без серьезных, но ничем не оправданных коньктур, специалисты по скандинавским языкам это название объяснить не могут. В пику им Брайчевский утверждает, что «*При обращении к северопричерноморской версии*

любое недоумение *отпадает*», но на самом деле порождает еще большее недоумение. Сарматского объяснения у него тоже нет, и этот факт не удастся замаскировать ни ссылками на санскрит, ни рассуждениями об общности данного корня в индоевропейских языках. Приводимую же самим Брайчевским осетинскую форму *хоуssун* в значении то ли «сон», то ли «спать», вряд ли можно сопоставить с *(эс)сути*, даже с учетом возможных неточностей передачи слова у Багрянородного. Не спасает Брайчевского и его козырная карта — частица *ae* в осетинском языке — «*негативная частица, образующая первую часть многих сложных слов со значением отсутствия чего-либо*», которая на самом деле никакого отношения к делу не имеет за отсутствием в данном случае как самого сложного слова, так и, строго говоря, негативно-го значения.

Казалось бы, все просто — Багрянородный малость напутал: дал только «славянское» название порога, а «росское» либо забыл привести, либо просто не знал. Но есть пара нюансов, помимо непонятно пропущенного начального *н*, которое просто выбросили из рассмотрения оба лагеря. Во-первых, само название порога. Когда порог называют *Островным* или *Шумящим*, даже *Ненасытцем*, я еще могу понять. Но представить себе, что порогу можно дать название *Не спи*, — выше моих сил. Вот *Будило* — это нашему: и со смыслом, и по форме нормально. Во-вторых, не зря Багрянородный, не зная правильного порядка порогов на Днепре, ставит именно этот на первое место. Порог с идиотским именем *Не спи*, если предположить, что таковой действительно существовал, мог бы быть только самым верхним в последовательности, имея в виду, что шум порога будит дремлющих кормчих и команду, спящую при сплаве по течению. Но на самом деле *Будило* — один из последних, нижних порогов. Поэтому по здравому рассуждению *Будило* — скорее всего славянское осмысление именно как «не спи» какого-то исходного *Эссути* или чего-то созвучного, что прозвучало для багрянородных ушей похоже на *Эссути*, и происхождение которого остается неизвестным.

В поединке норманистов с Брайчевским — пока по нулям.

А вот готам есть что сказать о возможном происхождении исходного *Эссути*. В готском языке *supri* [супи] — нечто вроде нашей «тюри», точнее — плавающие и размоченные в воде кусочки хлеба. В скандинавских языках *eu* [эй] — «остров», «архипелаг». Не знаю, насколько корректно спаривать готскую тюрю со скандинавским архипелагом, но такое спаривание дает действительно сложное, в отличие от Брайчевского, слово [эйсупи], которое и близко по звучанию, и удивительно точно отражает характеристику порога у Багрянородного: *тюря из торчащих из воды островков («...а посередине его [порога] имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков»)*. Не решаюсь на этом основании дать очко ни готам, ни скандинавам, но последние уже имеют при нулевом счете некоторое моральное преимущество.

Ульворси / Островунипраг (Порог с островом). Этимология «славянского» названия *Островунипрах* [островънь прах (?)] достаточно очевидна — «островной порог», что вполне соответствует и пояснению Багрянородного. «Росскому» названию этого порога *Ульворси* тоже есть очень хорошая скандинавская этимология *holmfors* [(h)уль(м)ворс] — «островной водопад» с хорошим созвучием и также практически полным совпадением значения с комментарием Багрянородного. Здесь никаких вопросов. Теперь слово Брайчевскому: «*В осетинском ulaen (в архетипе *ul) означает “волна”. Это первая основа. Вторая — общеиранская (и аллородийская) *vara — “окружение”... Таким образом, приведенное Константином Багрянородным имя означает “место, окруженное волнами”, то есть “порог-остров”*». Первая слабость построений Брайчевского в астерисках («звездочках»), которые означают, что следующие за ними слова в реальности неизвестны, а реконструированы самим лингвистом. А вторая и главная в том, что «место, окруженное волнами» при всей бессмысленности самого словосочетания еще можно принять как остров, но никак не порог.

По-моему, тут норманнисты уверенно отрывают счет: 1:0 в их пользу.

Пристроить готов здесь мне не удастся. Хотя первая часть названия этого порога общегерманская, и в готском остров — тоже *hulms*, второй части *fors* в классическом готском аналог неизвестен, она, похоже, чисто скандинавская. Но в X веке вполне могла бы быть и готландской.

Геландри (*Шум порога*). Багрянородный дает только «славянское» название *Геландри*, которое никому из славянской лексики объяснить не удалось. Зато имеется хорошее объяснение из скандинавских языков: *gelland(r)i* — «шумящий». М. Брайчевский, тем не менее не сдаваясь, пытается доказать сарматское происхождение слова и в этом случае. Увы, количество приводимых им осетинских и балкарских корней не переходит в качество, *геландри* так и не получается. Еще менее убедительны его же попытки обосновать славянское происхождение этого названия.

В итоге все же приходится признать, что здесь Багрянородный дал маху и под видом «славянского» всучил нам «росское» название порога, то есть название это почти наверняка скандинавское. Поэтому отрыв увеличивается: 2:0 в пользу норманнистов.

От себя добавлю, что глагол **galan* в значении «кричать, шуметь», от которого происходит скандинавское причастие *gelland*, — общегерманский, имеется он в частности и в готском языке.

Айфор / Неясыть (*Гнездовье пеликанов*). Самый опасный днепровский порог с самыми неясными названиями, не имеющими хороших этимологий ни в «росском», ни в «славянском» вариантах. Брайчевский тоже оказался бессильным предложить хоть чего-нибудь мало-мальски стоящее в иранских языках.

Единственное, что в данном случае достойно нашего с тобой внимания, мой дотошный читатель, это такая же странность названия, которую я уже отмечал для Эссупи: современное название порога Ненасытец и здесь выглядит как осмысление древнего названия *Неясыть* (или чего-то со-

звучного), но откуда взялось последнее, остается непонятным. Вряд ли в X веке на Днестре водились пеликаны, да и совам-неясытям на днепровских порогах тоже делать вроде бы нечего.

Счет не меняется, отрыв норманнистов сохранился: 2:0.

Зато, может быть, на этом пороге все-таки открывают свой личный счет готы. По-готски *aifrs* означает «внушающий страх, ужас», что не только созвучно «росскому» названию Багрянородного, но и вполне соответствует характеристике этого ужасного порога. Так что, хотя счет я оставил прежним, готский или более широко древнегерманский оригинал мне представляется вполне вероятным. И счет, и моральное преимущество норманнистов растут.

Баруфорос / Вулнипраг (*Порог с большим озером*). Для *Баруфорос* имеется хорошая скандинавская этимология из *Baru* ← *Bára* — «волна»¹ и *fors* — «водопад». Но эта этимология согласуется с пояснением Багрянородного, только если *Вулнипраг* трактовать как «волнистый порог». Однако современное название порога Вольный заставляет принять во внимание его трактовку как «вольного порога»². Именно это делает Брайчевский и находит для *Баруфорос*³ иранскую этимологию: *varu* — «широкий» и **fors* < *fars* — «бок», «ребро», «порог». Правда у него *varu* — слово «общеиранское» (?), а астериск * перед *fors* означает, что сам Брайчевский вывел его как некий якобы древний вариант слова *fars*, которое означает то ли бок, то ли порог. (Выглядит словно перефразировка поговорки: вот тебе бок, а вот и порок — в данном случае порок Брайчевского.)

Ладно, поскольку и там, и там что-то есть, но невнятно, пусть тут между норманистами и Брайчевским будет ни-

¹ В древнескандинавском слово «волна» имело множество синонимов, например: *Bára*, *Uðr*, *Hrönn*; в поэзии: *Bylgja*, *Kólga*. Кроме того, в исландской поэзии среди «волн»-имен дочерей Эгира встречаются целые эпические обороты такие как *Himinglæva* — «отблеск неба», *Blóðughadda* — «кровавая грива», *Hefring* — «вздымающаяся» и др.

² Греческий язык не передает различий между твердым *л* и мягким *ль*.

³ В греческом *б* и *в* неразличимы и передаются буквой *В* (бета/вита).

чья — по баллу обоим. Общий счет 3:1, ведут по-прежнему норманисты.

Леанти / Веруци (*Кипение воды*). Считается, что «славянское» *Веруци* передает некое (неизвестное?) старославянское слово, которому соответствует современное украинское *вирующий* — «бурлящий». Зато для «росского» *Леанти* хорошей этимологии в скандинавских не найдено. Не преуспел здесь и Брайчевский.

В этом раунде победу, хотя и не безусловную, празднуют выступающие вне конкурса славяне, а между германцами и иранцами нулевая ничья. Счет прежний: 3:1.

В готском слово *леанти*, если считать его причастием глагола *laian* [лэан] (общегерманское **lōjan*), должно иметь значение «ругающийся, бранящийся». В принципе неплохое название для порога, хотя хотелось бы больше общего с «кипением воды». Не утверждаю, что готы набрали здесь свой второй балл, но в любом случае, как мы договорились, они у нас, как и славяне, вне конкурса.

Струкун / Напрези (*Малый порог*). Для «славянского» *Напрези* имеются два объяснения, оба с коньектурами и оба сомнительные: *на стрези* — «на стрежне» (?) и *не прһзь* — «не слишком» (имея в виду не слишком большой порог?). Для «росского» *Струкун* у скандинавов есть просторечное норвежское *stryk* [стриук] — «сужение русла» или шведское диалектное *struk* [струк] — «небольшой, доступный для плавления водопад». Очень неплохо, хотя, по справедливому замечанию Брайчевского, без необходимой временной привязки. Сам же он предлагает весьма остроумную этимологию из осетинского: **sturkon* — «не слишком большой», где *stur* — «большой», а суффикс *-kon* по Брайчевскому, со ссылкой на В. Миллера, ослабляет значение прилагательных. Если бы не астериск, чем Брайчевский страдает постоянно, да не ссылка на В. Миллера, да не метатеза (перестановка *t* и *u*), то с учетом объяснения Багрянородного было бы очень ничего!

Пожалуй, в последнем туре продуктивная ничья 1:1, и норманнисты празднуют победу с итоговым счетом 4:2.

Готы тут нас ничем не радуют, разве что глаголом *streikan* [стрикан] — «ударять», который однако непросто пристроить к делу.

Что же следует из довольно убедительной победы норманистов? Это зависит от того, как ее оценивать. История не турнир по олимпийской системе. Победа даже с «сухим» счетом в одной партии не означает, что проигравший навсегда выбывает из борьбы. У нас к тому же счет не был «сухим». Да, в руси X века безусловно был явный скандинавский компонент, и отрицать это могут только абсолютно зашоренные германофобы. Но два балла Брайчевского плюс моя, на мой взгляд, весьма удачная, этимология Айфора из готского (древнегерманского), не говоря уже об *Эссуни*, сохраняют допустимость полиэтничности руси, оставляют место для местного днепровского (в более широком плане причерноморского) субстрата. Этим субстратом могут быть и скифы, и сарматы (аланы), и готы, причем именно «и-и», а совсем не обязательно «либо-либо».

Развлечение словенским и русским языками

«Словенский язык — относится к южной группе славянских языков. Число говорящих на С. я. около 2 млн. человек (из них около 1,6 млн. в Словении; 1971, перепись). Распространён также в пограничных областях Австрии, Италии, Венгрии. Имеет 7 групп диалектов... Древнейший письменный памятник — Брижинские (Фрейзингенские) отрывки (конец 10 — начало 11 вв.)...»

«Русский язык — относится к восточной группе славянских языков. Истоки Р.я. уходят в глубокую древность. Примерно во 2–1 тыс. до н.э. из группы родственных диалектов индоевропейской семьи языков выделяется протославянский язык (на поздней стадии — примерно в 1–7 вв. — называемый праславянским)... В 6–7 вв. славяне занимали земли от Адриатики на Ю.-З. до верховьев Днепра и озера Ильмень на С.-В... Восточнославянский (древнерусский) язык просуществовал с 7 по 14 в.»

Для X века приведенные статьи БСЭ сопоставляют словенский и русский языки как родственные, соответственно южнославянский, обособившийся как раз примерно в это время, и восточнославянский, якобы уже три века существовавший самостоятельно. Поэтому противопоставление «росского» и «славянского» языков Константином Багрянородным в середине X века заставляет уделить этому поразительному факту отдельный раздел наших с тобой, мой растерянный читатель, «Развлечений».

«А славянский народ и русский един...». Так перевел пассаж оригинала «Повести» Д. Лихачев. Это не первый случай, мой памятный читатель, где перевод вызывает, мягко говоря, недоумение, ибо на самом же деле оригинальный текст иной: *«А словенский язык и русский одно есть...»*.

Сайт Центра развития русского языка¹, цитируя не перевод Д. Лихачева, а оригинальный текст, аккуратно и боязливо, чтобы не заподозрили в крамоле, но все же поясняет: *«Слово язык употреблено здесь не только в древнем значении «народ», но и в значении “речь”»*. Тебе, мой независимый читатель, очевидно, что такое пояснение без «перевода» Лихачева вообще звучит бредом. На самом деле, это не бред, а гипертрофированная боязнь возразить академику. Если же без экивоков и боязливых взглядов в сторону академических авторитетов, речь в цитате идет вовсе не о народе, а именно о языке, что прямо следует из контекста, поскольку весь абзац «Повести», откуда взят процитированный пассаж, посвящен истории славянской грамоты, персонально Кириллу и Мефодию. И заканчивается он фразой: *«Полями прозваны были потому, что сидели в поле, а язык был им общий — славянский»*, именно **язык**, и более точно, как в оригинале, — не славянский, а **словенский**.

Эта фраза и в «переводе» Лихачева, и в оригинале цитируется очень часто кем ни попадя и по какому ни пошло поводу. Оказывается, из нее следует, и что русь как на-

¹ Откуда родом русский язык? Интернет. Сайт Центра развития русского языка.

род (племя, союз племен и т.п.) надо искать на севере¹; и что единый славянский язык сохранялся длительное время и позволял до XIV века вполне свободно понимать друг друга поляку и болгарину, новгородцу и жителю Черногории²; и что все славяне должны называться «русскими»³; и еще масса всего прочего. Множественность и глобальность выводов из этой коротенькой фразы поначалу поражает. Но по размышлении начинаешь понимать, что она есть следствие неопределенности самих понятий словенского и русского языков той эпохи.

Так что же такое словенский язык и русский язык в «Повести»? То есть, что могут означать эти понятия для ее автора, жителя Киевщины, монаха Печерского монастыря конца XI и начала XII века? Суждения Ватсона по данному вопросу вряд ли кого интересуют, поэтому для начала выслушаем мнения авторитетов.

У В. Ключевского⁴ рассматриваемая цитата — основание противопоставить варягов славянам, поскольку, по его мнению, **словенский язык** — это язык **новгородских словен** «Повести». Русский язык Ключевским не обсуждается, вероятно в предположении, что это тот самый язык, на котором пишет сам историк. А обсуждать есть чего. Ключевский походя попадает в ту же ловушку, в которой оказался Марк Твен со своим «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Как Твен заставляет бриттский (т.е. кельтский) двор Артура поголовно говорить на староанглийском (т.е. германском) языке, так и Ключевский навязывает киевской руси X века речь понятную ему самому. Вероятно не читал Василий Осипович Багрянородного, и тут мы с тобой, мой не чуждый амбиций читатель, можем подтрунить над маслитым историком.

¹ Легендарный Рюрик, возможно, был карелом. Интернет. Тверской еженедельник «Караван»..

² Б.В. Личман, С.В. Рыбаков. Великое переселение народов // <http://www.liveinternet.ru/showjournal.php?journalid=3325658&tagid=9447>.

³ Интернет. Сайт Diaspora-ru.

⁴ В.О. Ключевский. Наброски по варяжскому вопросу.

Следуя авторитету старому, известный современный историк И. Данилевский¹ полагает, что утверждение повести о единстве словенского и русского языков является аргументом в пользу отождествления славян и руси, а сам текст, «несмотря на некоторую неясность... вполне можно отнести к тому же времени, когда имя варяжской руси было перенесено на восточных славян». Но беда в том, что неясность тут принципиально больше, чем «некоторая». Во-первых, Данилевский, в отличие от Ключевского, не мог не читать Багрянородного, который явно противопоставляет языки русский и словенский. Во-вторых, он, конечно же, читал и «Повесть», которая на самом деле нигде не переносит имя варяжской руси на **восточных славян**, поскольку таковых во времена автора «Повести» просто не существовало. В «Повести» **словене** (**славяне** лишь в «переводе» Д. Лихачева!) — это обитатели не Поднепровья, а вовсе даже Подунавья: норики, моравы и болгары, — а также, отдельно, новгородцы. Да и переносит имя *русь* «Повесть» отнюдь не на славян, тем более каких-то восточных, а конкретно на новгородцев, а затем полян.

Могу понять Ключевского, хотя бы частично, но отказываюсь понимать Данилевского. По-моему, все гораздо проще и совсем не требует теней на плетне от каких-то сложных искусственных построений. Для автора «Повести», грамотного киевского монаха XI века, **словенский** язык — это просто **книжный** язык, язык его же дунайских словен, на котором написаны практически все доступные ему для чтения тексты, другими словами — язык Кирилла и Мефодия. В современной терминологии этот язык зовется старославянским. Традиционно обращаемся к БСЭ: *«Старославянский язык, иначе — древнецерковнославянский язык — наиболее древний из письменных славянских языков, распространившийся среди южных, восточных и отчасти западных славян в IX–X вв. н.э. в качестве языка христианской церкви и*

¹ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. Аспект Пресс, 1998.

лит-ры. По своему происхождению С. яз. представляет собой письменную обработку одного из говоров болгарского языка второй половины IX в., именно — говора гор. Солуня в западной Македонии (ныне — Салоники). Однако первоначальное распространение славянский язык получил в западнославянской среде, в Велико-Моравском княжестве (в пределах нынешней Чехословакии).»

И вполне понятно, почему автор «Повести» называет его словенским. Ведь это язык изначальных дунайских **словен** «Повести» (славян перевода) — моравов и болгар, исконных насельников земли Венгерской¹ и земли Болгарской «Повести». Вот еще одна цитата с того же сайта Центра развития русского языка: «Южнославянским по происхождению является и старославянский язык — первый общеславянский литературный язык». Естественно. Кирилл и Мефодий были уроженцами Салоник, с детства слышали славянскую речь, в том числе и в семье — мать их была болгаркой, — поэтому именно родной для них салоникский говор древнеболгарского языка они положили в основу создаваемого письменного славянского языка. С той однако существенной оговоркой, что этот общеславянский литературный язык создавался Кириллом и Мефодием в Моравии и потому не мог не испытать достаточно сильного моравского влияния.

Паола Утевская² справедливо замечает: «Однако то, что старославянские книги были понятны русским читателям, еще не означает, что старославянский полностью совпадал с древнерусским языком, кстати, далеко не однородным». И тут же противоречит сама себе: «В нем [древнерусском] одновременно существовали два основных типа: книжный, или литературный, и разговорный. В древнерусских книгах старославянские слова соседствуют с русскими. Они часто друг на друга похожи. Отсюда и кажущиеся описки». Получается, что древнерусский письменный язык — это результат

¹ Во времена написания «Повести» Моравия уже захвачена венграми, но автор несколько раз подчеркивает, что прежде в «земле Венгерской» жили словене.

² Паола Утевская. Слов драгоценные клады. Пер. с украинского.

простых описок, смешения писцами старославянских слов с русскими. Странное утверждение. Более логичным выводом из первой цитаты Утевской и, вероятно, более правильным выводом вообще, было бы утверждение, что **никакого литературного древнерусского языка**, по крайней мере в XI веке, вообще не существовало. В древней Руси, как и во всем православном славянском мире той поры, был **один единственный литературный, то есть книжный, язык — старославянский**. Именно этот язык автор «Повести» не без оснований называет **словенским** (у Д. Лихачева он превращается в славянский).

Возможно это объясняет, в частности, до сих пор не объясненный феномен «ильменских словен». И из известных нам фактов истории, и по данным археологии, и просто из общих соображений трудно понять появление словен, как их понимает «Повесть», на Ильмене и Волхове. Никаких подтверждений каких-либо переселений из Моравии или Болгарии на Псковщину и Новгородчину нет. В последние годы археология и антропология уверенно и созвучно говорят о миграциях в этот регион из Поморья, о тесных культурных связях и, более того, генетической общности населения Пскова и Новгорода с южной Прибалтикой. Речь даже идет о единой «циркумбалтийской» культуре, археологически явно проявившейся на псковской и новгородской земле. При чем же тут дунайские словене?

Скорее всего ни при чем. Просто для автора «Повести» обитатели Новгорода могли стать «словенами» хотя бы только потому, что писали **по-словенски**, то есть на старославянском языке, привнесенном в Новгород вместе с христианством Владимиром Крестителем и Ярославом Мудрым. На этом же языке договаривались между собой обитатели Киева и Новгорода. Знакомство автора «Повести» с какими-то новгородскими документами, равно как и устной эпической северной традицией сомнения не вызывает. Сказание о призвании Рюрика и легенда о Вещем Олеге безусловно новгородского происхождения. Все, что пришло из Новгорода в Киев в письменной форме, могло прийти только на старославян-

ском языке, который, будучи новгородским по происхождению документов, был при этом «словенским» по своей природе и таковым воспринимался в Киеве Нестором.

Но тогда что же такое для автора «Повести» **русский язык**?

Самое естественное объяснение, что **русский язык** в Киеве XI–XII веков — это официальный **государственный язык Киевской Руси**. Язык этот, как и все государственные языки, обязан быть письменным. Но единственным письменным языком в Киеве того времени был все тот же старославянский (словенский) книжный язык. Так что русский язык XI–XII веков как государственный язык Киевской Руси не просто уходит корнями в старославянский, он изначально тождествен ему. Так уж вышло, что Киевская Русь возникла и начала строиться на христианском базисе византийского толка, заимствуя из Византии все кроме языка, который благодаря посредничеству Болгарии с самого начала был старославянским. Лишь потом и постепенно в силу специфики среды функционирования этот официальный русский язык начинает отходить от книжно-литературного, старославянского, поневоле вбирая в себя особенности живой киевской речи. Если сфера действия книжно-литературного старославянского языка была ограничена узким кругом посвященных и законсервирована традицией, всем литературным наследием, начиная с Кирилла и Мефодия, регулярным обучением ему монахов и прочая, и прочая, то официально-государственный русский язык, функционируя в ограниченной географически, но многократно более широкой социальной среде, охватывая все более широкие круги пользователей, эволюционирует гораздо быстрее, активно вбирая в себя живую народную речь различных социальных слоев. На рубеже XI–XII веков этот процесс дивергенции двух языков только начался, поэтому автор «Повести» мог с полным правом утверждать, что словенский и русский языки «одно есть», они действительно еще почти не различались, особенно в специфически замкнутом монашеском кругу.

А что же тогда из себя представлял разговорный русский язык XI–XII веков? Этого, вероятно, мы никогда не узнаем. Благодаря Константину Багрянородному мы можем предполагать с достаточной степенью вероятия, что **разговорный русский язык середины X века — это язык германский**. Ты, мой увлеченный суровой нордической простотой читатель, можешь считать его скандинавским. Я бы поостерегся, учитывая не «сухой» счет победы норманнистов над Брайчевским в предыдущем развлечении и оставляя шанс своим любимым готам. Так что самое разумное считать разговорный русский язык X века германским, хотя бы в своей основе и хотя бы с оговорками, но что он не был славянским — это, по-моему, вне сомнений.

Характерно, что БСЭ дипломатично обходит этот темный вопрос и не дает определения древнерусского языка, а единственное определение, которое мне удалось найти в Интернете, выглядит на удивление убого: *«Древнерусский язык — восточнославянский язык, язык древнерусской народности (восточная группа славян), возникший в результате распада праславянского этноязыкового единства (7 в.).»*

Видимо не зря составители БСЭ решили обойти этот вопрос. Думаю, что приведенное «определение» из Интернета ты, мой мало-мальски неленивый читатель, мог бы сострять и сам, по крайней мере сообразить, что восточнославянский язык — это язык восточной группы славян. Все остальное в этом «определении» от лукавого.

Распад праславянского этноязыкового единства в VII веке — умозрительная и сомнительная догадка историков, а не заключение лингвистов. Глоттохронология¹, не отличающаяся большой точностью, но все же претендующая на научность, дает гораздо более позднюю и более близкую к интересующему нас времени дату: X–XI века.

¹ Глоттохронология — от γλῶττα [глотта] — «язык» (греч.) и χρόνος [хронос] — «время» (греч.) — область сравнительно-исторического языкознания, занимающаяся выявлением скорости языковых изменений и определением на этом основании времени разделения родственных языков и степени близости между ними.

Существование некой древнерусской народности в X–XI веках недоказуемо. По крайней мере недоказуемо существование единого русского, в смысле восточнославянского, языка. Население Великой русской равнины могло говорить на сотне самых разных языков, славянских и неславянских. Этого, кстати, не отрицает и автор «Повести». Пока что некий славянский язык зафиксирован в Новгороде для XI века несколькими берестяными грамотами, при неизмеримо большем их количестве для XII века. В других древнерусских городах с берестяными грамотами дело обстоит, прямо скажем, швах. Считается, причина в том, что влажная почва Новгорода хорошо сохраняет древесину и бересту, а другим городам в этом смысле не повезло. Наверное, дело и в этом, но, думаю, не только. Ученые до сих пор поражаются уровню грамотности в Новгороде, который, судя по количеству берестяных грамот на единицу площади, на порядки превосходил уровни грамотности не только в остальной Руси, но и во всем тогдашнем мире. И почему-то никто не предположил очевидное и вполне вероятное объяснение этого чуда. Новгород был городом многонациональным (три его «конца» вовсе не исчерпывали весь этнический спектр), и общий письменный язык был единственной универсальной возможностью общения между собой разноязычного населения. Как латынь в средневековой Европе; как арабский на средневековом Востоке; как иероглифы в Китае, а заодно Корею и Японию. Если это так, то в XI веке этот язык **не обязан был быть разговорным** языком Новгорода. И Киева тоже. Соответственно нет доказательств общности языка как аргумента в пользу существования в то время какой-то единой древнерусской народности.

В этой связи хочу привести пару любопытных примеров. Изучающие берестяные грамоты языковеды с восторгом выделили некий новгородский диалект древнерусского языка на основании того, что в одной (еще раз прописью *одной!*) из грамот вместо *целый* было написано *келый*. Якобы сохранение *к* вместо *ц* — это рудимент индоевропейского **k'*. В проявление «рудимента» через три тысячи лет по-

сле распада общеиндоевропейского поверить просто невозможно. Да и ни в одном из славянских языков (сатемных!) не наблюдалось ничего похожего. По-моему, более естественно объяснить этот казус тем, что писал бересту человек, знакомый с латынью и привычный к латинскому письму, где буква *c* чаще всего читается как [к], но как раз перед *e* произносится как [ц]¹. Похожий пример приводит в одной из своих книг крупнейший специалист по археологии древнего Новгорода академик В. Янин. В другой берестяной грамоте под изображением святой Варвары, наиболее широко почитавшейся, кстати, на южном побережье Балтики, на бересте оказалась нацарапана дата. Эта дата, 1029 год, замечательна не только тем, что датирует данную грамоту как одну из древнейших, но и тем, что, по анализу А. Зализняка и филолога С. Болотова, три цифры в ней переданы славянскими знаками, а одна — латинским. Та же самая история! Изобразивший «западную» св. Варвару затруднился в счете и письме по-славянски, но сумел выйти из затруднения с помощью латыни. Напомню, это самое начало XI века.

Так что когда и как разговорный **неславянский русский** язык Константина Багрянородного превратился в привычный нам разговорный **славянский русский**, мы не знаем, и вряд ли когда-нибудь узнаем. Ясно только, что русский язык середины X века, «росский» Багрянородного, — не то же самое, что современный русский язык в еще большей степени, чем словенский рубежа XI–XII веков, язык «Повести», — не то же самое, что современный словенский язык, государственный язык Словении.

Развлечение людем и полюдем

«Полюдь» — ежегодный объезд подвластного населения («людей») древнерусскими князьями, боярами-воеводами и их дружинниками в 10–13 вв. с целью кормления и сбора податей. П. зафиксировано в арабских (Ибн Руста, Гардизи; 10–

¹ Ср. Caesar [цезар] — Цезарь (в изначальной латыни [кайсар], откуда немецкое Kaiser [кайзер]).

11 вв.), византийских (Константин Багрянородный; 10 в.) и в древнерусских (в летописях и грамотах 12 в.) источниках. По словам Константина Багрянородного, объезд людей производился в ноябре-апреле. По-видимому, князья во время П. останавливались в погостах — административно-хозяйственных центрах земель, где они кормились, а также производили суд над подданными».

Это БСЭ. Более краток, но по-своему информативен словарь Фасмера:

«Полюдие — ближайшая этимология: “подать, собираемая князем с народа”... Из др.-русс. выражения: по людѣхъ...»

И. Данилевский в полном согласии с БСЭ и Фасмером, аргументируя свое понимание руси как не этнической, а социальной категории, варяжской княжеской дружины, соглашается с мнением Г. Ковалева: *«Если вспомнить термин “полудье” — сбор дани, то можно предположить, что люди — те, кто вынужден был платить дань, а русь — те, кто эту дань собирал. Среди сборщиков дани было много варяго-дружинников, поэтому социальный термин, видимо, был перенесен и на этническое название скандинавов-германцев»*. Таким образом, по БСЭ, Фасмеру, Ковалеву и Данилевскому, есть русь, то есть князь и его окружение, варяги-дружинники, они же скандинавы-германцы, и есть люди, то есть местные славянские аборигены, причем эта самая русь собирает дань с тех самых несчастных людей.

Но такая трактовка откровенно противоречит тексту «Повести»! Не считая употребления «Повестью» слова *люди* в самом общем смысле человечества и населения заморских стран, впервые это слово ее автор применяет как раз к варягам: *«Те люди новгородцы от рода варяжского...»*. В «Повести» именно **люди** ходят в Греческую землю, что, согласно Багрянородному, является привилегией руси, а не их данников (пактиотов) славян; именно **люди** оплакивают Вещего Олега «плачем великим», что также более к лицу приближенным к нему русам, нежели угнетенным славянам. Наконец, договор Игоря с греками подписывают послы, «по-

сланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжсъя, и от всех людей Русской земли». Там же: «А когда послы наши царские [византийского императора] выедут, — пусть проводят их к великому князю русскому Игорю и к его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши». Из этого множества примеров, которые можно продолжить, неотвратимо следует, что люди «Повести» — юридически активные члены общества, подручные князя, а не просто быдло, годное только на то, чтобы собирать с него дань.

Возможно позиция БСЭ — Фасмера — Ковалева — Данилевского, на мой взгляд, безусловно ошибочная, подспудно базируется на априорном мнении, что слово *люди* исконно русское, в смысле славянское, и применимо может быть соответственно к автохтонным жителям, а не «находникам» варягам. Но и это совсем не так. Слова *люд* и *люди* отнюдь не чисто славянские, вообще не славянские по происхождению. Помимо верхненемецкого *Läute* [лэйте] — «люди» и древнескандинавского *lið* [лиð] с тем же значением, причем в последнем случае с оттенком «способные носить оружие», в том же ряду стоит литовское *liaudis* [ляўдис] — «народ». Так что слово это есть в разных языках в одном и том же значении. Но кто у кого позаимствовал это универсальное слово? Для ответа на такой вопрос лингвисты смотрят на так называемую продуктивность — наличие и количество в языке словоформ с тем же корнем. Заметь себе, мой наблюдательный читатель, во всех приведенных выше примерах имеется только одна форма, выражающая по сути множественное число *люди*. Для единственного числа во всех названных языках имеется совсем иное слово: в русском *человек* (с устаревшим множественным *человеки*), в немецком *Mann* (с множественным *ограниченного применения Männer*), в литовском *žmogus* (с множественным *žmones* — «люди» вне связи с *laudis*). И только у готов, единственных, было не только аналогичное слово *leuda* [леўда] (вариант *liuda* [людя]) — «люди, народ», но и единственное число от

него *leudis* (*liudis*) — «человек». Кроме того имелась и универсальная форма *leuþs* [леўтс] (*liuþs* [лютс]) — «человек, люди». Наконец, в готском от того же корня имелся глагол *leudan* (*liudan*) — «расти, наращивать, возвышать». Так что наиболее вероятно как раз готское, а в более широком плане древнегерманское происхождение этого слова, заимствованного позднее балтскими и славянскими языками, и слово это, следовательно, должно быть применимо в первую очередь к находникам-варягам, а не автохтонам-славянам.

Здесь интересно вспомнить, что одна из трех единиц территориального деления древнего Новгорода звалась **Людиным** концом вряд ли по имени некой Люды. Поскольку два других конца носили этнически определяющие имена: Славенский и Неревский, — то и Людин конец, населенный, как считается, выходцами из Пруссии, дает основание предполагать, что *людa* (*людь*) было самоназванием местных насельников. Так, в частности, могли называть себя, судя по литовскому *liaudis*, переселенцы-пруссы. Но гораздо больше, чем литовское *liaudis*, сюда напрашивается готское *liuda* [людa]. Это не к тому, что в Новгороде жили готы (хотя купцы-готландцы, скорее всего, проживали и в изрядном количестве), а к тому, мой читатель-завсегдатай Баскервиль-холла, что там мог жить некий восточногерманский народ, близкий родственник готов, который называл себя **людой** (людье-новгородцы «Повести»!) или... **чудью**. Но это отдельная тема, которой мы с тобой, мой читатель-завсегдатай, уже уделяли внимание в свое время¹.

Возвращаясь же к теме актуальной, с учетом всего рассмотренного следует признать, хотя и вопреки всему и всем: БСЭ, Фасмеру, Данилевскому и т.д., — что полюдье означало вовсе не хождение по людям, а скорее **сбор оброка на содержание людей**, то есть изначально руси, а впоследствии княжеской дружины как опекунов платящих оброк, данников. Идея опекунства, может быть неожиданная сама по себе, тем не менее дает путеводную ниточку к пониманию еще одного

¹ См. главу «Читая «Повесть временных лет».

исторического термина с неясной этимологией — названию Руси *Гардарики* в скандинавской эпической традиции.

Чрезвычайно широко распространена трактовка Гардарики как «Страны городов». Что касается второго компонента *-рики*, то действительно он в переводе означает «государство, страна» и в этом качестве родствен печально известному немецкому *рейх*. Но перевод первого компонента как «город» более чем сомнителен. Во-первых, реально городов в древней Руси было очень мало, в чем мы с тобой, мой дотошный читатель, уже имели возможность убедиться. Если же размазать это ничтожное количество реально существовавших в середине X века городов по необъятным русским просторам, то «страна городов» бесследно испаряется. Во-вторых, в самой Скандинавии X века городов и вовсе не было, соответственно не было и соответствующего понятия в скандинавских языках. Компонент *гарда-* при всем его созвучии русским словам *город*, *град* нес совсем иной смысл, который раскрывается историческим образованием на территории Швеции, причем именно X века, известным как *konungsgårdr*.

Вот что пишет об этом образовании историк и археолог, специалист по древней Скандинавии Г. Лебедев¹: *«Основой же существования королевской власти и подчиненной ей вооруженной силы, на раннем этапе — в буквальном смысле одним из источников ее пропитания — стал скандинавский вариант “полюдьа”, “кормления” — вейцла² (veizla, шв. gåerd [выделено мной — В.Е.])... Наряду с вейцлой хозяйственной базой конунга и его дружины становится своего рода “домен”, комплекс земельных владений конунга, обозначавшийся термином konungsgårdr»*. А внутри этого «комплекса земельных владений конунга *konungsgårdr*: *«Со времен Ха-*

¹ Г.С. Лебедев. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., издательство Ленинградского университета, 1985.

² Сущность вейцлы и схожесть ее с полюдьем хорошо видны у А. Гуревича: *«вейцла служила специфической организационной формой выкачивания из крестьянского хозяйства прибавочного продукта, первоначально — в виде натуральных поставок для королевских пиров»*.

ральда Прекрасноволосого норвежские конунги строили в разных областях страны “королевские усадьбы”, *konungsbúi* (*husabúi, husbúi*). Выполняя определенные податные функции, они образуют сеть независимых от традиционной племенной структуры, непосредственно подчиненных конунгу административных центров».

Процесс формирования таких центров шел в Скандинавии в IX веке. Вероятно примерно в то же время и схожим образом протекал аналогичный процесс в древней Руси. Здесь полезно вернуться немного назад к статье БСЭ о полюдь, а именно к ее последней фразе: *«По-видимому, князья во время полюдья останавливались в погостах — административно-хозяйственных центрах земель, где они кормились, а также производили суд над подданными»*. Насчет «административно-хозяйственных центров» можно усомниться, по крайней мере по отношению к X веку, а вот схожесть погостов со скандинавскими «королевскими усадьбами» очевидна. И хотя традиционно слово *погост* выводится из глагола *гостить*, со смыслом и назначением погостов это как-то не вяжется. Ситуация та же, что и со «страной городов» — внешнее звуковое сходство при полном отсутствии логики: ничего себе гости, как раз те самые, которые хуже татар! Да и создавали погосты отнюдь не *пактиоты* славяне, а русь. Этим, в частности и согласно «Повести», занималась княгиня Ольга. Поэтому может быть филологам имеет смысл подумать над скандинавским происхождением слова *погост* из *husbúi* с метатезой? Но это так, к слову, небольшое отступление. Давай, мой теряющий нить читатель, вернемся к Лебедеву.

Далее он пишет: *«Создание прочной экономической базы в виде королевских имений позволяло конунгу распоряжаться землями, контроль над которыми осуществлялся в виде вейцл и даней»*. Однако действительно распоряжаться землей, включая раздачу земель поданным в собственность или лен, скандинавские конунги начинают не ранее второй половины X века. Здесь вероятно кроется единственное небольшое отличие Руси от Скандинавии. Не в пример перенаселенной Европе и даже не столь густо заселенной Скан-

динавии на необъятных пустующих просторах Руси земля дольше не имела никакой ценности, и русь, будь то русы ибн Фадлана или росы Константина, была больше ориентирована на торговлю с Византией, Булгаром, Хазарией или той же Скандинавией, чем на захват в собственность и эксплуатацию земли как таковой. Земля начинает приобретать цену лишь со становлением традиционных государственных структур при Владимире I, в целом синхронно с образованием государства Киевская Русь, то есть немного, примерно на полвека, позже, чем в Швеции.

Таким образом, *konungsgarðr*, шведская «гарда конунга» — это территория, находящаяся под защитой и покровительством конунга, но и одновременно территория, с которой кормятся он и его дружина, для чего на территории *гарды* создается сеть центров сбора дани, по-нашему погостов.

— Эй, ребята, — неожиданно встрепенулся Ватсон, — да ведь это что-то знакомое. У нас в английском есть *guard* [гард]¹) — «охрана, защита; караул, стража; часовой, сторож».

Язык у Ватсона уже слегка заплетается, и свое *ga-ad* он выдает вполне по-русски, настолько по-нашему, что невольно ждешь продолжения *паршивый*. Но продолжение не следует. Видимо доктор еще не настолько погрузился в наши языковые и ментальные особенности или еще не настолько нагрузился нашим пивом. Замечание, однако, было весьма по делу.

— Отлично, Джонни! А в своей более архаичной общегерманской форме *ward* [ўард] оно имело также значения «опекунство, опека; забота, опекун; опекаемый, подопечный».

— *Ward*? И верно, черт побери! Как это я не догадался?

— Пустяки, Джонни!

Я успокаиваю Ватсона, но на самом деле все это не такие уж пустяки. Более древняя форма *ward* как бы соединяет в своеобразном симбиозе опекуна и опекаемых, что удивитель-

¹ В современном литературном английском языке произносится как [гад] с протяженным [а].

но похожее на наше полюдь, а в случае с *konungsgarðr* — еще и при тех же самых, в общем-то, действующих лицах! Поэтому Гардарики следует понимать вовсе не как «страну городов», а скорее как «страну гард» или, что то же самое, «страну полудий».

В этом контексте интересен и немаловажен вопрос о государственности Гардарик, «страны полудий», то есть Руси до Владимира I и, соответственно, до ее крещения и установления византийских канонов светской и духовной власти. Вопрос этот важен потому, что общепринято, вслед за автором «Повести», рассматривать довладимирову Русь как некое языческое государство и соответственно относить становление Киевской Руси к IX веку. На мой взгляд это совершенно неправомерно.

Во-первых, если должным образом отнестись к фантазии автора «Повести», то следует признать, что нет никаких реальных не то что доказательств, но даже свидетельств какой бы то ни было централизации власти на Руси до княгини Ольги. Реальные же следы централизованной власти появляются лишь в конце X века: первая столица — киевский «город Владимира», впервые единая государственная религия — сначала эклектичный языческий культ шести богов, очень быстро сменившийся православием, и, наконец, единый государственный язык — старославянский. Отсутствие единовластия мимоходом отмечает и Багрянородный в уже цитированном ранее пассаже: *«Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия...»*. Множественность русских архонтов никак не вяжется ни с централизованной властью, ни с домыслами автора «Повести».

Во-вторых, о каком государстве можно говорить, если нет и намек на государственное право, если власть живет за счет спонтанных наездов и поборов, в которой неизбежны и переборы, сопровождаемые эксцессами вроде казни древлянами зарвавшегося князя Игоря. Ярче всего отсутствие государства проявилось в том поразительном факте, что якобы власть торгует своими якобы подданными как живым то-

варом! И арабы и Багрянородный единодушны в том, что русь захватывала славян в плен и торговала ими как рабами в Булгаре, Хазарии и Византии. Да какому же сюзерену может прийти в голову от случая к случаю грабить своих подданных и продавать их в рабство вместо того, чтобы регулярно получать с них разумные налоги?

Нет, не были Гардарики ни государством, ни протогосударством. Точно подметили скандинавы — страна полудней. Лишь с княгини Ольги начинается процесс зарождения русского государства, а первые плоды он приносит при Владимире Крестителе. То есть, Русь как государство родилась никак не раньше конца X века и совсем недавно могла бы отпраздновать свое тысячелетие, кабы дожила до такого юбилея. И этот юбилей можно было бы отпраздновать с новорожденным пивом «ПИТ», которое тоже возникло на рубеже тысячелетий. Но не суждена была Руси столь долгая жизнь, поэтому пожелаем долгой жизни пиву «ПИТ» и подарим на прощанье доктору Ватсону пару его упаковок.

— Да, Джонни, пора домой, баиньки. Будь хорошим мальчиком, не брыкайся и прихвати, пожалуйста, свой грязный шарф. Что, пиво? Конечно, пиво тоже можешь забрать. Правда, двух целых упаковок тебе уже не найти, но пару непечатых банок, быть может, еще отыщешь. Ну и ауфвидерзеен, дорогой, гудбай...

Прощай и ты, мой утомленный читатель. Оревуар!

Глава 4

ВРЕМЕННЫЕ ЛЕТА «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

«Повесть временных лет» (далее по-прежнему «Повесть») занимает особое место в отечественной литературе и истории. Это не просто один из самых древних дошедших до нас письменных памятников, написанных в Киевской Руси, а произведение, которое энциклопедии и учебники истории традиционно представляют как летопись («Повесть» часто называют Начальной летописью) и на котором зиждется вся историография древней Руси с конца IX до середины XI века. Это следует подчеркнуть: **«Повесть» является практически единственным источником, на основании которого написаны все учебники по истории Киевской Руси IX–XI веков.** Отсюда вытекают как значение этого памятника литературы, так и тот интерес, который всегда проявляли к «Повести» историки всех времен, начиная с В. Татищева. Большой и общепризнанный вклад в изучение «Повести» внес русский историк и языковед А. Шахматов (1864–1920). Он не только реконструировал процесс создания этого сложного многослойного произведения, но и сумел во многом восстановить, конечно предположительно, но с серьезным научным обоснованием, тексты «Повести» на различных стадиях ее творения. Труд Шахматова по исследованию «Повести», ставший классикой, продолжили, в частности, его ученик историк М. Присёлков (1881–1941) и археолог М. Алешковский (1933–1974), причем последний — с позиций, несколько отличающихся от позиции Шахматова. Еще более радикаль-

но пересматривают взгляды Шахматова историк А. Кузьмин (1928–2004) и его последователь наш современник археолог А. Никитин¹.

Вероятно свести воедино позиции Шахматова — Приселкова, Алешковского и Кузьмина — Никитина в отношении некоторых аспектов создания «Повести» вообще невозможно, а в отношении других — не просто даже для профессионала. Или, может быть, наоборот, трудно именно для профессионала, но гораздо легче для интересующегося историей дилетанта. Во всяком случае, один такой дилетант (как всегда, убедительная просьба не путать с полным профаном) взял на себя смелость скомпилировать для любопытных, но ленивых, не желающих читать толстые книжки, некую обобщенную версию истории создания «Повести», основываясь на мнениях М. Приселкова, М. Алешковского и А. Никитина.

Эту компиляцию он ниже представляет читателю, смиренно предваряя ее извинениями в адрес профессионалов-первоисточников этой компиляции, поскольку, чтобы построить целостное здание из авторитетных, но разрозненных мегалитов их трудов, дилетанту невольно пришлось изрядно обколоть у них самые острые углы и залатать зияющие дыры более-менее подходящими по форме камешками своих домыслов.

¹ Конечно, круг исследователей ПВЛ не ограничивается названными именами, а число научных публикаций о ПВЛ вообще трудно поддается учету. Но для непрофессионалов, интересующихся ПВЛ и всем, что «около нее», а следовательно, всей нашей древней историей, можно порекомендовать по одной достаточно популярно написанной книге каждого из упомянутых ученых, обобщающих результаты исследований с различных позиций и, что немаловажно, доступных в Интернете: 1) М.Д. Приселков. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин. 1996; <http://www.sedmitza.ru/index.html?did=7415>; 2) Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси, М., 1971. <http://www.archeologia.ru/Library/book/ebfd581c6ad3>; 3) А.Л. Никитин. Основания русской истории. Мифология и факты. АГРАФ, М., 2001. <http://library.narod.ru/saga/osnova000.htm>.

Прежде чем брать быка за рога, полезно вспомнить, о чем вообще идет речь. Хотя выше «Повесть» была названа произведением, она дошла до нас не отдельной самостоятельной библиотечно-архивной единицей, а начальной частью некоторых летописей. У «Повести» нет объективного признака конца, поэтому часто под «Повестью» понимают весь свод летописей, в начало которого она включена. Последнее вероятно и провоцировало историков всех времен считать «Повесть» летописью. Но в историографии все же более типично называть «Повестью» лишь некоторую общую начальную часть ряда летописных сводов. При этом из-за отсутствия в них явно выраженного конца «Повести» у исследователей нет единодушия в отношении места ее завершения. Более того, поскольку в разных сводах начальные части разнятся текстуально, местами весьма значительно, нет не только общепринятого окончания, но и самого текста «Повести» как такового. То, что ныне публикуется под названием «Повесть временных лет», представляет собой либо вариант изложения по той или иной конкретной летописи, либо некое произвольное коллективное обобщение всех известных текстов несколькими поколениями историков, в советское время канонизированное под редакцией академика Д. Лихачева.

Отдельная проблема — само название «Повести». Некоторые летописные своды начинаются со слов (в переводе на современный русский) *«Это повести временных лет... откуда пошла Русская земля и кто в Киеве начал княжить раньше...»*. Таким образом, и это также следует подчеркнуть, **свое произведение древний автор сам назвал повестью**, то есть литературным произведением, а не летописью, претендуя, так сказать, на лавры писателя, а не историка. Последнее утверждение, конечно, шутка. Но совсем не шутка то, что энциклопедии и учебники истории во все времена упорно считали и продолжают считать до сих пор «Повесть» летописью не только вопреки здравому смыслу, но и игно-

рируя явно выраженную волю ее автора. В результате в общепринятом названии сохранилось начальное авторское определение произведения как повести, а поместили эту древнюю беллетристику в раздел летописей, что и закрепилось впоследствии традицией.

Эта же традиция считает автором «Повести» иеродьякона киевского Печерского монастыря Нестора (предположительно 1057–1117, хотя обе даты варьируются в пределах нескольких лет) на основании, как считается, его собственного утверждения об авторстве «Повести» в начале некоторых летописей: *«Это повести временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерского...»*. После этих слов в какой-то летописи вроде бы сохранилось имя Нестора. Это утверждение печерского монаха, которого принято считать Нестором, как бы оспаривает игумен Михайловского монастыря в Выдубицах, впоследствии епископ переяславский Сильвестр, чьи претензии на авторство также выражаются записью в тексте «Повести» одной из летописей: *«Игумен Силивестр... написал книги эти Летописец... в 1116 [году]»*. Этот заочный спор иеродьякона и игумена традиция разрешила просто: «Повесть» написана Нестором, который трудился над ней до 1113 года, когда захвативший великокняжеский киевский стол Мономах передал «Повесть» в ее, так сказать, «текущем виде» игумену княжьего Выдубицкого монастыря Сильвестру, который за три года отредактировал полученный текст в угоду своему патрону и заказчику.

Таким образом, традиция с самого начала допустила «соавторство» Нестора и Сильвестра. На самом деле картина оказалась гораздо сложнее и запутаннее. Мы не будем следовать логике раскрутки истории создания «Повести» А. Шахматовым, она сама по себе достойна отдельного повествования. Шахматов шел к своим конечным результатам отнюдь не прямым путем. Мы же, спрямив этот путь, будем двигаться из прошлого в будущее, как бы воспроизводя процесс творения «Повести», как его в конце концов реконструировал Шахматов, уделяя при этом должное внимание заслуживающим того взглядам его продолжателей и оппо-

нентов. Если же представится возможность вставить в давний многосторонний спор вокруг истории создания «Повести» новое слово, пусть дилетантское, то... не упускать же ее! Разумеется, вновь со смиренными извинениями перед профессионалами.

КАК НАЧИНАЛОСЬ РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ

Русское летописание как таковое могло бы начаться почти точно на рубеже тысячелетий благодаря появлению в Киеве княжьей церкви Богородицы, более известной как Десятинная. Эта церковь, освященная в 997 году, то есть через девять лет после официально принятой даты крещения Руси, считается первой на Руси каменной церковью, хотя на самом деле нет доказательств существования до нее каких-либо других церквей, пусть бы и деревянных¹. Как бы то ни было, на исходе первого тысячелетия нашей эры в только что крещенном Киеве, надо думать под влиянием, чтобы не сказать прямым давлением, очередной новой супруги, Анны Греческой, Владимир Креститель возводит руками пленных корсунских строителей если и не первую на Руси, то безусловно первую **княжью** церковь, настоятелем которой становится корсунянин же Анастас. Выбор этой кандидатуры определили не высокий духовный сан Анастаса, не его авторитет в клерикальных кругах или моральные достоинства, а скорее наоборот — так Владимир отблагодарил Анастаса за предательство своих соотечественников, христиан-корсунян,

¹ Упоминание в ПВЛ под 945 годом, в так называемом «списке с договора Игоря с греками», некой соборной церкви святого Ильи «над Ручаем, в конце Пасынче беседы и Хазар» вряд ли может считаться надежным свидетельством вследствие недостоверности самих «списков» договоров, да и ПВЛ в целом. По крайней мере, фундамент Десятинной церкви археологи нашли, и представляется разумным считать эту церковь древнейшей в Киевской Руси, пока археологи не порадуют нас находками более ранних христианских храмов в хазарском конце Киева «над ручьем», либо в каком-нибудь другом месте Киевской Руси. Хотя, надо признать, находка остатков деревянных церквей IX–X веков была бы редкостной удачей.

благодаря которому будущему крестителю Руси удалось разграбить Корсунь.

Появление Десятинной церкви, казалось бы, создает предпосылки для начала работы, естественно присущей княжьей церкви, — ведению хроники деяний ее покровителя, великого князя, и всего царствующего дома. Для этого есть все: сама церковь с соответственным статусом; немалая церковная братия, вывезенная из Корсуни и, надо полагать, обладающая требуемой для ведения хроники грамотностью; наконец, достаточное, чтобы не думать о хлебе насущном, гарантированное «материальное обеспечение» в виде десятины, то есть десятой части княжеских доходов, от которой церковь и получила свое народное название. Но нет, не той фигурой оказался Анастас Корсунянин, чтобы организовать русское летописное дело. Да и сам великий князь-каган тоже не тем был озабочен, ох не тем! Кстати, простой, но интересный вопрос: был ли грамотным креститель Руси? Вопрос, конечно, риторический, но ничего удивительного, если бы каким-то образом выяснилось, что не умел читать-писать Креститель¹. Не за грамотность и приверженность книжному уединению попал он в число равноапостольных святых, равно как и не за скромность поведения, не за христианское человеколюбие.

В общем, не зачалось в Десятинной церкви русское летописание. Максимум, на что хватило тамошней братии, это обязательные синодики. Впрочем, и синодики, возможно, начали вестись не в Десятинной церкви, а в митрополичьем Михайловском монастыре в Выдубицах. Первые из них были записаны вероятно в 1000 году, когда умерли мать и первая жена кагана, он же великий князь. Они не отличались про-

¹ Абсолютное большинство европейских королей современников Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого были неграмотными и не чувствовали из-за этого никаких неудобств и тем более угрызений совести. Даже гордились тем, что мерзкий бумагомарательский труд, как и многие другие малоприятные работы, делают за них другие. Правда, европейским монархам грамотность давалась труднее, чем русским, поскольку кроме собственно азбуки приходилось учить еще и целый иностранный язык — латынь.

странностью и выглядели вероятно так же, как потом были увековечены в «Повести»: *«преставилась Малфрида»*; *«преставилась Рогнеда, мать Ярослава»*. А год спустя, уже в новом тысячелетии от Рождества Христова, еще одна запись все в том же констатирующем синодическом стиле: *«преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира»*.

А. Шахматов связывает начало летописания в Киеве с образованием русской митрополии и прибытием в 1037 году в Киев из Византии митрополита Феопемпта, что имело, помимо прочего, два следствия: одно — несомненный исторический факт — постройка Ярославом Мудрым в Киеве Софийского собора в качестве митрополичьей церкви, а второе — смелое предположение Шахматова — появление некой написанной Феопемптом для константинопольской канцелярии краткой исторической справки о стране пребывания, которая и легла в основу первой русской летописи. Историки русского христианства вроде бы справедливо выражают Шахматову, что русская митрополичья кафедра, судя по византийским документам, была утверждена много раньше, еще в конце X века, и связывают ее появление с крещением Руси Владимиром. Формально они вероятно правы, но по существу трудно не согласиться с Шахматовым. Христианство Владимира, пусть даже крестителя и равноапостольного святого, было не просто поверхностным, но как бы «одноразовым». Общее впечатление, что крещение Руси, возведение Десятиной церкви и учреждение русской митрополичьей резиденции в Выдубицком монастыре — это как бы залп христианизации на волне чувств к новой супруге Анне и следствие ее влияния на мужа. Но уже вскоре по мере охлаждения чувств и ослабления влияния Владимир отдаляется и от жены, и от Византии, и от христианства. Похоже, что со смертью византийского митрополита Михаила в 992 году духовные связи с Византией вообще обрываются. В любом случае, ни сам Владимир, ни тем более сановные иностранцы — его протеже корсунянин Анастас и первый русский митрополит сириец Михаил — не были теми людьми, которым оказалось бы по плечу организовать на Руси лето-

писание. Таким человеком мог быть и, судя по всему, стал Ярослав Мудрый, князь известный не просто грамотностью, но знанием греческого языка; не просто любовью к книгам, но постоянным радением о развитии в государстве отечественного книжного дела; не просто уважением к письменному слову, но и вверением ему государственного устройства, «Русской правды».

Однако, соглашаясь с Шахматовым касательно отношений между Киевской Русью и константинопольской патриархией на рубеже тысячелетий, трудно поверить его предположению, что летописное дело начал митрополит Феопемпт некой «справкой» о прошлом Руси. Чем Феопемпт был лучше Михаила? Да и надо иметь в виду, что уже вскоре он оказался во враждебном лагере, в государстве, которое вело войну с Византией; тут уж митрополиту было не до летописаний. Можно возражать Шахматову и по поводу его наименования этой гипотетической первой исторической справки Древнейшим сводом. Нечего еще было «сводить» в то время, никакого исходного материала для летописного «сведения» просто не существовало, хотя бы потому, что элементарно не было на Руси письменности. Более логично было бы связать если еще не начало летописания как такового, то первую, если так можно выразиться, русскую историческо-генеалогическую экспозицию с митрополитом Иларионом, его «Словом о законе и благодати», которое пусть в немногих, но существенных чертах перекликается с генеалогией русских князей, данной в «Повести». А ведь одной из важнейших целей «Повести», объявленной в ее «аннотации», было как раз создание генеалогии первых киевских князей (*«...кто в Киеве начал княжить раньше»*).

Тут полезно обратить внимание на то, что, строго говоря, Иларион был митрополитом незаконно, будучи не должным образом рукоположен церковными иерархами Рима или Константинополя, а волюнтаристски назначен на должность Ярославом Мудрым и послушными ему епископами. Может быть само назначение митрополитом именно Илариона было следствием появления «Слова о законе и благодати», что со

стороны князя помимо естественной человеческой реакции на лесть могло также преследовать благородную цель поставить у руля церкви человека, владеющего пером и способного положить начало своей, отечественной литературе. В этом плане чрезвычайно важным моментом представляется также то, что после смерти Ярослава и вынужденной отставки от митрополичьих дел Иларион удаляется не куда-нибудь, а в основанный при его участии Печерский монастырь, то есть именно туда, где вскоре рождается русское летописание. Не с его ли «подачи»?

Как бы то ни было, вряд ли мы ошибемся, если за отправную точку летописания в Киевской Руси примем время правления Ярослава Мудрого. К сожалению, нам неизвестна дата смерти Илариона, и ее невозможно сопоставить с датировками слоев «Повести», выявленных Шахматовым, поэтому личный вклад Илариона в создание летописной основы, которую Шахматов неудачно назвал Древнейшим сводом, остается всего лишь дилетантской гипотезой. Очень осторожно и предположительно можно было бы связать гипотетический исходный текст Илариона с 1061 годом, когда, по мнению А. Шахматова, заканчиваются приписки к первоначальному тексту его Древнейшего свода, или 1070 годом, которым М. Алешковский датирует появление Начальной летописи. Впрочем, последняя дата весьма близка к 1073 году, когда, по Шахматову, принимает свой окончательный вид Древнейший свод. Эту окончательную первую редакцию «Повести» А. Шахматов присваивает монаху, а затем и игумену Печерского монастыря Никону.

Ревностный и даже фанатичный христианин, соратник создателя Печерского монастыря Антония, известность Никон получил склонением к пострижению в монахи многих известных людей своего времени, среди которых были два будущих игумена Печерского монастыря, Варлаам и Феодосий, а также некто Ефрем, который на беду Никона оказался приближенным княжащего в то время в Киеве Изяслава. Не испугавшись великокняжеского гнева, Никон отказался расстричь Ефрема и вернуть его в мир, вследствие чего был вы-

нужден в 1061 году бежать в Тмутаракань, где основал монастырь по образцу киевского Печерского. После изгнания Изяслава киевлянами в 1068 году Никон возвратился в Киев, но вновь поссорился с великим князем, на сей раз Святославом, и в 1073 году повторно удалился в Тмутаракань. Там он отсиживался до смерти Святополка с Изяславом, чтобы окончательно вернуться в столицу и стать со временем игуменом Печерского монастыря (с 1077 по 1088 годы).

А.Шахматов связал окончательную редакцию Древнейшего свода с Никоном, потому что первые известия из тмутараканского княжества в «Повести» синхронны его добровольной тмутараканской «ссылке». Тонкое наблюдение Шахматова и весьма убедительный аргумент! Но тем не менее остается вопрос из области психологии: вяжется ли деятельный, неуживчивый характер Никона, каким мы его знаем, с образом книжника-летописца, корпящего над рукописями при свете лампы? Пожалуй, не очень. Можно еще представить себе Никона наскоро набрасывающим какие-то дневниковые записи, но не более того; или рассказчиком о своих похождениях в кругу монастырской братии, но не писателем. Вряд ли Никон был автором редакции 1073 года еще и потому, что именно весной этого года он, бросив все, в спешке покидает Киев. Трудно поверить в такое совпадение, что как раз к моменту неожиданного скоропостижного бегства оказался законченным большой труд сведения новой редакции Древнейшего свода. Более вероятно, что его устные рассказы записывались монахами и, возможно, вместе с отдельными заметками откладывались в монастырских анналах, а после бегства Никона итог его вклада подвел кто-то другой, оставшийся в монастыре. Если учесть, что примерно в это же время в Печерском монастыре появляется новый послушник Нестор, то можно допустить, что именно ему на период послушания была поручена эта черновая кропотливая работа, втянувшая в писательский труд будущего автора «Повести». Но и это всего лишь предположение.

Вопреки аргументации Шахматова, в целом поддержанной М. Приселковым, М. Алешковский игнорирует Ни-

кона как летописца, впрочем, не предлагая никаких альтернатив. Но в пользу позиции Алешковского и против признания Никона автором летописного свода говорит тот факт, что по хронологии Шахматова нет редакций Древнейшего свода, попадающих на одиннадцать лет игуменства Никона. Так что скорее всего в том, что рассказы или записки Никона попали в «Повесть», причем может быть уже после его смерти, не было личной заслуги Никона ни как летописца, ни как игумена.

В ином отношении к «Повести» стоит следующий пастырь Киево-Печерского монастыря Иван (Иоанн). Именно в игуменство Ивана (с 1088 по 1103 годы) в монастыре начинается нечто похожее на нормальное летописание, то есть последовательная фиксация важнейших событий с по возможности точным указанием времени и места. И еще, к 1093 году, то есть пятому году игуменства Ивана, А. Шахматов приурочивает появление следующего летописного свода, названного им Начальным, на сей раз более обоснованно, чем в случае со «сводом» Древнейшим. Как будто, став во главе монастыря, Иван начал работу по сбору и подведению итогов всего, что сделали его предшественники, которая в завершенном виде вылилась в Начальный свод, и в то же время поставил на «научную» основу дальнейшее летописание в монастыре. Мы не знаем, писал ли Иван сам, как не знаем и того, оставляли ли игуменские обязанности время для такой работы. Кроме того, надо принять во внимание, что, по мнению Алешковского, с начала 90-х годов начал свою работу Нестор. Учитывая все вышесказанное и оставаясь в рамках традиции, можно предположить, что, став игуменом, Иван нашел подходящего человека, уже имевшего опыт работы с монастырскими рукописями, все того же монаха Нестора, и поручил ему летописание, создав для этой деятельности максимум условий и курируя ее до самой своей смерти. Если это действительно было так, то Нестор вполне оправдал доверие игумена Ивана.

Но было ли так? Как справедливо возражает А. Никитин, все больше открывается косвенных аргументов в пользу того, что даже внутри Печерского монастыря работал не

один летописец, а несколько, и число их со временем возрастало. При этом они как бы конкурировали между собой и освещали события с различными пристрастиями, ориентируясь на тех или иных конкретных князей и разные княжеские генеалогические ветви, поочередно берущие верх в непрестанной борьбе за великокняжеский стол и лучшие уделы. Кроме того, Печерский монастырь, хотя он и общепризнан как колыбель русского летописания, монополией на это богоугодное дело не обладал. А. Никитин полагает, что независимое летописание все же велось в Десятинной церкви; Д. Лихачев настаивает на привилегии в летописании для митрополичьего Софийского собора; М. Алешковский вводит в круг летописующих храмов киевский Андреевский монастырь; наконец, никто не отрицает принадлежность этому кругу Михайловского монастыря в Выдубицах под Киевом, вопрос скорее в том, когда состоялось его приобщение к этому кругу.

Таким образом, летописи писались до Нестора, правда недолго — вся донесторова летописная традиция насчитывала не более трех-четырех десятков лет. Писались они, безусловно, и во времена Нестора, но независимо от него и, вероятно, не в одном месте и не «в одном экземпляре», как традиционно считалось. Здесь следует сразу оговориться, что вид этих летописей отличался от того, в котором мы их сегодня встречаем в «Повести». В частности, в них практически не было дат. Ничего удивительного, записи делались монахами, которые вели в целом затворническую жизнь, мало общаясь с миром, да и средства коммуникации в те времена были не те, что ныне. Новости попадали к монахам главным образом от «калик переходящих», которые изредка забредали в монастыри и рассказывали, что творится в миру, причем в основном по рассказам других странников, которых встречали по пути. Понятно, что такие «новости» изначально оказывались не только устаревшими, но и изрядно испорченными многократными пересказами. Иногда в монастыри попадала более оперативная и точная информация через княжеское окружение, но и в этом случае она не избегала субъективного изложения и личностных оценок. В результате одни и те же события в разных летописях излагались по-разному, а их датировка носи-

ла приблизительный и относительный характер: «во времена Святополка» или просто «в те же времена», «в тот же год» и тому подобное, причем «тот же» год мог оказаться не годом события, а годом его внесения в летопись. Правда, эпизодически, когда очевидцем события случайно становился сам летописец или его непосредственный информатор, в летописях появлялись абсолютные даты. Редкий пример того — довольно точная хронология тмутараканских событий по личным наблюдениям грамотного монаха Никона. В целом же летописи представляли собой разрозненные мало связанные между собой записи, сделанные в разное время разными писцами, в подавляющем большинстве по чужим рассказам, так называемому «припоминанию». Когда материала накапливалось много, объективно вставала проблема его «сведения». Традиция первым сводчиком считает Нестора, хотя первое упорядочение летописей в некий свод, как уже говорилось выше, сделал, скорее всего, игумен Иван. Или все же Нестор, пусть даже по инициативе и при кураторстве игумена?

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ НАПИСАЛ НЕСТОР

Если монах Печерского монастыря Нестор лишь предполагается в качестве наиболее вероятного автора и сводчика «Повести», то его вклад в агиографию общепризнан. Перу Нестора принадлежат «Сказание о том, почему монастырь был прозван Печерским», «Житие Феодосия Печерского», «Слово о перенесении мощей святого преподобного отца нашего Феодосия Печерского» и «Чтение о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба». Вполне возможно, что им были написаны и другие затерявшиеся в веках произведения. Существенно, что, как и в случае с «Повестью», во всех дошедших до нас произведениях на своем авторстве Нестор настаивает самолично в начале самих текстов, а зачастую находит повод упомянуть себя как автора и в конце.

В связанных с именем Нестора произведениях давно отмечена некоторая путаница. Например, в «Житии Феодосия

Печерского» Нестор говорит о себе, что он был пострижен при игумене Стефане (игуменствовал в Печерском монастыре с 1074 по 1078 годы) и якобы им же был возведен в дьяконский сан. Но в «Сказании о том, почему монастырь был прозван Печерским», вошедшим в «Повесть», автор утверждает, что принял постриг семнадцатилетним юнцом от самого Феодосия. Кроме того, А. Никитин утверждает, что во всех сохранившихся текстах «Повести» автор называет себя не Нестором, как принято считать, а Нестером. Все это, а в еще большей степени то, что одни и те же события в «Повести» и присваиваемой Нестору агиографии описаны по-разному и разным языком, заставили многих исследователей «Повести», в том числе Никитина, считать Нестора-летописца и Нестора-агиографа разными лицами. Вопрос об их идентичности до сих пор остается дискуссионным.

Разум неохотно воспринимает возможность одновременного сосуществования в Печерском монастыре двух Несторов-писателей. Хочется думать, что, если бы это было так, монастырская братия во избежание ежедневной путаницы придумала бы способ различать тезок, и они вошли бы в историю хотя бы под разными прозвищами. Отсутствие таких все же заставляет склониться к мнению, что Нестор был в то время в Печерском монастыре один. А что касается разного и разноречивого изложения одним и тем же Нестором одних и тех же эпизодов в разных произведениях, то сторонники его авторства отчасти объясняют это талантом Нестора, свободно варьирующего стиль и язык в зависимости от жанра произведения, а отчасти винят в том переписчиков, которые в течение нескольких веков «портили» авторский текст.

Хотя, конечно же, переписчики действительно внесли свой немалый «вклад» в дошедшие до современности древние тексты, все же не стоит все сваливать на них одних. Лучше подумаем, что же все-таки написал Нестор? То есть мы вновь возвращаемся к сакраментальному вопросу: где же кончалась «Повесть» и каков был ее изначальный текст? Поскольку у нас нет оснований считать, что Нестор бессовестно присвоил себе чужие творения, будем исходить из того, что он действительно является автором всего, что ему при-

писывается, включая «Повесть». Но вот что представляла собой «Повесть», вышедшая из-под его пера? Прежде чем ответить на этот вопрос, взглянем попристальнее на самого Нестора и достоверно написанные им произведения.

Автор «Жития Нестора летописца Печерского» характеризует Нестора *«больше всего неизреченным смирением, ибо всюду, смиряя себя, называет себя недостойным, грубым, невеждой, исполненным множества грехов»*. В этой характеристике имеется откровенное противоречие: если Нестор всюду сам себя называет недостойным, грешным и так далее, то смирение, о котором сам смиренный кричит на каждом углу, никак нельзя назвать «неизреченным». Более того, такое «смирение» больше смахивает, извините, на показное. И действительно, читая Нестора, трудно отделаться от ощущения, что был преподобный слегка грешен — обуян грехом гордыни. В отличие от прочих собратьев по летописному цеху, скромно вложивших свою лепту в общий труд и ушедших безымянными в мир иной, Нестор не упускал случая вписать свое имя в историю, то есть, в прямом смысле, в свои произведения, причем для надежности, и в начале их, и в конце. И не только имя. И свою смекалистость он любил подчеркнуть, и рвение в богоугодных делах¹, а назы-

¹ Для иллюстрации сказанного приведу тройку цитат из «Слова о перенесении мощей святого преподобного отца нашего Феодосия Печерского», где Нестор рассказывает об откапывании им мощей Феодосия (все выделения в цитатах мои —В.Е.): *«По благому изволению и по повелению игумена я, грешный Нестор, сподобился быть первым, кто увидел святыне мощи Феодосия... сам был зачинщиком этого дела»*, то есть копает Нестор по велению игумена (а как следует из предыдущего текста, и по общему решению всей монастырской братии), но это не мешает ему выставить зачинщиком себя, да при этом еще раз напомнить свое имя. *«Начал копать я и, потрудившись много, поручил продолжать другому брату»*, — еще раз подчеркивая, что первым, зачинщиком был он, Нестор, и трудился на совесть, не «сачковал». *«И начали мы тужить, и, плача, решили, что не хочет объявить себя святой; и тут пришла мне на ум мысль, что не в ту сторону копаем. И я, взяв мотыгу, начал снова усердно копать»*, — дескать только благодаря его сообразительности и усердию удалось найти мощи Феодосия.

вая себя недостойным и грешным, просто следовал традиции писательства своего времени. Вспомним, в «Хронике Георгия мниха» автор, монах (мних) Георгий, всячески уничижая себя, представляется как *амартол*, то есть грешник, отчего саму хронику часто называют «Хроникой Амартола», а то и просто «Амартолом». Но ведь именно из этой хроники (в варианте переводного «Хронографа по великому изложению») Нестор переписал значительную часть «Повести»! А в числе прочего позаимствовал благопристойный, но надежный повод представить себя читателю под маской показного смирения.

Что касается агиографических текстов Нестора, то, оставляя их подробный лингвистический и стилистический анализ профессиональным литературоведам, могу лишь подилетантски отметить неумную фантазию автора и его прикровенность прямой речи¹. Язык агиографии Нестора прост и лаконичен. Ничего общего с поэтичной звучностью «Слова о полку Игореве», никаких ярких красок, метафор или обобщений. Из-за отсутствия цитат и описательных отступлений даже невольно закрадывается сомнение в начитанности и широкой эрудиции Нестора, которые ему вменяет традиция. На самом деле начитанность и эрудицию ему заменяет фантазия, я бы сказал недюжинная и действительно талантливая фантазия, обессмертившая «повести» и «жития» Нестора, но, конечно же совершенно неуместная в летописании, как мы таковое понимаем сегодня.

В 8 абзацах «Слова о перенесении мощей Феодосия Печерского» (без приложения «О проречении святого») Нестор

¹ Если честно, вопреки общепринятому мнению не заметил я у Нестора ни живого образного языка, ни цитат из Библии или других богослужебных книг, так, казалось бы, естественных в агиографическом контексте. Во всей агиографии Нестора отыскалась всего пара-тройка цитат, причем все из книги Притчей Соломона. Правда, на этом фоне резко выделяется «Житие Феодосия», в котором много цитируются Евангелия от Марка и Луки, а также Псалтырь, но в «Житие Феодосия» Нестор дается в пересказе более позднего автора, который, судя по всему, и разбавил текст подобающими цитатами.

12 раз прибегает к прямой речи¹, а в «Сказании о прозвании Печерского монастыря» прямая речь встречается более сотни раз! Она у Нестора настолько часта и органична, что невольно начинаешь сомневаться, не было ли в распоряжении автора подробных стенограмм? Разумеется, не было. Не из стенограмм, а все из той же неудержимой фантазии рождал писательский дар Нестора бурные потоки прямых речей и бойкие диалоги персонажей.

М. Алешковский выявляет у автора «Повести» убежденность, кстати, тоже заимствованную у «Амартола», что все приметы предвещают нечто недоброе, и такие приметы регулярно встречаются по тексту «Повести», сопровождаемые назидательными примерами печальных событий, оправдывающих такой взгляд автора. Между тем, у Нестора-агиографа вообще не упоминаются никакие приметы, а их предполагаемые печальные следствия откровенно диссонировали бы с общим оптимистическим настроем его агиографии.

Так все-таки писал Нестор летописи или нет? Удивительно, но далеко не во всем согласные между собой касательно «Повести» М. Приселков с М. Алешковским и даже практически ни в чем не согласный с ними обоими А. Никитин проявляют полное единодушие в признании Нестора летописцем! При чем никто из них не делает никаких оговорок о своем понятии «летописец» применительно к Нестору.

Аргументируя свое признание, Никитин замечает, что в «Киево-Печерском патерике»² Нестор пять раз упомина-

¹ Вот те, кто в «Слове о перенесении...» говорит прямой речью: 1) сам преподобный Нестор – 3 раза, 2) безымянный печерский игумен – 2 раза, 3) безымянный монах, откапывающий вместе с Нестором мощи Феодосия – 1 раз. Кроме того, у Нестора встречаются образцы... коллективной прямой речи. Трижды дружным хором говорит вся монастырская братия, словно их речь – отрелетированный текст, дирижируемый игуменом. Но кто дирижирует следующим эклектичным хором, в котором дважды глаголют в унисон «монахи, которые шли к заутрене, а также многие благочестивые люди в городе»? Наконец, покорный воле Нестора, в живое общение вступает... сам Бог-отец!

² Киево-Печерский патерик – собрание древних документов, написанных в разное время, но так или иначе связанных с киевским Печерским монастырем.

ется именно как летописец. Правда, он забывает уточнить, что все эти упоминания принадлежат либо самому Нестору, либо его агиографу, который добросовестно ссылается на... те же самые собственные заявления предполагаемого летописца. Разумеется, агиограф не подвергает сомнению слова преподобного объекта агиографии, да и не было у него причин сомневаться в очевидном. По понятиям того времени **Нестор безусловно был летописцем, ибо тогда агиография считалась летописанием**, а в церковной среде, к которой принадлежали и Нестор, и его агиограф, — еще и важнейшей его составной частью.

О понимании летописания в те времена и роли в нем персонально Нестора очень выразительно говорит «Житие Антония» (цитирую по Киево-Печерскому патерику): *«Но о чудесах, хотя и не всех, например о честной кончине преподобного [Антония], мы будем повествовать со слов блаженного епископа Симона и сотрудника его Поликарпа; свидетельство же подвигов и скорбей, которые претерпел преподобный Антоний, предоставим Нестору летописцу»*. То есть, за всю официальную фактическую сторону дела, процессуально необходимую для канонизации святого, отвечают Симон с Поликарпом — иерархи, облаченные соответствующими саном и правом официально засвидетельствовать святость, а составление неформального, но также необходимого для канонизации жития святого, то есть описание его подвигов и скорбей, про которые толком ничего не известно, предоставляется Нестору — этот за словом в карман не полезет, опишет в лучшем виде все, что было... или не было, но должно было быть — на то и летописец! Безусловно, с точки зрения авторов патерика, как и его собственного агиографа, Нестор был летописцем. Но можем ли мы, на тех же самых основаниях и с теми же ссылками на Печерский патерик, считать его летописцем с позиций сегодняшнего дня? Да простит меня Никитин, конечно нет.

А теперь взглянем на проблему с другой стороны с учетом того, что мы знаем о Несторе. Как и в случае с Никоном, не могу его представить корпящим над сведением ле-

тописей, кропотливо приводящим в порядок чужие записи! Не к тому лежала душа безусловно талантливому писателю своего времени; вообще не лежала она, а рвалась в полет на крыльях фантазии. Нет, не вяжется с Нестором летописание (не агиография, а именно летописание в нашем нынешнем понимании)! Не летописать бы ему, добросовестно и методично фиксируя мелкие события, не сводить бы чужие скучные записки, а... творить бы, повествуя о подвигах и скорбях, писать повести о тяжелых годах народа, а также героях, преодолевших все невзгоды, или святых, не склонившихся перед всяческими гонениями. Да-да, именно, **повести!** И если бы Нестор писал такую повесть о «временных летах», то он написал бы...

И вот тут-то самое время сделать одно маленькое допущение, после чего все или, по крайней мере, абсолютное большинство сомнений по поводу авторства Нестора в отношении «Повести» отпадут сами собой. Надо всего лишь допустить, что **Нестор под названием «Повесть временных лет» написал не всю «Повесть», как ее принято расширенно понимать в наше время, а только самое-самое ее начало, основу так называемой недатированной части,** и написал ее «в своем стиле» как повесть о подвигах князей и скорбях народных — литературное произведение на историко-патриотическую тему. Основой произведения стал так называемый «Хронограф по великому изложению» — краткая болгарская компиляция двух греческих хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, по-видимому единственный доступный Нестору перевод византийских хроник на древнецерковнославянский язык. На канву, заданную хронографом, легли местные дружинные предания и народные сказки, одобренные плодами авторской фантазии. Не забыто было и представление самого себя в начале повести. Много позже при очередном сведении летописей **без всякого участия Нестора эта повесть была предпослана собственно летописному тексту,** который до того много десятилетий писали, переписывали и сводили другие летописцы совершенно

независимо от Нестора и «Повести». Так уж случилось, что в некоторых сведенных текстах сохранилось, не затерялось в длинной череде веков представление автора, сперва имевшее отношение всего лишь к начальному компоненту свода, действительно написанному Нестором, но которое после сведения не введенными в курс дела читателями уже воспринималось как относящееся ко всей летописи. При таком предположении все эпизоды с разночтениями и разноязычием в «Повести» и агиографии Нестора естественно объясняются тем, что автором этих эпизодов в «Повести» был вовсе не Нестор, а совершенно другие, «настоящие» летописцы.

Любопытно, что М. Алешковский, признавший Нестора автором «Повести», все же интуитивно угадывал несоответствие характеров автора и приписываемого ему огромного труда: *«Свободно автор [Нестор] чувствует себя только в пределах истории, современность же сковывает его творческие возможности, делает его кругозор более узким, заставляет составлять ни к чему не обязывающие и внешне объективные записи, и поэтому историки вынуждены теперь выдвигать одно предположение за другим по поводу тех или иных фактов, лишь упомянутых, но не объясненных»*. На самом деле вместо одного за другим многих предположений в подавляющем большинстве случаев достаточно одного: Нестор тут вообще ни при чем; все эти «ни к чему не обязывающие и внешне объективные записи» сделаны разными писцами по различным поводам без всякой связи друг с другом.

Что же тогда представляла собой оригинальная повесть Нестора, это литературное изложение «временных лет» — преданий давних времен и мифических долетописных событий? Скорее всего, как и другие произведения Нестора, была она невелика по объему, но содержательно насыщена и включала, вероятно, следующее.

Краткий пересказ по имевшемуся в его распоряжении хронографу мировой истории от самого потопы Нестор дополнил историей древних **словен**, которых он считал своими

предками. По Нестору, история словен началась на Дунае, в Норике, куда им принес свет христианской веры сам ап. Павел. Там же, в соседней с Нориком Моравии, усилиями Кирилла и Мефодия словене-христиане обрели свою грамоту, которую Нестор соответственно назвал **словенской**. Развивая историю предков словен, Нестор умозрительно сконструировал картину их расселения на основании западнославянских легенд и собственных домыслов о причинах такого расселения. Картина, правда, получилась не очень вразумительная, зато всеобъемлющая.

По ходу дела Нестор густо наполнил свою повесть легендами и мифами. Помимо предания о словенской грамоте он внес в «Повесть» также предание об эпониме Кие, который, однако, еще не князь «в роде своем», а всего лишь то ли перевозчик, то ли ловчий. Он же вероятный автор легенды о хазарской дани.

Следуя «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, первым киевским князем Нестор считал Игоря Старого, про которого однако не знал ничего кроме предания о лютой казни зарвавшегося князя древлянами, источником которого, впрочем, могла быть не народная память, а перевод или пересказ «Истории» Льва Диакона. Это предание удачно потянуло за собой сразу несколько легенд о мести Ольги древлянам, причем все легенды нашли свое место в «Повести», последовательно и логично выстроенные Нестором в целую череду жестоких издевательств ненасытно кровавой княгини над бедолагами древлянами. Тема хитрости и мстительности Ольги нашла естественное продолжение в описании ее реального путешествия в Константинополь — факта, как известно, подтвержденного «с противоположной стороны» Константином Багрянородным. Но сухое протокольное изложение визита у Багрянородного Нестор расцвел местной легендой о том, как княгиня обвела вокруг пальца воспылавшего страстью, но недалекого царя и дополнил мстительным обещанием Ольги промурыжить того в устье Почайны столько же, сколько ее продержали перед аудиенцией в гавани Константинополя. Правда, последняя угроза ос-

талась невыполненной, поскольку Константин так и не удостоился навестить крестницу¹.

Фольклорность образа и деяний Святослава у Нестора естественно дополнена народной сказкой о некоем киевском отроке, который для спасения родного города переплыл Днепр под стрелами врагов. Поскольку Нестор писал не летопись, а повесть, то не стоит удивляться, что в этом сказочном эпизоде отрок почему-то знает язык впервые (!) появившихся под стенами Киева печенегов. В сказочной истории княжения Святослава даже «фактическая» сторона не обошлась без расхожей легенды о чаше, сделанной врагом из черепа побежденного обстоятельствами героя. В целом же Святослав нарисован в «Повести» с явной симпатией, чего не скажешь о его матери².

В «историческую» канву княжения Владимира у Нестора легла переделка пары несколько различавшихся, но более-менее удачно объединенных болгарских сказаний о выборе веры князем Борисом, к которым примкнули корсунская легенда о крещении Владимира, и, предположительно, ныне утерянное «Сказание о крещении Русской земли и ис-

¹ И правильно сделал Багрянородный, что не надумал нанести ответный визит в Киев. После преодоления, хотя и заочно, но хорошо ему знакомых днепровских порогов (см. главу «Читая Константина Багрянородного») он встретил бы в устье Почайны только небольшое сельцо на подольском берегу да пару деревень на вершинах Замковой и Старокиевской гор. Никакой великолепной столицы, вообще никакого города не увидел бы Константин. А до днепровской резиденции Ольги ему пришлось бы проплыть еще немного вверх по течению, где на высоком берегу он наконец нашел бы мал городок, а в городке теремок, а в теремке красу-крестницу. Звался тот городок то ли Вихгарда (по-древнегермански «Сельский замок» или «Священный замок», поскольку *wih* [вих] имело два значения: «село» и «священный»), то ли Вышгород, это смотря по тому, на каком языке изъяснялась княгиня-крестница, русском или славянском. (Самому-то Константину было все едино. Судя по упомянутому выше его описанию днепровских порогов, император-полиглот был знаком с обоими языками.)

² Кстати, эта-то симпатия, с которой закоренелый язычник и заклятый враг Византии Святослав нарисован в ПВЛ, не дает возможности согласиться с А. Шахматовым и М. Приселковым и приписать создание образа Святослава перу грека Феопемпта.

треблении идолов». Исторические предания расцвечены двумя сказками. В первой, явно перепевающей библийский мотив борьбы Давида с Голиафом, юный кожемяка побеждает в единоборстве богатыря-печенежина. В другой, «о киселе и сыте», на сей раз безусловно народной, изголодавшиеся, но не утеравшие изворотливости белгородцы обманывают осадивших город печенегов.

На княжение Святополка попадает миф об убиении «оканным князем» своих братьев. Однако здесь авторство Нестора остается под вопросом ввиду ряда несоответствий текста «Повести» несторову «Чтению о житии Бориса и Глеба». Весьма характерно, что ко времени Святополка сказки, мифы и легенды уже начинают исчезать из «Повести», а мифов, связанных с Ярославом Мудрым, в ней вовсе нет¹. Отчасти это связано с тем, что времена Святополка и Ярослава еще не ушли во тьму веков и они пока еще персонажи исторические, а не мифические; а отчасти потому, что на Руси вообще кончается эра мифов, легенд и преданий, и начинается пора летописания, где, как это ни парадоксально, «летописцу» Нестору уже нет места.

ЧТО ЗА НЕСТОРА ДОПИСЫВАЛИ ПОТОМ

Итак, в ворохах летописных материалов, которые по гипотетическому приказу Мономаха были переданы из Печерского монастыря в Выдубицкий, вероятно была и написан-

¹ На самом деле с Ярославом может быть непосредственно связан миф об убиении Бориса и Глеба, если настоящим убийцей братьев был не Святополк, а, как считают некоторые исследователи, опираясь на скандинавские саги и здравый смысл, сам Ярослав. (Исходного текста этого мифа в ПВЛ мы не знаем, так как он неоднократно переписывался по мере формирования самого культа, прошедшего, согласно М. Алешковскому, три этапа, причем на первом это был культ только Глеба, затем Глеба и Бориса и, наконец, в окончательном варианте Бориса и Глеба, а включение, а затем и выдвигание на первый план Бориса связывается с пристрастиями и антипатиями Мономаха.) Как бы то ни было, это был последний миф, быстро перекочевавший в область агиографии.

ная рукой Нестора «Повесть». Остальную массу этих материалов — собственно летописные заметки и, даже возможно, частичные своды — написали другие чернецы, истинные русские летописцы. Что же со всем этим богатством сделал Сильвестр? Как минимум, собрал материал и скомпоновал свой «летописец», сделав «повесть» Нестора общим введением. Надо полагать, при компоновке пришлось весь материал переписать, что и дало Сильвестру основание для утверждения, что он «**написал** книги эти Летописец...». Это как минимум. А как максимум?

М. Алешковский считает, что Сильвестр как автор «второй редакции» ничего не добавил в «Повесть», а только урезал статьи последних лет, выбросив все, что так или иначе чернило Мономаха. Кроме того, Алешковский допускает, что именно Сильвестр произвел общее хронометрирование текста и расставил в «в «Повести»» годовые маркеры. А. Никитин однако уверен, что сквозное хронометрирование было проведено много позже, не ранее конца XII века. Он же справедливо акцентирует незаслуженно обойденный вниманием факт, что Сильвестр заявляет права авторства не на «Повесть», а на некий «летописец», который Никитин считает утерянным. Последнее странно: «летописец» утерян, а авторская заявка на него сохранилась... в другом произведении. Не вяжется как-то.

Между тем, принятое выше допущение об истинном характере и объеме «Повести» Нестора позволяет и в этом случае найти разумное объяснение. Оно заключается в том, что Сильвестр редактировал, а возможно, что и сводил из нескольких летописей, полученных из Печерского монастыря, именно «летописец», то есть целостную летопись, доводя ее, возможно с вменяемыми ему правками, до времени правления Мономаха. Нельзя исключить, что при этом он расставил в тексте годовые маркеры, хотя доказательств этого у нас нет. Зато весьма вероятно, что именно им в начало скомпонованного «летописца» была вставлена в качестве хорошего зачина «Повесть» Нестора. Если это так, то скорее всего самому Сильвестру, когда он вставлял «Повесть» в начало

своего «летописца», честно сохраняя имя Нестора как автора этого отрывка, в голову не пришло, что потомки на основании этого из порядочности не убранного им представления автора введения весь скомпонованный Сильвестром «летописец» назовут «Повестью временных лет» и припишут Нестору!

Мы же, чтобы восстановить историческую справедливость и не путаться в терминах, будем в дальнейшем называть «Повестью Нестора» только то, что, по ранее высказанному предположению, написал сам Нестор, то есть самое начало традиционной «Повести», ее мифологическую часть, а предположительный свод летописей Сильвестра будем именовать «Летописцем Сильвестра». Тогда «Повесть Нестора», дополненная более поздними вставками, заканчивается где-то в начале XI века с началом настоящего летописания, и соответственно примерно с этого же времени начинается «Летописец Сильвестра», чье окончание определяется более точно — 1116 год.

Дальнейшая судьба сильвестрова «Летописца», традиционно именуемого «второй редакцией» «Повести», не отличается ясностью и прозрачностью. Время появления и авторство «третьей редакции» «Повести» остаются предметом спора. Однако, ясно одно: где бы и когда бы ни появилась «третья редакция», «Повесть Нестора» была объединена с собственно летописью, «Летописцем Сильвестра», до того. Можно, что и делает А. Никитин, оспаривать действительно не очевидное утверждение М. Алешковского об авторстве «третьей редакции» некого новгородского попа Василия, но нельзя игнорировать целый комплекс весьма убедительных аргументов Алешковского в пользу времени и места появления «третьей редакции», ее новгородского источника, а также содержания внесенных в нее изменений и добавлений. Для нас важно, что эти изменения и добавления коснулись как «Повести Нестора», так и «Летописца Сильвестра». Именно это заставляет предполагать объединение обоих компонентов еще во «второй редакции» и считать наиболее вероятным объединителем игумена Сильвестра.

В отличие от авторов двух первых редакций традиция не узаконила личность автора третьей, а предположения М. Алешковского действительно слишком спорны, чтобы их безоговорочно принять. Поэтому в дальнейшем мы будем условно называть неизвестного автора «третьей редакции» неким гипотетическим Автором-3, в общем не исключая, что им мог быть поп Василий Алешковского, но и не настаивая на этом. Зато уже с куда меньшей долей условности мы можем трудно опровергаемые выводы Алешковского, что Автор-3 принадлежал к окружению новгородского князя Мстислава, сына Мономаха, и что эта редакция появилась в киевском Андреевском монастыре в 1118 или 1119 году, то есть после того как Мстислав перебрался в Киев¹.

Итак, мы исходим из того, что Автор-3 существенно переработал не только «Летописец Сильвестра», но и «Повесть Нестора». «Летописец» пополнился новыми сведениями, главным образом новгородскими, и историей ослепления Василька Теребовльского; некоторые его статьи были сокращены, другие дополнены; ряд материалов подвергся тасовке. Но еще бóльшим оказался вклад Автора-3 в несторову «Повесть», едва ли не бóльшим, чем вклад самого Нестора. После переработки Автором-3 мифологическая часть «Повести» по объему выросла в несколько раз, причем переработка «Повести Нестора» шла сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, Автор-3, располагая более полным текстом «Хроники Амартола», существенно пополнил географию Нестора, расширив краткие цитаты из «Хронографа». Его географические экскурсы затронули как дальние страны, так и «ближнее зарубежье». В частности заметно расширился пе-

¹ «Третья редакция» ПВЛ появляется всего-то два-три года спустя после появления «второй редакции», то есть «Летописца Сильвестра». На основании этого факта можно предположить, что Мономах не слишком одобрил труд Сильвестра, который хоть и очистил свой «Летописец» от явного компромата на великого князя, но ничего не добавил хвалебного к вящим славе и величию Мономаховичей. Зато Автор-3 потрудились и за себя, и за Сильвестра, не говоря уже о Несторе.

речень славянских племен: в нем появились отсутствовавшие у Нестора дулебы, уличи, тиверцы, радимичи и вятичи. Но не только «Амартол» послужил Автору-3 источником географической информации. От участников походов 1116 года на Дунай киевлянам стало известно о существовании тезки их города, дунайского Киевца, и перевозчик или охотник Нестора превратился в «князя» Кия, сходявшего «к царю» и оставившего после себя городок на Дунае. Царь, то есть византийский император, в данном случае остался безымянным, так как «Амартол» не удостоил вниманием «похождения Кия» вследствие мифичности «князя». Но для Автора-3 это не стало препятствием, поскольку смелостью фантазии он ничуть не уступал предшественнику, а размахом даже превосходил его настолько же, насколько цитируемая им «Хроника Амартола» была полнее единственно доступного Нестору «Хронографа». Кроме того, в отличие от затворника Нестора Автор-3 возможно сам немало попутешествовал. Ареал путешествий, гипотетически приписываемых ему М. Алешковским, весьма широк: в него помимо Новгорода и Киева вошли Ладога, Галиция с Волынью и даже Польша.

Во-вторых, Автор-3 ввел в «Повесть» договоры Олега и Игоря с греками. Откуда он их взял и что это были за договоры, — это отдельный серьезный вопрос, далеко выходящий за рамки настоящей компиляции, хотя вернуться к нему у нас еще будет повод. Но благодаря этим договорам¹ произошло то, чего не могли предусмотреть ни Нестор, ни Сильвестр: мифическая часть «Повести», которую никто до Автора-3 и не пытался выдавать за летопись ввиду ее очевидной сказочности, вдруг обрела летописные черты на якобы документальной основе (как же, вот они, настоящие юридические документы!). С этого момента благодаря Автору-3 русская историческая мифология начала превращаться в русскую мифическую историю.

¹ Хотя историки все больше склоняются к тому, что весь текст договора Олега Автор-3 просто выдумал (как вероятно и самого вещаго князя), распространить это предположение на договор Игоря или хотя бы заняться исследованием истории его появления в ПВЛ почему-то не решаются.

В-третьих, работая в Андреевском монастыре, само со-
оружение которого отразило пришедшую в начале XII века
из Византии на Русь моду на ап. Андрея, Автор-3 ввел в «По-
весть» путешествие по Руси «своего» святого, Андрея Пер-
возванного, направив его в Рим через Киев и Новгород, то
есть, пользуясь современной поговоркой, «в Малаховку че-
рез Владивосток». Соответственно, он же, вероятный выхо-
дец из Новгорода, отодвинул в далекое прошлое реалию сво-
его времени — «путь из варяг в греки», чтобы по нему про-
гнать апостола через родные новгородские края. А потом с
легкой руки Автора-3 по этому пути, да и всей «Повести»,
начали гулять варяги. Заметим, что у Автора-3 варяги — не
обязательно скандинавы, а в более широком плане западно-
европейцы или даже скорее христиане-католики, и отноше-
ние к ним Автора-3 гораздо более лояльное, чем у Несто-
ра¹. Соответственно смещаются акценты «Повести». Теперь
свет истинной веры восточным славянам несет не ап. Павел,
косвенно через их западных собратьев Норика и Иллирии, а
лично ап. Андрей и непосредственно на Киевщине да Нов-
городчине, причем Андрей Первозванный — брат основате-

¹ При первых русских князьях идет борьба за Русь между Римом и Константинополем, совершенно не отраженная, а точнее сознательно замолчанная нашими летописями. Главным образом эта борьба затронула княжескую верхушку. Равноапостольная княгиня Ольга равно делила свои привязанности между католицизмом и православием. Владимир Святославич, крещенный вследствие женитьбы на гречанке, был привержен византийской вере. Похоже, это предпочтение сохранил Ярослав Владимирович, но уже среди его детей вновь начались метания. Изяслав Ярославич, женатый на польской княжне, а сына выдавший за немку, после изгнания его из Киева братом Святославом, отправляется за помощью против Святослава в Рим и высказывает готовность в случае предоставления такой помощи привести Русь под папскую руку. Лишь смерть Изяслава и вокняжение Мономаха, тесно связанного с царствующим домом в Константинополе, окончательно перевешивает чашу весов в пользу Византии. Однако эта борьба безусловно затрагивала клерикальные круги и поэтому находила отражение в летописании. Несмотря на жесткую цензуру *post factum* отголоски этого противостояния остались в ПВЛ. Так, Нестор был настроен резко «антилатински», а Автор-3, что отметил еще М. Алешковский, занимал позицию более лояльную Риму и католичеству в целом.

ля римской церкви ап. Петра — свой окольный путь держит все-таки в Рим, благо туда, как известно, ведут все дороги. Вследствие варяжско-римской ориентации Автора-3 первая мифическая «соборная» церковь св. Ильи из «списка с договора Игоря с греками» появляется на Руси как церковь варяжская, «так как много было христиан-варягов». Первыми страдальцами за христианскую веру на киевской земле задолго до первых русских святых Бориса и Глеба также оказываются два варяга, отец и сын, замученные местными язычниками. Наконец, даже первый русский инок, впоследствии св. Антоний, как бы перенимает духовную эстафету не только от греческого Афона (Святой Горы), где он принимает постриг, но одновременно и от варягов через приобщение к вырытой теми «малой пещерке» в Берестове¹.

В-четвертых, в контексте «варяжского нашествия» на «Повесть» и учитывая его новгородское происхождение, Автор-3 вполне мог оказаться создателем легенды о призвании князей, которая потянула за собой в «Повесть» также миф об Аскольде с Диром и целый комплекс мифов о Вещем Олеге.

В целом, пожалуй, Автора-3 можно назвать величайшим фальсификатором истории Киевской Руси. Если поверить М. Алешковскому, то этим великим фальсификатором был поп Василий. Вот только боюсь, слишком много приписывает Алешковский своему попу. Этот шустрый батюшка один махом наворотил больше, чем до него десятилетиями вымучивала целая когорта летописцев вкупе с выдающимся фантастом своего времени и вследствие этого тоже невольным фальсификатором Нестором. Не по Сеньке шапка! Но мы уже договорились, что Автор-3 у нас — имя условное. За ним может скрываться другая когорта или даже целый

¹ Казалось бы, какой черт занес в Берестово варягов, и на кой им сдалась та пещерка? Ответ прост: перед нами очередная мешанина Нестора с Автором-3. Нестор заставляет Антония жить анахоретом в пещерах и пещерках по стройному сюжету, поскольку Антоний — основатель Печерского (то есть пещерного) монастыря. А Автор-3, о небрежности которого в выстраивании сюжетов речь еще впереди, ничтоже сумняшеся всовывает своих варягов во все щели включая пещеры.

легион летописцев, да еще как минимум один выдающийся средневековый фантаст. Без него нам никак не обойтись, ибо «Повесть», особенно ее начальная часть, восходящая к «Повести Нестора», представляет собой такое нагромождение мифов и легенд, фантастики и чудес, ошибок и недоразумений, которое превышает возможности одного человека, даже невероятно талантливого, будь то Нестор или неизвестный Автор-3.

Выделение исторических слоев «Повести» и выявление авторов тех или иных ее компонентов остается одной из постоянных проблем, терзающих историков и терзаемых историками. Какие только критерии не шли в ход: и чисто внутренние сопоставления противоречий отдельных частей «Повести», и их хронометрический контроль, и сквозной лингвистический анализ, и сопоставления с другими историческими произведениями, как отечественными, так и иностранными. К этому перечню можно добавить еще один неожиданный критерий для разделения компонентов «Повести Нестора» и творчества Автора-3 — подборку курьезов в тексте «Повести».

Как уже отмечалось выше, Нестор за листажом не гнался. Его произведения невелики по объему, написаны ясным лаконичным языком и, можно сказать, не содержат ничего лишнего, необязательного. Зато все, что написано, даже откровенные фантазии, тщательно продумано, взвешено и сбалансировано. У Нестора практически нет внутренних несоответствий и явных нестыковок. Зато их полным полно у Автора-3, для которого вообще характерна некоторая «безалаберность», которая, впрочем, отчасти может являться следствием того, что за абстрактным Автором-3 стояли несколько реальных авторов.

У собственно Нестора бросается в глаза только один уже отмеченный выше явный ляп об отроке, знавшем печенежский язык, хотя печенеги впервые появились под Киевом. Более того, у этого отрока под рукой даже оказалась печенежская уздечка, которой он размахивал, пока бежал к Днепру через вражеское становище. Но здесь у Нестора есть возможность оправдания. Давно отмечено, что вся легенда об освобождении Киева от печенежской осады в «Повести» пред-

ставляет собой совмещение двух преданий, в одном из которых город спасает воевода Претич, а в другой — забежавший из Болгарии домой Святослав. Вследствие явной противоречивости двух вариантов у них должны быть разные источники, и следовательно у Нестора здесь был соавтор, за счет которого можно списать эту несуслаицу.

Тексты же Автора-3 буквально напичканы нелепицами и курьезами. Мы не будем трогать глобальные проблемы расхождения утверждений Автора-3 с теми данными, которыми располагает современная археология: (1) что Рюрик с братьями призываются в 862 году в несуществующий еще Новгород; (2) что в IX веке нет самого Киева, который поочередно захватывают Аскольд с Диром и Вещий Олег; (3) что точно также нет еще Чернигова, Переяславля, Ростова и Любеча, для которых Вещий Олег берет дань с греков; (4) что путь «из варяг в греки» начинает функционировать спустя почти полвека после того, как по нему проходят Аскольд и Дир, не говоря уже об ап. Андрее. Это перечень можно продолжить, но мы здесь уделим внимание не менее многочисленным и более интересным для нас собственным внутренним нестыковкам в текстах Автора-3, а затем и противоречиям его фантазий фантазиям Нестора.

Сплошная неразбериха у Автора-3 начинается прямо с призвания князей. Совершенно неясно, что за варяги взимали дань с чуди, мери, словен и кривичей. Единственное, что нам сообщает о них Автор-3, это то, что варяги эти «из заморья», куда их и прогоняют. Однако что за заморье? Кто прогоняет? Можно лишь предполагать, что действующие лица — те самые, которые затем обращаются со знаменитой просьбой «прийти, княжить и владеть» ими к заморской руси. Но к руси, оказывается, обращается... сама русь вкупе с чудью, словенами и кривичами.

Аскольд и Дир сначала представлены Автором-3 как «не родственники, а бояре» Рюрика. Однако Олег, придя в Киев, зовет их на встречу как родичей: *«мы... от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим»*. И тут же Олег убивает «родичей», поскольку они, дескать, «не княжеского рода» (веское основание убивать!). Но раз Аскольд с Диром — роди-

чи Игоря и Олега, но они не княжеского рода, то, следовательно, и сами Игорь с Олегом тоже не княжеского рода? Ничего подобного, Олег тут же утверждает, что сам он «княжеского рода». В итоге Автор-3 окончательно запутывается в родственных отношениях своих персонажей, и Олег у него оказывается то князем, то всего лишь воеводой при Игоре. Так Олег и идет по «Повести» то в единственном числе, поглотив Игоря, то в двойственном, распарившись со своим сувереном¹.

Теперь о «разногласиях» между Автором-3 и Нестором. Они не только противопоставляют взгляды и источники двух «соавторов», но и помогают определить авторскую принадлежность того или иного фрагмента. Примеров таких расхождений хоть отбавляй².

Пример 1. Вот Нестор повторяет «Хронограф»: *«Яфету же достались северные страны и западные до Черного моря на север, Дунай, Днестр и Кавказские горы»*. Автору-3 этого кажется мало, и он щедро расширяет владения Яфета по «Хронике Амартола»: *«Мидия, Альванья, Армения Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галатъ, Колхисъ, Боспори, Меоти, Деревы, Саръмати, Тавриани, Скуфия, Фраци, Македонья, Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеса, Аркадъ, Ятиронья, Илюрик, Словене, Лухнития, Анъдриокія, Онъдреатиньская пучина, имати же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Лезовона, Кофирана, Закунфа, Кефалинья, Ифакину, Керъ-куру, часть Асийскыя страны, нарицаемую Онию, и реку Тигру, текущую межи Миди и Вавилоном...»*. И все бы ничего, но всю эту добавку Автор-3 вставляет... после слова «западные» предыдущей цитаты Нестора³, и тем самым не-

¹ В грамматике древнерусского языка ПВЛ еще четко различались единственное, множественное и особое двойственное числа. По форме глагола Олег действует то в единственном, то в двойственном числе (как бы он действуют).

² Все приведенные далее в примерах разногласия Автора-3 с Нестором взяты у М. Алешковского.

³ Почему вставка вклинилась столь неудачно? Например, просто потому, что в этом месте в оригинальном тексте Нестора кончился лист и можно было сделать большую добавку, не переписывая весь текст, а

нароком заворачивает Тигр в Черное море: *«реку Тигру, текущую меж Мидией и Вавилоном [граница вставки] до Черного моря на север...»!*

Пример 2. Есть и обратный пример вставки назидательного текста Нестора с характерными для того прямыми речами в легенду Автора-3 о варяжских мучениках христианах: *«Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран. “Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, ибо здесь пророки не предрекали”, не зная, что пророк сказал: “И назову людей не моих моими людьми”; об апостолах же сказано: “По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной — слова их”. Если и не были здесь апостолы сами, однако учение их, как трубные звуки, раздаётся в церквях по всей вселенной: их учением побеждаем врага-дьявола, попирая его под ноги».* И эта вставка с характерными прямыми речами, отражающая взгляды Нестора на заимствование Русью христианского учения не напрямую от апостолов, а через словенскую грамоту, прямо противоречит легенде об ап. Андрее, вставленной в «Повесть» Автором-3 перед приведенной цитатой из Нестора.

Пример 3. Нестор считает русь восточноевропейским народом, происходящим от словен Норики. Для Автора-3 русь — западноевропейское, варяжское племя, и это его представление основано на «Хронике Амартола», в которой русь прямо названа «сущей от рода варяжска». И неважно, что само последнее утверждение «Хроники Амартола» является следствием другого недоразумения: «Амартол» по ошибке превратил русь из «народа племени **фрягов**» у «Продолжателя Феофана» в «народ **рода варягов**». Но Ав-

просто вставив дополнительный лист. Этот простой прием часто использовался «ленивыми» сводчиками, в результате чего многие тексты ПВЛ разорваны либо длинными вставками, либо погодными маркерами, которые, как уже отмечалось ранее, были вставлены много позже написания исходного текста.

тор-3 не читал «Продолжателя Феофана», он цитирует только «Хронику Амартола».

Пример 4. Нестор вслед за «Хронографом» пишет ошедших «мимо Киева горою» уграх как просто уграх, а Автор-3 вслед за «Амартолом» называет их **черными** уграми, поскольку «Амартол» знает еще и угров белых.

Пример 5. Нестор приписывает основание Новгорода своим расселяющимся в незапамятные времена из Норика словенам, а у Автора-3 Новгород основывает Рюрик после «призыва» в 862 году.

Пример 6. В «Повести» имеется уникальный случай — две статьи под 945 годом. В первой из них, длинной из-за включенного Автором-3 «списка с договора Игоря», **Игорь и его дружина благоденствуют** в мире, получив очередной богатый выкуп с Византии. Другая более краткая статья сохранила легенду Нестора о казни Игоря в Древлянской земле, куда его подбила идти собственная **голодная и оборванная дружина**. Причем, все та же особенность Нестора, дружина обращается к князю хоровой прямой речью: *«В тот год сказала дружина Игорю: “Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам”»*.

Пример 7. У Нестора, вслед за «Хронографом», император Михаил царствует с **6362 года** от сотворения мира, так как Кирилл и Мефодий переложили христианские книги на славянский язык на втором году его царствования в 6363 году. Но далее в тексте «Повести» говорится, что Михаил начал править в **6360 году**, и это — текст Автора-3, поскольку такую же дату приводит и «Амартол».

Пример 8. В «Повести» печенеги дважды впервые с интервалом в полвека приходят на русскую землю: в 915 и 968 годах. Второй первый приход описан в контексте легенды о спасении Киева отроком, знавшим печенежский язык. Как уже отмечалось выше, автором одной из версий этой легенды мог быть Нестор. Первый же из этих двух первых приходов печенегов, не имеющий никакой связи с Русью, а описывающий борьбу печенегов против болгар и взаимоотно-

шения тех и других с греками, добавлен Автором-3 с целью показать эрудицию (на самом деле не столько свою, сколько «Амартола»).

Пример 9. Аналогично двум первым приходам печенегов в статье 988 года есть два рассказа о вселенских соборах. Так же, как и в предыдущем случае, второй из них, явно направленный против Рима и латинской веры, можно присвоить Нестору, а предшествующий, более нейтральный и лояльный к Риму, но насыщенный большими фактическими подробностями, — Автору-3.

Вообще можно еще раз отметить, что Автор-3 писать не ленился, явно брал количеством, хотя и в ущерб качеству. Вероятно бóльшая часть дошедшей до нас «Повести Нестора» написана не Нестором, а им.

КАК НАМ БЫТЬ С «ПОВЕСТЬЮ»?

Истории древней Руси очень не повезло, что «Повесть» с самого начала попала не на ту библиотечную полку. Вины самой «Повести» в этом нет. Нет в этом вины ни Нестора, ни Сильвестра, ни даже Автора-3. Ведь никому не приходит в голову обвинять А. Дюма-отца и М. Дрюона, В. Скотта и М. Миттчел, В. Яна и В. Пикуля в фальсификации истории. Историю в школах учат не по их романам. (Хотя, признаться, лично мои представления об истории Франции, Англии, США, да и родной истории формировались в значительной степени романами перечисленных авторов.) С «Повестью» все получилось ровным счетом наоборот. С одной стороны, фактически именно по «Повести» в наших школах учат историю Киевской Руси. С другой стороны, в последнее время все более модно обвинять Нестора, Сильвестра и иже с ними в фальсификации этой самой истории. Еще бы, если «Повесть» по-прежнему будет стоять на полке летописей! Как летопись, она действительно рисует полуфантастическую историю Киевской Руси для времени Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого и совершенно фантастическую для некоего государства, вообще не существовавшего до Вла-

димира I. Эта история вероятно еще более фантастична, чем это признают даже самые активные критики «Повести», такие как А. Никитин¹. Ко всему тому, что уже выявлено этими критиками, здесь хотелось бы добавить еще одно выразительное само по себе и важное для понимания сущности «Повести» ее «достижение» в конструировании мифической истории древней Руси, а именно сотворение кумира — конкретно «славянского бога Велеса» или, как еще его часто называют, «скотьего бога».

В соответствии с правилами хорошего тона начнем с энциклопедии: *«Велес (Волос) — древнеславянское языческое божество, считавшееся покровителем скота ("скотий бог")*. Культ В. был известен в 10 в. в Киеве, Новгороде, позже — в Ростовской земле. В чешских памятниках 15–16 вв. упоминается в ином значении — в смысле нечистой силы. После принятия христианства официальный культ В. был уничтожен, но в крестьянском быту роль покровителя скота была перенесена на св. Власия, день празднования которого совпадал с временем зимнего отёла (начало февраля), а также из-за сходства имён».

Если Велес — древнеславянское божество, то почему о таком «боге» слыхом не слыхивали западные и южные славяне? Ладно, допустим, Велес был божеством сугубо восточнославянским. Однако у чехов есть свой *veles*, но это вовсе не бог, а наоборот... «черт, дьявол», причем для этого чешского черта-дьявола общепринята этимология из финикийского Баала. Но эта же этимология превосходно подходит и к нашему Велесу! Велес совершенно естественно возводится к Баалу через его греческую библейскую форму Белос/Белес (в среднегреческом произношении Велос/Велес). Из этого естественного возведения следует, что никакого языческого культа Велеса на Руси никогда не было, языческая русь не знала такого «бога». Этим объясняется тот на первый взгляд удивительный и до сих пор не объясненный факт, что та же «Повесть» не включает Велеса в языческий пантеон, уста-

¹ Например, А. Бычков. Киевская Русь. Страна, которой никогда не было? Легенды и мифы. АСТ, 2005.

новленный Владимиром в качестве государственного после захвата власти в Киеве: *«И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь»*. Среди полудюжины кумиров Велеса нет, потому что во все древнерусские тексты, в частности «Повесть», Велес перекочевал не из жизни, а из греческой Библии, и соответственно уже после христианизации Руси. Именно по библейским мотивам, где этот бог перманентно ассоциируется с тельцом¹, Баал-Велес был увязан русскими книжниками с крупным рогатым скотом и воспринят как «скотий бог». Именно по библейским мотивам, где этот «языческий» бог явно противопоставлен «истинному» богу и с переменным успехом борется за души верующих, Баал-Велес в раннем православном христианстве стал синонимом дьявола. В этом же качестве присутствует он и в «Повести».

Для нас же этот пример особенно интересен потому, что в «Повести» языческая русь Олега клянется скотьим богом Велесом/Волосом: *«Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, скотьим богом, и утвердили мир»*. Традиция предполагает, что этот текст был перенесен в «Повесть» из какого-то хранившегося с языческих времен, а именно времен Олега, договора Руси с Византией. Но если у языческой руси не было бога Велеса, если сам этот «бог» мог возникнуть только в Руси христианской, то, стало быть, и процитированный пассаж был впи-

¹ Культ Баала — один из самых распространенных на Ближнем Востоке в библейские времена. Иногда Баал изображался антропоморфно, могучим великаном, восседающим на облаках с молниями в руке, но чаще — в виде быка, а точнее тельца. Как и большинство семитских народов, древние евреи тоже поклонялись Баалу. Этого не мог замолчать даже Ветхий завет, признающий, что они периодически изменяли Яхве и отливали себе для поклонения пресловутого «золотого тельца», терпели за это бесконечные тяжкие страдания, но упорно держались старой веры.

сан в «Повесть» человеком, знакомым с греческим текстом Библии, и, следовательно, никак не во времена Олега, а уже после принятия на Руси христианства, другими словами тогда, когда собственно и писались первые русские летописи. В частности, этот фрагмент вполне мог выйти из-под бойкого пера Автора-3.

Между тем «договоры» Олега и Игоря были по существу единственными реальными доводами в пользу существования неких якобы сохранившихся (где? как?) древних (дохристианских, дописьменных?) текстов по истории руси (на каком языке?! Увы, не было их. Да и не нужны они были таким талантливым фантазерам как Нестор и особенно Автор-3. Чем-чем, а недостатком талантов Русская земля никогда не страдала.

Отдавая должное масштабности «Повести» как первой отечественной *fantasy*, нельзя не задаться простым, но совершенно естественным вопросом: почему эта компилятивная фантастика считается русской Историей?! К «Повесть» с полным основанием можно отнести и другой вопрос, содержащийся в заглавии книги У. Девера «Что знали те, кто писал Библию, и когда они это знали?», заменив слово «Библию» на «Повесть временных лет». Полного ответа на перефразированный вопрос не найдется точно так же, как и на исходный. Но, несмотря на отсутствие глобального ответа, есть простое частное решение проблемы: переставить «Повесть» на другую полку — и дело с концом! Право, Нестору и Автору-3 будет гораздо уютнее рядом с А. Дюма-отцом и В. Скоттом, а Рюрик, Аскольд, Дир и Вещий Олег хорошо уживутся в компании с королем Артуром, шевалье д'Артаньяном и доблестным рыцарем Айвенго. Эта компания незаурядных персонажей по-прежнему будет любима детьми и большинством взрослых, но учить историю наши дети должны по другим учебникам, где *fantasy* и фантазиям все-таки не место.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

Глава 1

Читая «Повесть временных лет»

Предисловие: замысления (еще не читаем, но уже замышляем)	12
Злословие: размышления (потихоньку читаем и размышляем)	20
Пустословие: измышления (уже не читаем, а измышляем)	95
Измышление о славянской прародине	95
Измышление о «Великой Эстонии»	105
Измышление о Руси Первой	114
Измышление о черноморских варягах	127
Измышление о «рюриках», «олегах» и «свенельдах»	138

Глава 2

Читая ибн Фадлана

Пролог: в Багдаде все спокойно	156
Предлог: вновь под крышей Баскервиль-холла	159
Залог: цитаты и вопросы без ответа	165
Об имени царя славян	165
О славянах ибн Фадлана	170
О доверии ибн Фадлану	176
О русах	183
О похоронах знатного руса	193
Об образе жизни русского царя	202
О баранджарцах	206
Подлог: новые вопросы вместо ответов	211

Глава 3

Читая Константина Багрянородного

Завлечения	218
Извлечения	
Полдюжины императорских загадок	222
Развлечения	
Развлечение днепровскими порогами	235
Развлечение словенским и русским языками	246
Развлечение людем и полюдем	255

Глава 4

Временные лета «Повести временных лет»

Введение	266
Как начиналось русское летописание	268
Что на самом деле написал Нестор	276
Что за Нестора дописывали потом	286
Как нам быть с «Повестью»?	298

**Я думаю, что нам настолько надоело быть
удобрением западной цивилизации,
что сегодня в России воскресает
родовая память.**

**У нас просто патологическая, животная
страсть к Родине. И пока это так,
нас нельзя победить.**

Михаил Задорнов

**Официальная трактовка
возникновения Киевской Руси
и зарождения русского народа,
восходящая к так называемой Начальной
летописи, неоднократно подвергалась
и продолжает подвергаться критике.**

**Данная книга — не просто очередная
критика летописной традиции,
«официальной» версии становления
русской государственности, но попытка
дать ответ на вопрос: откуда ты, Русь?**

**Она будет интересна как массовому
читателю, которому небезразлична древняя
история его страны и его народа, так
и специалистам, преподавателям, учащимся.**

ISBN 978-5-699-39871-3

9 785699 398713 >